

ISSN 2410-4205 (print)
ISSN 2949-2866 (online)

HISTORY:

FACTS AND SYMBOLS

Istoriya: fakty i simvoly

Vol. 38 / 2024/ № 1

DOI: 10.24888/2410-4205-2024-38-1

<https://hisfas.elpub.ru>

Журнал основан в 2007 г. под названием Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Серия "История". В 2012 - 2014 г. журнал назывался «Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция».

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Типография: Издательский отдел ЕГУ им. И.А. Бунина. 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Зарегистрировано Роскомнадзором:

ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014.

Префикс DOI: 10.24888

Тираж журнала - 1000 экз.

«История: факты и символы» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области истории повседневности, истории, культурологии. Цель журнала – расширить представления о достижениях российской исторической науке в мировом пространстве. Редакционная политика журнала базируется на традиционных научно-этических принципах и подходах, выработанных отечественными мировым научным сообществом. Издание представлено научными работами аналитического, научно-исследовательского и научно-методического характера. Целевая аудитория журнала: мировое сообщество ученых-историков, преподаватели вузов, учителя, студенты, аспиранты и все интересующиеся вопросами исторической науки и смежных с ней дисциплин. Миссия журнала – синтез традиционных представлений об исторической науке, которые в силу обстоятельств еще довольно сильны в России, и новых направлений, разрабатываемых в русле исторической антропологии. Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. К публикации принимаются статьи на английском и русском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <https://hisfas.elpub.ru>

The journal was founded in 2007 under the name Bulletin of the Yelets State University. Series "History". In

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России»

Подписной индекс издания Ф64989

Цена свободная

Дата выхода в свет 15.03.2024

2012 - 2014 the publication was called "West-Russia-East: Archeology. Story. Philosophy. Jurisprudence". Founder and publisher: Bunin Yelets State University named

Printing house: Bunin YSU Publishing Department 399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1. It is published 4 times a year (March, June, September, December)

Roskomnadzor registration certificate

PI No. ФС77-59752 dated November 7, 2014.

DOI prefix: 10.24888

The journal circulation is 1000 copies.

"History: Facts and Symbols" is a peer-reviewed academic journal, whose area of interest is advanced research in the field of the history of everyday life, history, cultural studies. The target of the journal is to expand the understanding of the achievements of Russian historical studies in the world. The editorial policy of the journal is based on traditional academic and ethical principles and approaches. The publication is represented by works of an analytical, research and methodological nature in various fields of historical studies, which are fundamental, applied and innovative. The target audience of the journal is the world community of historians, university professors, teachers, students, graduate students and all those interested in the issues of historical studies and related disciplines. The mission of the journal is a synthesis of traditional ideas about historical studies, which, due to circumstances, are still quite strong in Russia, and new directions developed in line with historical anthropology. Our task is to study a set of human cognitive and mental mechanisms from different eras. The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main academic results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published. Articles in English and Russian are accepted for publication. The full-text version of the journal is freely available on the journal's website and is hosted on the platform of the Russian Science Citation Index (RSCI) of the Russian Universal Scientific Library. Full information about the journal and the rules for preparing articles are available on the website: <https://hisfas.elpub.ru>

Subscription to the journal is carried out according to the catalog "Press of Russia"

Subscription index of the publication Ф64989

Free price

Publication date 15.03.2024

Адрес редакции: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770 Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, тел. - 8 47467 60237

e-mail: nauka@elsu.ru

Право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

Условия использования материалов журнала

Пользователи соглашаются использовать материалы журнала исключительно в законных целях, в пределах, установленных законодательством Российской Федерации, не нарушая и не ограничивая права третьих лиц и не препятствуя использованию третьими лицами данного сайта в полном объеме. Все права на материалы, размещенные на страницах журнала и на сайте, принадлежат Федеральному государственному бюджетному учреждению Высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Editorial Boards address: Bunin Yelets State University, 28, 1 Kommunarov st., Yelets, Lipetsk region, 399770, tel - 8 47467 60237

e-mail: nauka@elsu.ru

The right to the original layout and design belongs to the journal, the copyright to the articles belongs to the authors.

Terms of use of journal materials

Users agree to use the materials of the journal solely for lawful purposes, within the limits established by the legislation of the Russian Federation, without violating or restricting the rights of third parties and without preventing third parties from using this site in full. All rights to the materials posted on the pages of the journal and on the website belong to the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University", unless another copyright holder is indicated in the imprint of the material itself.

Главный редактор: Д.А. Ляпин (Россия, ЕГУ им. И. А. Бунина).

Редакционный совет: В.Н. Глазьев (Россия, ВГУ), В.В. Канищев (Россия, ТГУ им. Г.Р. Державина), А. Колотари (Венгрия, Капошварский университет), В.А. Ливцов (РАНХиГС); В.П. Литвинов (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), А.Б. Оришев (Россия, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязев), Н.А. Плавинский (Беларусь, Минск, БГУ), Б.У. Серазетдинов (Россия, Институт российской истории РАН).

Редакционная коллегия: А.В. Гладышев (Саратов, СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского), В.И. Горбачев (Новая Зеландия, Веллингтон, Университет Королевы Виктории), Н.Н. Грибов (Москва, Институт археологии РАН), В.С. Елистратов (Россия, МГУ им. М. В. Ломоносова), Н.А. Жиров (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), О.В. Клевцова (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), И.В. Крючков (Россия, СКФУ), М.М. Лоевская (МГУ им. М. В. Ломоносова), Ю.С. Овчинникова (Россия, МГУ им. М.В. Ломоносова), Н.Н. Петрухинцев (Россия, профессор, РАНХиГС), С.А. Романенко (Россия, РГГУ), Д.В. Сень (Россия, ЮФУ), Н.А. Тропин (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), А.А. Чубур (БГУ им. И. Г. Петровского), Б.Л. Шапиро (Россия, РГГУ).

Editor-in-Chief – Denis A. Lyapin (Russia, Bunin YSU).

Editorial Council: Vladimir N. Glazyev (Russia, VSU), Vladimir V. Kanishchev (Russia, Derzhavin TSU), Atila Kolotari (Hungary, Kaposvár University), Vladimir A. Livtsov (Russia, RANEPА), Vladimir P. Litvinov (Russia, Bunin YSU), Alexander B. Orishev (Russia, Timiryazev RGAU), Nikolay A. Plavinsky (Belarus, Minsk, BSU), Boris U. Serazetdinov (Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences).

Editorial board: Andrey V. Gladyshev (Saratov, Chernyshevsky SNIGU), Valentin I. Gorbachev (New Zealand, PhD student, Victoria University of Wellington); Nikolay N. Gribov (Moscow, Institute of Archeology RAS), Vladimir S. Yelistratov (Russia, Lomonosov Moscow State University), Nikolay A. Zhirov (Russia, Bunin YSU), Oksana V. Klevtsova (Russia, Bunin YSU), Igor V. Kryuchkov (Russia, NCFU), Margarita M. Loevskay (Russia, Lomonosov MSU), Nikolay N. Petrukhintsev (Russia, RANEPА), Yulia S. Ovchinnikova (Russia, Lomonosov MSU), Dmitry V. Sen (Russia, SFU), Nikokay A. Tropin (Russia, Bunin YSU), Artur A. Chubur (Russia, Petrovsky BSU), Bella L. Shapiro (Russia, RSUH).

© «История: факты и символы» (Оригинал-макет и оформление) / "History: facts and symbols" (Original layout and design), 2024

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Маторина И.В. (Тамбов)	ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ-ДОШКОЛЬНИКОВ В ТАМБОВСКОМ КРАЕ (1918-1941 ГГ.).....	8
Махрачев Г.С., Махрачева Я.В. (Тамбов)	РАССКАЗОВСКОЕ ПРОМЫСЛОВЕ КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО КУСТАРЕЙ-ВЯЗАЛЬЩИКОВ КАК УСПЕШНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ КООПЕРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ	26
Тарасов М.О. (Калуга)	СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НЕЗАЩИЩЕННЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1860 – 1914 гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	36

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Майров А.А. (Орёл)	М. И. ВОРОТЫНСКИЙ, НОВОСИЛЬСКИЙ ГРАД И НЕМИЛОСТЬ ГОСУДАРЯ	47
Подвальнов Е.Д. (Елец)	«СПОР О ДЕФИНИЦИЯХ»: ПОХОД ВЛАДИМИРА МОНОМАХА 1111 Г. ПРОТИВ ПОЛОВЦЕВ В ЛЕТОПИСАНИИ – «РУССКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» ИЛИ АПЕЛЛЯЦИЯ К ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ИСТОРИИ?	56

XVII ВЕК

Волков С.А., Тропин Н.А. (Елец)	РУКОПИСЬ КНЯЗЯ С.И. ШАХОВСКОГО ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	71
Пальчикова А.С. (Елец)	КРЕСТЬЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1646 И 1678 ГОДОВ	79

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кудланов К.Б. (Курск)	ВЛИЯНИЕ СУДЕБНО-ЖАЛОБНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ОДНОДВОРЦЕВ НА НАКАЗАНИЯ ЧИНОВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ С НАЧАЛА XVIII ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА.....	89
Ипатов А.М., Меркулов А.Н. (Воронеж)	К ВОПРОСУ О РОЛИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА В ЗАРОЖДЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ.....	102

Пуневский Я.В. (Мытищи)	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЯРОСЛАВЛЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ТРАМВАЙНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОРОДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	109
----------------------------	--	-----

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Сафонов Д.А. (Тамбов)	СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ФРОНТОВИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖ- НОСТИ	117
--------------------------	---	-----

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

Крючков И.В., Кудрявцев А.А. (Ставрополь)	ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТ- НОШЕНИЙ РОССИИ И БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ XX В.: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ	135
---	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Долгих А.Н. (Липецк)	РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л. М. ЛЯШЕНКО «ДВА БРАТА НА РОССИЙСКОМ ПРЕСТОЛЕ» (Москва: Вече, 2023. 496 с.)	143
Селезнёв Ю.В. (Воронеж)	ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОО «АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»	148

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	153
------------------------------------	------------

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY LIFE**

<i>Irina Matorina</i> (<i>Tambov</i>)	PROFESSIONAL TRAINING OF PRESCHOOL TEACHERS IN THE TAMBOV REGION (1918-1941).....	8
<i>Gennady Makhrachev</i> <i>Yana Makhracheva</i> (<i>Tambov</i>)	RASKAZOVSKY FISHING COOPERATIVE PARTNERSHIP OF ARTISTIC KNITTERS AS A SUCCESSFUL EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION OF SOVIET COOPERATIVE POLICY	26
<i>Mark Tarasov</i> (<i>Kaluga</i>)	SYSTEM OF SOCIAL SUPPORT FOR UNPROTECTED PEOPLE IN THE KALUGA PROVINCE, 1860s – 1914: REGIONAL FEATURES, PROMISING DIRECTIONS AND SOURCE BASE OF RESEARCH.....	36

ARCHEOLOGY AND ISSUES IN THE HISTORY OF ANCIENT Rus'

<i>Anatoly Mairov</i> (<i>Orel</i>)	PRINCE MICHAEL VOROTYNSKY, THE TOWN OF NOVOSIL AND THE WRATH OF THE TSAR	47
<i>Evgeniy Podvalnov</i> (<i>Yelets</i>)	«“DISPUTE ABOUT DEFINITIONS”»: VLADIMIR MONOMACH’S CAMPAIGN OF 1111 AGAINST THE CUMANS IN THE CHRONICLES – “RUSSIAN CRUSADE” OR APPEAL TO OLD TESTAMENT HISTORY?	56

XVII BEK

<i>Stanislav Volkov</i> , <i>Nikolay Tropin</i> (<i>Yelets</i>)	MANUSCRIPT OF PRINCE S.I. SHAHOVSKY FROM THE COLLECTION OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY: CONTENT ANALYSIS.....	71
<i>Alexandra Palchikova</i> (<i>Yelets</i>)	PEASANT POPULATION OF THE UPPER AND MIDDLE DON REGION ACCORDING TO THE CENSUS BOOKS OF 1646 AND 1678.....	79

CURRENT ISSUES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

<i>Konstantin Kudlanov</i> (<i>Kursk</i>)	THE INFLUENCE OF THE JUDICIAL COMPLAINT INITIATIVE OF THE ONE-CENTURY PEOPLE ON THE PUNISHMENT OF OFFICIALS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION FROM THE BEGINNING OF THE 18TH TO THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY	89
<i>Alexey Ipatov</i> <i>Alexander Merkulov</i> (<i>Voronezh</i>)	ON THE QUESTION OF THE ROLE OF GRAND PRINCE ALEXANDER MIKHAILOVICH IN THE ORIGIN OF THE RUSSIAN AIR FORCE	102

<i>Yaroslav Punevsky</i> (<i>Mytishchi</i>)	ACTIVITIES OF YAROSLAVL CITY GOVERNMENT IN ORGANIZING TRAM TRAFFIC AT THE END OF THE 19TH AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES	109
--	---	-----

THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

<i>Dmitry Safonov</i> (<i>Tambov</i>)	SOCIAL PORTRAIT OF FRONT-SERVANTS OF THE FIRST WORLD WAR: INFORMATION POTENTIALS	117
--	--	-----

HISTORY OF EUROPE

<i>Igor Kryuchkov</i> <i>Alexander Kudryavtsev</i> (<i>Stavropol</i>)	THE FUTURE OF ECONOMIC RELATIONS RUSSIA AND BULGARIA IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: THE VIEW OF RUSSIAN DIPLOMATS	135
---	--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Arkady Dolgikh</i> (<i>Lipetsk</i>)	REVIEW OF L. M. LYASHENKO'S BOOK "TWO BROTHERS ON THE RUSSIAN THRONE" (Moscow, Veche, 2023)..	143
<i>Yuri Seleznev</i> (<i>Voronezh</i>)	REVIEW OF THE WORK OF THE ASSOCIATION OF RESEARCHERS OF THE GOLDEN HORDE	148

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	153
--	-----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ / HISTORY OF EVERYDAY

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-8-25>

УДК 93/94, 908

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ-ДОШКОЛЬНИКОВ
В ТАМБОВСКОМ КРАЕ (1918-1941 ГГ.)***И. В. Маторина**Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
ул. Интернациональная, д. 33, Тамбов, 392000, Россия***Аннотация**

Ведение. В условиях продолжающейся модернизации российского образования, в ходе реализации национальных проектов «Демография», «Образование» с открытием новых образовательных учреждений остро ощущается дефицит не только школьных, но и дошкольных педагогов. Наряду с задачами обеспечения доступности дошкольного образования, обновления содержания и повышения качества дошкольного образования, актуальной стала проблема профессиональной подготовки педагогических кадров. Подготовка специалистов-дошкольников для решения кадрового вопроса региона осуществлялась на Тамбовщине с момента включения дошкольного воспитания в государственную систему народного образования. За это время накоплен большой теоретический и практический опыт, который целесообразно переосмыслить и использовать на новом этапе реализации этого направления государственной политики в сфере дошкольного образования. **Материалы и методы.** Основными источниками исследования стали материалы фондов Государственного архива Тамбовской области, опубликованные источники и материалы периодической печати. **Результаты.** Проведен ретроспективный анализ системы профессиональной подготовки педагогов – дошкольников в Тамбовском крае в период с 1918 г. до начала Великой Отечественной войны. Дана характеристика различных типов учебных заведений, осуществляющих подготовку специалистов-дошкольников на территории Тамбовского края, дающих представление о становлении государственной многоуровневой системы профессиональной педагогической подготовки специалистов по дошкольному воспитанию: подготовка на краткосрочных и долгосрочных курсах, в педтехникумах – педучилищах, в вузах. Акцентировано внимание на зависимости продолжительности, форм, методов и содержания профессиональной подготовки кадров от изменения направлений государственной политики, а также под влиянием социально-экономических условий жизни в стране. **Заключение.** Сделан вывод, что в Тамбовском крае в период с 1918 по 1941 гг. осуществлялась, прежде всего, профессиональная подготовка практических работников дошкольных учреждений (воспитателей детских садов и работников детских летних площадок) путем организации курсовой подготовки, а также в средних специальных учебных заведениях (с 1923 г.). Опыт вузовской подготовки был недолгим (1918-1923 гг.) и связан с открытием и последующей реорганизацией Тамбовского государственного университета.

Ключевые слова: дошкольное образование, подготовка педагогических кадров, курсовая подготовка, дошкольное отделение педтехникума, дошкольное педучилище

Для цитирования: Маторина И. В. (2024). Профессиональная подготовка педагогов-дошкольников в Тамбовском крае (1918-1941 гг.) // История: факты и символы. № 1 (38). С. 8-25 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-8-25

Благодарности: Автор выражает благодарность доктору исторических наук, профессору Ю. А. Мизису за научное руководство в процессе написания данной работы.

Статья поступила: 19.10.2023

Статья принята в печать: 27.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Маторина И., 2024

PROFESSIONAL TRAINING OF TEACHERS FOR PRESCHOOL CHILDREN IN THE TAMBOV REGION (1918-1941)

Irina Matorina

*Derzhavin Tambov State University,
st. Internationalnaya, 33, Tambov, 392000, Russia*

Abstract

Introduction. In the context of the ongoing modernization of Russian education, during the implementation of national projects “Demography”, “Education” with the opening of new educational institutions, there is an acute shortage of not only school, but also preschool teachers. Along with the tasks of ensuring accessibility of preschool education, updating the content and improving the quality of preschool education, the problem of professional training of teaching staff has become urgent. The training of preschool specialists to solve the personnel issue of the region has been carried out in the Tambov region since the inclusion of preschool education in the state public education system. During this time, a great deal of theoretical and practical experience has been accumulated, which is advisable to rethink and use at a new stage in the implementation of this area of state policy in the field of preschool education. **Materials and methods.** The main sources of the research were materials from the funds of the State Archives of the Tambov Region, published sources and periodicals. **Results.** A retrospective analysis of the system of professional training of preschool teachers in the Tambov region in the period from 1918 to the beginning of the Great Patriotic War was carried out. The characteristics of various types of educational institutions that train preschool specialists in the Tambov region are given, giving an idea of the formation of a state multi-level system of professional pedagogical training of specialists in preschool education: training in short-term and long-term courses, in pedagogical technical schools, in universities. Attention is focused on the dependence of the duration, forms, methods and content of professional training on changes in the directions of state policy, as well as under the influence of socio-economic conditions of life in the country. **Conclusion.** It is concluded that in the Tambov region in the period from 1918 to 1941, professional training was carried out, first of all, for practical workers of preschool institutions (kindergarten teachers and workers of children's summer playgrounds) through the organization of course training, as well as in secondary specialized educational institutions (since 1923). The experience of university training was short-lived (1918-1923) and was associated with the opening and subsequent reorganization of Tambov State University.

Keywords: preschool education, training of teaching staff, course preparation, preschool department of a pedagogical college, preschool pedagogical college

For Citation: Matorina I. (2024). Professional training of teachers for preschool children in the Tambov region (1918-1941) In History: facts and symbols, 38, 1, pp. 8-25, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-8-25>

Acknowledgements: The author would like to express his gratitude to prof. Yuri Mizis for scientific guidance in the process of writing this paper.

Received: 19.10.2023

Revised: 27.01.2024

Published: 15.03.2024

© Matorina I., 2024

1. Введение

В апреле 2022 г. правительство РФ утвердило «Концепцию подготовки педагогических кадров для системы образования до 2030 года»¹, предусматривающую формирование единого образовательного пространства с учетом единых содержательных и технологических условий подготовки педагогов, развитие системы непрерывного педагогического образования от профильных классов до учреждений повышения квалификации. Расширение вариативности форм дошкольного образования и разнообразие педагогических услуг, введение Федеральных государственных стандартов дошкольного образования, Профессионального стандарта педагогов требуют не только нормативных, структурных и содержательных изменений в региональных системах дошкольного образования, но и трансформации модели профессиональной подготовки кадров. Проблеме подготовки специалистов для системы дошкольного воспитания посвящены диссертационные исследования С. В. Жундриковой², О. П. Чечулиной³, некоторые аспекты данной проблемы рассмотрены в трудах З. У. Колокольниковой [24], в статьях коллектива авторов О. В. Акуловой, Э. В. Онищенко, Л. Ю. Савиновой и др. [2].

2. Материалы и методы

В ходе исследования был применен микроисторический подход к комплексному изучению темы. Основу исследования составили материалы фондов Государственного архива Тамбовской области. Это отчеты губернского и уездных отделов народного образования, Тамбовского Округного отдела народного образования (ОКРОНО) об организации и работе курсов по дошкольному воспитанию, информационные отчеты о состоянии дошкольного воспитания в Тамбовской губернии (округе, области); материалы, связанные с организацией курсов по дошкольному воспитанию и открытием дошкольного отделения в Тамбовском педтехникуме – педучилище; материалы обследования дошкольного педучилища. А также опубликованные источники и материалы периодической печати. Ретроспективный анализ источников позволил представить полную картину становления и функционирования системы профессиональной подготовки педагогов-дошкольников в Тамбовском крае в период с 1918 по 1941 г.

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 24.06.2022 N 1688-р «Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420869/e770ac61626ac35a388e3d25ff8d4124cb0bc25c/ (дата обращения: 28.08.2023).

² Жундрикова, С. В. (2004). Подготовка специалистов дошкольного воспитания в РСФСР: 1917 - 1941 гг.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.07. Московский педагогический государственный университет. Москва.

³ Чечулина, О. П. (2007). Система повышения квалификации как фактор становления и развития дошкольного воспитания в Западной Сибири: 1917-1940 гг.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Новосибирский государственный педагогический институт. Москва.

3. Результаты

С распространением в России идей дошкольного воспитания и ростом числа учреждений нового типа – детских садов – возникла необходимость специальной подготовки педагогов – дошкольников. С. В. Жундрикова, проанализировав журнальные публикации первого десятилетия XX века, пришла к выводу, что в российском обществе «вопрос о значении специального образования для детских садовниц дискуссии не вызвал, установилась единая позиция: необходима профессиональная подготовка руководительниц детского сада»¹. Так как детские сады не имели статуса государственных учреждений, то и подготовкой специалистов для работы в такого рода дошкольных учреждениях занимались общественные организации (педагогические общества и кружки) и частные лица.

Основной формой подготовки детских садовниц в конце XIX - начале XX вв. становятся платные педагогические курсы, открываемые, прежде всего в крупных городах. Сроки обучения на курсах варьировались от года до четырех лет (долговременные) и от одного до трех месяцев (кратковременные). Содержание и методы их работы зависели от предпочтений организаторов (система воспитания Ф. Фрëбеля, М. Монтессори, П. Ф. Лесгафта и т. д.), но, как правило, включали теоретическую и практическую подготовку курсисток. Востребованность курсов определял подбор преподавательского состава.

К 1917 г. в России наиболее значимыми курсами по подготовке дошкольниц разной направленности являлись Фрëбелëвские курсы в Санкт-Петербурге, Киевский Фрëбелëвский институт, Педагогические курсы при Московском обществе воспитательниц и учительниц имени Д. И. Тихомирова, Общеизвестные краткосрочные курсы при Московском народном университете им. А. Шанявского, Фрëбелëвские курсы в Перми, Одессе и Харькове, курсы М. Чеховой в Санкт-Петербурге и Москве, курсы Кавказского Фрëбелëвского общества в Тифлисе². Кроме того, желающие могли получить необходимое образование за границей: в Германии, Швейцарии, Италии.

Открытие детских садов в провинции шло гораздо медленнее, чем в крупных промышленных центрах России. Распространителями идей дошкольного воспитания и инициаторами открытия детских садов в регионах в начале XX в. становились именно выпускницы означенных курсов. Педагогическое образование в Тамбовском крае в конце XIX – начале XX в. было ориентировано на педагогов начальной школы. Учреждений и курсов по подготовке педагогов – дошкольников не было. Тем не менее стараниями «фрëбелечек» и «тихомировок» с 1910-х гг. на Тамбовщине начинают функционировать детские сады. Так, руководительница детского сада О. П. Каменевой в Тамбове Е. А. Остроумова окончила Санкт-Петербургские Фрëбелëвские курсы, руководительница частного детского сада г. Борисоглебска А. Любимова окончила Московские Высшие Женские Курсы имени Д.И. Тихомирова, садовница частного детского сада при прогимназии Т. Г. Протопоповой г. Усмань М. Н. Гусева – выпускница Харьковских Фрëбелëвских курсов. Таким образом, деятельность педагогических курсов способствовала распространению идей дошкольного воспитания в дореволюционной России и созданию предпосылок для формирования государственной системы профессиональной подготовки педагогов-дошкольников.

Революционные события 1917 г. положили начало реформированию системы народного образования. Придание дошкольному воспитанию статуса первой ступени государственной системы образования актуализировало вопрос подготовки кадров, поднимая его на государственный уровень. Необходимость оперативно обеспечивать квалифицированными кадрами открываемые по всей стране детские учреждения вывело на первый план вопрос ни о методах и содержании профессиональной подготовки, а об ее формах, вынудив советское

¹ Жундрикова, С. В. (2004). Подготовка специалистов дошкольного воспитания в РСФСР: 1917 - 1941 гг.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.07. Московский педагогический государственный университет. Москва. С. 15.

² Там же. С. 16.

правительство воспользоваться опытом организации педагогических курсов царской России. Подготовка дошкольных работников в первые годы советской власти велась, главным образом, на долгосрочных и краткосрочных курсах (мало отличавшихся от дореволюционных), организаторами которых выступали Дошкольный отдел Наркомпроса РСФСР, Московский Институт дошкольного воспитания, отделы народного образования на местах.

Несмотря на все предпринимаемые меры, квалификация провинциальных работников была крайне низкой. Дошкольное воспитание в Тамбовском крае до революции было представлено в основном учреждениями детского призрения и малочисленными частными детскими садами. «Создать кадр вполне сознательных, опытных дошкольных работников» [10, л. 5] – эта задача встала перед Дошкольным Подотделом Тамбовского Губотнаробраза при первых шагах его деятельности, требуя немедленного разрешения. На Первой же губернской конференции по дошкольному воспитанию (11-13 декабря 1918 г.) была озвучена проблема катастрофической нехватки кадров не только педагогических работников для дошкольных учреждений, но инструкторов – дошкольников, в связи с чем задерживалось создание дошкольных подотделов на местах. Налаживать работу по дошкольному воспитанию было некому. На конференции было принято решение о необходимости устройства местных курсов, постепенно изменяя программу с шести недель на трехмесячные, шестимесячные, позже годовичные, и постоянные.

Работа в этой области велась в двух направлениях: организация курсов в Тамбове, имеющих общегубернское значение и руководство постановкой таковых при Уездных отделах Наробраз. Для налаживания правильной курсовой работы Тамбовский Губернский Отдел Народного образования обратился за помощью в Лекционное Бюро Преподавателей Московского Университета, занимавшееся разработкой программ по школьному, дошкольному и внешкольному образованию и оказанием помощи в устройстве курсов на местах. Летом и осенью 1919 г. Лекционным Бюро были проведены курсы в городах Кирсанов, Усмань и Моршанск Тамбовской губернии. Причем в Усмани лекторам пришлось обслужить и дошкольные курсы [25, с. 143].

Первые губернские курсы по подготовке «детских садовниц» были открыты 5 января 1919 г., продлились 6 недель и к 1 марта дали губернии 40 первых садовниц. Помещение для курсов по ходатайству Губернского дошкольного подотдела предоставил Тамбовский университет «в свободное от чтения лекции время» [7, л. 9] «в утренние и дневные часы, не исключая и праздников» [7, л. 2]. На курсах читались следующие предметы: дошкольное воспитание и какова его постановка в Советской России (теория и практика); наблюдение природы в детском саду во время экскурсий (теория и практика); лепка и рисование (теория и практика); физическое воспитание и подвижные игры (теория и практика); психология раннего детства (теория); дефективные дети (теория); гигиена детского возраста (теория); «рассказывание» и драматизация в детском саду (теория и практика); история социализма (теория); курс пения (теория и практика); ручной труд (теория и практика).

А уже 17 апреля 1919 г. открылись трехмесячные губернские курсы на 100 человек. Состав слушателей – делегаты от 12 уездов по 4 человека, 4 кандидата командированных подотделом национальных меньшинств, 6 от Горкомболя, 2 от железнодорожного района, 15 от Горнаробраз, 15 от Центрального Совета Профессиональных Союзов и 10 от Губнаробраз. Организаторы учли промахи по отбору кандидаток на курсы. Чтобы исключить случаи, когда «делегатка от союза домашней прислуги по окончании курсов дошкольного воспитания пошла по прежней дороге, не получив дошкольной работы, а другие две ушли, признав себя не подготовленными к этой работе» [5, л. 21] помимо обязательного коллоквиума для выяснения степени подготовленности кандидаток и степени их активного участия в общественной жизни на местах до и по окончании курсов, в «Общая» положения по организации курсов был внесен пункт о том, что «лица, окончившие курсы получают опреде-

ленной формы удостоверения и обязуются не менее шести месяцев прослужить в пределах Тамбовской губернии по дошкольному воспитанию» [8, л. 1].

Общее руководство курсами осуществлял Губотдел Наробраз. Совместно с Лекторским советом была разработана программа курсов. Исходя из задач курсов (расширить умственный кругозор будущих руководителей детских садов и очагов, познакомить их с основными принципами социалистического строительства, с задачами и принципами дошкольного воспитания, историей, значением и организацией разных дошкольных учреждений, а также дать практические навыки) и возможностей лекторского состава была разработана программа из трех разделов: общеобразовательный курс (185 ч), общий курс по дошкольному воспитанию (135 ч) и специальный курс (300 ч).

Предметы общеобразовательного цикла и большую часть специальных предметов читали профессора и преподаватели Тамбовского университета (Института Народного Образования): Л. А. Молчанов («Введение ребенка в мир природы и экскурсии», «Уход за животными и растениями»), М. Н. Взоров («Курс природоведения»), Н. Н. Щелочилин («Психология раннего детства и дефективные дети», «Анатомия и физиология детей дошкольного возраста», «Первая помощь в детском саду», «Гигиена и санитария дошкольных учреждений»), П. И. Ванаг («Обществоведение в связи с развитием социализма», «Социалистическое воспитание»), Н. Н. Цвелев («Рисование и лепка»), Е. Н. Скоренкова («Принципы дошкольного воспитания»). Основной массив спецкурса (100 ч) читал профессор эстетики В. С. Мурзаев («Задачи дошкольного воспитания и постановка учреждений по дошкольному воспитанию в Советской России», «Эстетическое воспитание», «Выразительное чтение и рассказывание в детском саду», «Организация и оборудование детского сада», «Игры и игрушки», «Драматизация и детский театр»), судя по всему самый опытный из лекторов (не считая Скоренковой) в организации дошкольного дела¹. Под его руководством в июне 1919 г. при тамбовских губкурсах был открыт опытный детский сад на 25 детей на 3 этаже дома Никонова. Предметы спецкурса: ручной труд, физическое воспитание в связи с играми, пение и музыку - читали инструкторы Дошкольного подотдела Губнаробраза.

Однако курсы показали, что за столь короткий срок слушательницы получили слишком мало теоретических и главным образом практических навыков. Стало ясно, что сроки нужно удлинять, искать другие методы работы. На 25 сентября было запланировано открытие шестимесячных курсов, но открыть их удалось только в середине октября (24 октября 1919 г.- 1 мая 1920 г.)².

На курсы принимались граждане обоего пола в возрасте от 17 до 40 лет преимущественно из рабоче-крестьянской среды, «хорошо грамотные». До курсов не допускались лица с явными физическими недостатками и дефектами речи. В ряды слушателей зачислялись лица, исключительно командированные общественными и партийными организациями: Уездными отделами образования, Губкомболом (женской комиссии при нем), Угоркомболом, Тамбовским Советом Профессиональных Союзов, Подотделом национальных меньшинств Губнаробраза, самим Губнаробразом. Вольнослушатели принимались на курсы по заявлению при наличии свободных мест. Кандидатки при поступлении предоставляли авто-

¹ В 1915 г. в Москве художник-педагог В. С. Мурзаев открыл первые постоянные вечерние курсы педагогического (учительского) рисования и иллюстративного ручного труда (лепка, вырезывание, картонаж и т. д.), помимо которых на курсах обучали рассказыванию, драматизации, детскому творческому чтению. Занятия проводились как для учителей начальных и средних школ, так и для родителей, детских садовниц, руководителей очагов, колоний. При курсах была организована постоянно действующая выставка детских работ, библиотека пособий и руководств по рисованию и ручному труду, бюро для справок по вопросам педагогического рисования, ручного труда и дошкольного воспитания, а также детский сад и школа для практических занятий курсистов с детьми. Уже на следующий год на базе этих курсов В. С. Мурзаев организовал летние занятия для народных учителей и детских садовниц, приезжающих в Москву из провинции, которые пользовались большим спросом [3].

² В связи с рейдом генерала К. К. Мамонтова в августе 1919 г.

биографии с указанием причин, побудивших пойти на курсы. В целях выяснения степени пригодности кандидаток местными органами образования производились устные или письменные коллоквиумы. Для лиц, командированных городским отделом народного образования, коллоквиум производился непосредственно комиссией при Губнаробразе.

Вместо запланированных 72 человек, уездными отделами народного образования было командировано 42 «вследствие неопределенного положения после нашествия Мамонтова» [9, л. 54]. От г. Тамбова и Тамбовского уезда 40 человек. Всего в работе курсов приняло участие 82 человека. До конца курсов дошли 60 курсисток, 22 выбыли ранее по разным причинам. Социальный портрет курсисток выглядел следующим образом: 54 человека из рабоче-крестьянской среды; 6 – из привилегированных классов. Из 60 человек средние учебные заведения закончили 18, городские начальные училища – 10, не окончивших средние учебные заведения – 29, малограмотных – 3 человека.

Учебные планы распределялись на две части: общеобразовательный и специальные курсы. Занятия начались с общеобразовательного курса, «с тем чтобы разнообразную по составу аудиторию несколько подготовить для специального курса» [9, л. 54]. Сразу же были начаты практические работы по рисованию, лепке, ручному труду и пению. Позднее были введены занятия в мастерской по трудовым процессам (столярное дело), по классу рояля, работа в огороде, а также посещения дошкольных учреждений. Постепенно вводились предметы спецкурса. Всего программа курса включала 1770 ч. Целиком программу выполнить не удалось (пришлось ее значительно сократить). Проведению занятий сильно мешало отсутствие приспособленного помещения для курсов (подготовленное помещение было занято военным ведомством) и общежития. Частое перемещение из одного помещения в другое, отсутствие топлива, ранняя холодная зима, эпидемия сыпного тифа вынудили организаторов дважды по две недели прерывать занятия. К тому же лекторы итак, перегруженные работой, неохотно уделяли свободное время для курсов. По этой же причине стала невозможна работа Курсового Совета, долго не удавалось открыть библиотеку, читальню и как следствие, лишало курсистов возможности написания рефератов и проведения конференций. К концу курсов работу все-таки удалось наладить. Последние два месяца курсанты вместо 8 ч в день занимались по 11 ч. По окончании курсов была устроена выставка работ слушательниц, которая показала, что работа курсов в области ручного труда, рисования, лепки и трудовых процессов велась достаточно серьезно. Несмотря на все неблагоприятные условия, организаторы оценили курсы как «успешные». Окончившие курсы давали подписку прослужить не менее 10 месяцев в пределах Тамбовской губернии.

Таким образом, в период с января 1919 г. по май 1920 г. Губернским Отделом Народного Образования было организовано 3 цикла губернских курсов по подготовке дошкольных работников продолжительностью 6 недель (1-й цикл), 3 месяца (2-й цикл), 6 месяцев (3-й цикл). С 1 июня 1920 г. планировалось открыть годовичные курсы.

Кроме губернских курсов, были организованы курсы в пяти уездах, продолжительностью два-три месяца, учебные планы и программы которых были примерно те же, что и для губернских. Лекторы для них приглашались, главным образом, персонально или через Исполкомы. Первыми из уездных, курсы по дошкольному воспитанию организовали Козловский и Лебедянский дошкольные подотделы Народного образования. Лебедянский Дошкольный подотдел был создан 3 августа 1918 г. «Не было ни одного опытного работника знавшего дело Дошкольного воспитания, не смотря на многократное обращение в центр, относительно присылки таковых..., / таковы высланы не были» [13, л. 23]. В условиях отсутствия точных указаний от Губернского Отдела Народного образования «как приступить к организации Дошкольного Воспитания» в первых числах августа 1918 г. Дошкольный подотдел своими силами организовал двухмесячные курсы по подготовке руководительниц Детскими Садами, которые дали первых 10 работниц по дошкольному воспитанию. 9 из них были распределены в детские сады г. Лебедяни (3 руководительницы в 1-й Городской дет-

ский сад) и уезда (по 2 руководительницы в Троекуровский, Трубетчинский, Добровский детские сады). Одна из них – О. И. Черменская, «как окончившая в Петрограде Высшие Женские курсы и ранее имевшая ознакомление с дошкольным воспитанием» [13, л. 14], назначена инструктором в Дошкольный подотдел. В марте следующего года (3 марта – 17 апреля 1919 г.) в г. Лебедяни были открыты шестинедельные курсы по подготовке руководительниц детских садов. На курсы записалось 36 слушательниц, из которых «оказались пригодными и выдержавшими испытательный срок» только 17. 15 из них Коллегия Отдела Народного образования утвердила в должности руководительниц детских садов (2 – во 2-й Городской Детский сад, 3 - в 3-й Городской Детский сад, по 2 – в Подмонастырский, Сезеновский, Сланской, Б. Избищенский, Монаенский детские сады). Программа курса - 174 ч. Ряд лекций (история социализма, социология) читали московские профессора Бочкарёв, Кун, а также местные школьные работники. Большую часть предметов спецкурса, связанных с педагогикой и психологией, читала инструктор Дошкольного подотдела О. И. Черменская.

Дошкольный подотдел Козловского уездного Отдела Народного образования был организован позднее Лебедянского (10 октября 1918 г.) по многим причинам, но главная из них - «отсутствии опытного педагогического персонала, уездных инструкторов, которых совсем нет» [12, л. 21]. Для решения этой проблемы 1 февраля в Козлове были открыты курсы садовниц, а в марте - курсы нянь. На трехмесячные курсы по подготовке дошкольных работников, в Козлове было принято 50 человек, лекторами состояли школьные работники г. Козлова. До выпуска дошли 37 слушательниц. Организаторы курсов ясно понимали, что «большого и лучшего в условиях текущего момента мы создать не можем», что «курсы не дают настоящих работников, а лишь создают авангард, под прикрытием которого возможна длительная подготовка» [12, л. 16]. И даже по окончании курсов, «чувствовалась острая потребность открыть вторые» [12, л. 5].

В марте 1919 г. открылись двухмесячные курсы по дошкольному воспитанию в Моршанске (17 марта – 24 мая) продолжительностью 52 дня. На курсы записалось 151 человек, по разным причинам выбыло 102 человека. Прослушало курсы 49 человек, из них осталось работать по дошкольному воспитанию – 28. Для практической части программы были приглашены опытные руководительницы городских детских садов (в то время закрытых за отсутствием топлива); чтение лекций взяли на себя местные педагоги; беседы вели инструкторы Дошкольного подотдела, которых к концу курсов было уже 4 и два учителя Советской школы II ступени, заинтересовавшиеся идеями дошкольного воспитания. Среди лекторов были и два московских: Е. В. Ингерман, прочитавшая «Историю педагогических идей и Дошкольного Воспитания», «Постановка детского сада», «Психологию ребенка», и А. А. Пупырев вел занятия по ручному труду, лепке, рисованию и аппликации. Всего программа курсов составила 307 ч. Для освоения практических навыков слушательницы посещали единственный функционирующий в то время детский сад.

С 5 июня по 6 августа 1919 г. были организованы двухмесячные дошкольные курсы в г. Усмань. Слушателями Усманских дошкольных курсов стали 29 человек «из среды крестьян людей грамотных, которые могли бы воспринять преподаваемое, отдать себе отчет и самое главное любящих детей» [15, л. 11]: 19 присланных волостными отделами образования и 10 человек вольнослушателей. Курсантам из волостей было предоставлено общежитие, вольнослушатели жили на частных квартирах. Каждая слушательница получала 20 рублей суточных, всего за 2 месяца 1200 руб. Этой суммы явно было недостаточно, т.к. хоть при курсах и была организована общественная столовая, но практически не обеспечивалась продуктами питания. Курсантам приходилось питаться по частным квартирам, или своими силами готовить обед в общежитии. Занятия длились с 10 ч утра до 8 ч (иногда до 10 ч) вечера с перерывом на обед и чай. Программа курсов включала теоретическую часть, рассчитанную на 282 ч и практическую – работа в детском саду и на летней площадке.

Опыт принятия на работу в детские сады лиц без специальной подготовки, показал «полную беспомощность, полное незнание и неумения подходить к детям» [11, л. 6 об.] и поставил перед дошкольным подотделом Липецкого УОНО неотложную задачу скорейшей организации краткосрочных курсов. С 15 июля в Липецке функционировали двухмесячные курсы на 80 человек, 20 из которых были вольнослушателями. На курсах больше внимания отводилось практической работе «в области психологии и введения в Дошкольное воспитание в форме рефератов, в области игр, пения, рисования, музыки и лепки, рассказывания на практике в детском саду» [14, л. 6]. За отсутствием лекторов организовать курсы в других уездах не было возможности. Запланированные курсы в Кирсанове и Борисоглебске в связи с военным положением не были проведены. Организация губернских и уездных курсов в первые годы советской власти позволила подготовить для нужд губернии около 400 работников дошкольных учреждений.

Начиная с середины 20-х гг. курсовая подготовка постепенно приобретала форму повышения квалификации педагогических работников. Направления подготовки кадров в области дошкольного воспитания во многом определялись Съездами по Дошкольному Воспитанию. В 1921 г. в стране осуществляется переход к НЭПу. В тяжелых экономических условиях резко сокращается государственное финансирование дошкольных учреждений. Перевод детских садов на местные средства привел к сокращению сети дошкольных учреждений и перестройке содержания работы в них. Решение II Съезда по Дошкольному Воспитанию (ноябрь 1921 г.) о выработке марксистской системы дошкольного воспитания будущих строителей и борцов за осуществление коммунистического общества потребовала создать работника нового типа «понимающего задачи современного общества и могущего противопоставить свое влияние усилившейся мелкобуржуазной стихии». Воспитатели должны были заниматься общественно-политической работой, изучать современное общество и среду. В учебные планы губернских и уездных курсов вводятся цикл обществоведения. И как верно заметила А. Н. Краснова: «политическое образование ставится на первое место в ущерб специальному. Плюралистический подход в подборе содержания дошкольного образования был заменен идеей полного теоретического единообразия после распространения системы коммунистически ориентированного воспитания и образования» [23, с. 41]. К осени 1924 г. в Тамбовской губернии вместо имеющихся в 1921 г. 214 дошкольных учреждений осталось всего 20 (6 детских садов, 1 очаг и 12 домов ребенка) [16, л. 120]. Соответственно сократилось и количество дошкольных работников.

В связи с утверждением основных положений педагогической работы в дошкольных учреждениях переподготовка дошкольниц, велась в объединенных коллективах дошкольных работников, созданных всеми УОНО, методическое руководство которыми осуществлялось губернским центром. Новых работников готовили, организуя при дошкольных учреждениях Практикумы для делегатов Женотделов, учащихся школ II ступени и т. д. Губернским центром составлялся план переподготовки работников, рассылался на места, где прорабатывались отдельные вопросы в коллективах дошкольных работников, а затем в качестве докладов представлялись на Губернских конференциях.

Курсовая подготовка помогала в кратчайшие сроки обеспечивать кадрами, открываемые по всей стране дошкольные учреждения, но не могла обеспечить высокого уровня профессиональной подготовки дошкольных работников. Опыт организации долгосрочных курсов вначале 1920-х гг. лег в основу профессиональной подготовки педагогов-дошкольников в новых средних специальных и высших учебных заведениях, в которые были преобразованы Учительские институты, семинарии и постоянные педагогические курсы дореволюционной России.

Первый в России ВУЗ по подготовке дошкольных работников - Педагогический институт дошкольного образования (ПИДО) был открыт в Петрограде 1 сентября 1918 г. (на базе бывших 4-х годичных педагогических курсов Санкт-Петербургского Фребелёвского

общества) [23, с. 39]. 27 октября 1918 г. в Тамбове открылся университет (ТГУ) в составе агрономического и педагогического факультетов. Педфак ТГУ осуществлял набор на отделения: дошкольного воспитания, учителей начальной школы, учителей средней школы. В течение первого учебного года были разработаны четырехгодичные учебные планы для трех отделений: дошкольного, учителей школ 1-й и 2-й ступеней. Учебный план предусматривал серьезную методологическую подготовку по всем дисциплинам с последующей углубленной специализацией¹. Курс педологии в ТГУ читал известный педагог, психолог, П. П. Блонский, с 1919 г. руководивший Московской академией народного образования.

Изначально упор в постановке учебного процесса в ТГУ ставился на самостоятельную работу (так называемый «студийный метод») при консультативной помощи преподавателей. Например, по курсу дошкольного воспитания в 1918/19 учебном году лекционный курс профессора Е. Н. Скоренковой раскрывал тему «Развитие идей по дошкольному воспитанию и их практическое применение на Западе и в России». Практическая работа в 1919/20 учебном году (уже в рамках открывшегося дошкольного отделения) строилась вокруг освоения воспитательной системы Монтессори, основанной на принципе самостоятельности ребенка: рассматривались вопросы подходов к детям на основании собственных воспоминаний детства, изучались дневники руководителей детских садов, литературные произведения о детях, организуется посещение детсадов.

В силу целого ряда причин (социально-экономических и политических) с ноября 1919 г. в ТГУ начинается период реорганизаций. Педагогический факультет реорганизован в Институт народного образования имени Н. К. Крупской – Ульяновой (ИНО), присоединившегося к ТГУ в статусе факультета, затем в Практический институт народного образования (ПИНО). ПИНО в своем составе имел 4 курса, из которых два первых – общеобразовательные, 3-й и 4-й являлись специальными, разделяясь на школьное отделение с двумя циклами: общественно-экономическим и естественно-географическим и дошкольное. Перед институтом ставилась задача подготовить квалифицированных специалистов в области школьного и дошкольного дела, «которые могли бы повести практическую работу в духе идей новой реформированной школы» [6, л. 1].

Взяв за основу опыт Московского университета Народного образования, Тамбовский ПИНО активно разрабатывает курсовые программы. Для дошкольного отделения вводится специальный цикл: семинарии по дошкольному воспитанию, психологии и изучению местного края, речь, чтение, рассказывание и драматизация, детская литература, дефективные дети, охрана материнства и детства, уход за малым ребенком, методы и формы пропаганды идей дошкольного воспитания, дошкольно-инструкторское дело, музыкальное образование, физическая культура и игры, производительный труд и изобразительное искусство, методы ознакомления детей дошкольного возраста с природой и человеком, экскурсии; по «подотделу» дефективных детей – организация и ведение дошкольных учреждений для дефективных детей, практические работы в соответствующих учреждениях, семинарии по их воспитанию; по инструкторскому «подотделу» - семинарии и практика инструкторского дела. На 3-м курсе: организация и ведение дошкольных учреждений, гигиена и первая помощь в дошкольных учреждениях, психология раннего детства, физическая культура, ботаника, зоология, химия и физика, музыкальное образование, семинарий по дошкольному воспитанию, посещение дошкольных учреждений, экскурсии в природу; в летний триместр – практика дошкольных учреждений, работа в саду и огороде, экскурсии в природу, семинарий по дошкольному воспитанию. На 4-м курсе: организация дошкольных учреждений, и проектирование, администрирование и инструктирование, введение ребенка в мир природы, гигиена и

---

¹ Учебный план занятий подробно описан в коллективной монографии по Истории Тамбовского Государственного Университета имени Г.Р. Державина под редакцией А. Л. Авреха [22].

санитария дошкольных учреждений, школа-сад (чтение, письмо и счет), дефектные дети (психопатология), внешкольная работа, музыка и пение, игры и игрушки, рисование и лепка, трудовые процессы, новый язык. Практика в дошкольных учреждениях. Все это время в работе дошкольного отделения принимала участие Е. Н. Скоренкова, окончившая Московские Педагогические курсы имени Д. И. Тихомирова, больше 20 лет занимавшаяся организацией дошкольных детских учреждений. Е. Н. Скоренкова руководила дошкольной студией, занимавшейся, в том числе и разработкой теоретических и методических вопросов дошкольного воспитания. Так дошкольной студией были разработаны методические материалы для бесед с 7-летками, согласованные с Губсоцвосом и разосланные по дошкольным учреждениям губернии. К лету 1923 г. студия планировала выпустить 15-20 практических дошкольниц и воспитательниц детских домов. После выхода в феврале 1923 г. распоряжения о ликвидации практических институтов или преобразовании их в техникумы, летом 1923 г. Тамбовский ПИНО был закрыт. Тем самым прекратилась вузовская подготовка дошкольных работников в Тамбовской губернии.

Основным учебным заведением по созданию учительских кадров в Тамбовской губернии в пореформенный период был Екатерининский учительский институт (открыт в 1870 г.), также претерпевший ряд реорганизаций после событий 1917 г. (1918 г. – Учительская семинария, 1919 г. – Педагогические курсы, 1921 г. – Педтехникум). В 1923 г. Педтехникум также, как Тамбовский ПИНО, был закрыт. На базе этих учебных заведений был образован новый 3-х годичный Педтехникум. Из старого техникума были взяты 1, 2, 3 курсы, а из студентов ПИНО был создан 4 курс. Преподавательский состав в новый Педтехникум подбирался по рекомендации партийных и общественных организаций. За основу обучения был взят план, присланный из центра с некоторыми изменениями, вытекающими из местных условий. Преподаваемые предметы делились на 2 группы: общеобразовательные (1, 2 курсы) и специальные (3, 4 курсы). Специальные предметы в свою очередь делились на школьные и дошкольные. Учебный план дошкольного отделения (специальные предметы) за первую четверть 1923/24 учебного года составлял 21 теоретический и 12 практических часов и включал: энциклопедию сельского хозяйства (2 ч теории), музыка и пение (2ч теории), чтение, письмо и счет в дошкольном возрасте (по 1ч), изобразительное искусство (2 ч теории), педагогика раннего возраста (по 2ч), основные принципы работы с детьми (2ч теории и 3ч практики), введение ребенка в мир природы (по 2ч), игры и игрушки (2ч теории и 1ч практики), педология (детская психология), методы физической работы, гигиена и санитария (3ч теории и 1ч практики), ручной труд (2ч практики), народное образование в СССР (1ч теории), культурная работа с населением (2ч теории). Во втором полугодии два последних предмета заменены на историю профдвижения (1ч) и теорию исторического материализма (2ч). Первый выпуск Педтехникума состоялся в 1924 г.: 32 человека, из них 11 человек – это выпускники дошкольного отделения. ПИНО передал Педтехникуму для отделения дошкольного воспитания кабинет, оснащенный показательной детской мебелью (столами и стульями), детскими игрушками, приборами Монтессори, инструментами и счетными игрушками, художественными, зоологическими и сезонными картинками, диаграммами и таблицами, а также библиотекой для педагогов (300 экземпляров) и для детей (около 150 экземпляров).

В том же году на III Всероссийском Съезде по дошкольному воспитанию в октябре обсуждались вопросы развертывания дошкольной работы в сельской местности. В деревнях предлагалось открывать летние площадки и ясли – площадки, закрепляя их зимой в постоянные дошкольные учреждения. «Учитывая требования Центра по проведению кампании о необходимости организации дошкольных учреждений (очагов, детских площадок и т. п.) как в городе, так и особенно в деревне, принимая во внимание также указание Центра на необходимость более глубокой проработки вопросов дошкольного воспитания было принято решение включить в учебный план 4 курса Педтехникума проработку вопросов дошко-

льного воспитания по особой программе, отведя на это 4 недельных часа» [25, с. 145]. Руководителем курса была приглашена А. П. Барина - заведующая Центральным детским садом г. Тамбова, одновременно исполняющая обязанности инспектора по дошкольному воспитанию Губернского отдела народного образования. При этом невыполнение всей программы или части работ по ней учащимися 4 курса не влекло задержку их в Педтехникуме при окончании курса. Программу могли посещать и учащиеся 3 курса по желанию. Курс по подготовке работников детских площадок при Педтехникуме в 1924 г. закончили 9 человек, еще 9 наследующий год.

В декабре 1926 г. Педтехникум просил согласия ГУБОНО ходатайствовать перед Центром об открытии дошкольного отделения, но получил ответ о преждевременности его открытия в 1927/28 г., мотивируя отказ незначительным расширением сети детских садов к 1929/30 г., для которой потребуется небольшое количество работников. Но, учитывая в то же время потребность в работниках детских площадок, было решено Курс по дошкольному воспитанию, включенный в программу Педтехникума, сделать более продолжительным. Выпускники курсов временно допускались к исполнению обязанностей воспитателя детского сада. Для получения права воспитателя слушательницы курсов обязаны были не позднее 4-хгодичного срока сдать испытания за курс Педтехникума.

В марте 1926 г. на III Всероссийской конференции по дошкольному воспитанию в Москве подводились итоги летней работы в 1926/27 г. Конференция, отмечая значительное повышение качества летней дошкольной работы, постановила «вопросам подготовки работников уделить самое сильное внимание, как в центре, так и на местах, проводя ее путем включения в учебные планы педвузов и нацтехникумов более длительной проработки вопросов дошкольной практики». «При подготовке работников на местах необходимо расширить организацию краткосрочных курсов с привлечением на них местных общественных сил, общественных работников, пионервожатых, делегатов и прочих» [18, л. 27].

Следуя указаниям Центра, в г. Тамбове в апреле-мае 1928 г. организуются двухнедельные курсы по подготовке работников детских площадок. При комплектовании курсов заявки поступили не только от уездных отделов образования, но и от различных организаций: Губжилсоюза, Союза рабпрос, Губженотдела и даже школы №11, где из учащихся работал кружок по дошкольному воспитанию. В итоге состав курсантов был расширен до 34 человек против 18 планируемых: 28 командированных и 6 вольнослушателей. Состав слушателей выглядел следующим образом: по возрасту: до 20 лет – 13 чел., 20-25 – 11 чел., 25-35 – 7 чел., выше 35 – 3 чел.; по социальному положению: рабочих – 7 чел., крестьян – 19 чел., служащих – 4 чел., пенсионеров – 2 чел., прочих - 1 чел.; по уровню образования: низшее – 7 чел., ниже среднего – 5 чел., среднее – 22 чел., по партийности: кандидаты ВКП (б) – 1 чел., комсомолки – 10 чел., остальные беспартийные. Из всего количества слушательниц непосредственно работали с дошкольниками – 6 чел. и 2 практикантки, остальные были незнакомы с этой работой. Учебный план курсов был рассчитан на 84 ч и выполнен полностью. Краткосрочность курсов не позволила включить в учебный план достаточного количества практических занятий в дошкольных учреждениях. Курсистки лишь бегло посетили по 2-3 из них. По мнению организаторов, «цель курсов – дать элементарную подготовку работникам деревенских детских площадок была достигнута» [19, л. 13]. В апреле 1929 г. были организованы месячные курсы колхозниц и занятия по дошкольному воспитанию на Педуклоне в школах II ступени, а также курсы по подготовке работников детских площадок в Рассказовском районе и Моршанском педтехникуме.

В 1930 г. в связи с политехнизацией школ учебные планы Педтехникума на 1930/31 учебный год перерабатываются, открываются новые факультеты: дошкольное, политико-просветительское, внешкольное. Дошкольное отделение готовило руководителей детских садов и детских площадок и было рассчитано на 40 учащихся. Производственно-педагогическая практика являлась непрерывной в течение всего 3-х годичного курса. Сту-

денты Педтехникума в ходе летней практики принимали активное участие в «Дошкольном походе», объявленном Наркомпросом в 1929 г., организуя работу с детьми в сельской местности. В 1933 г. набор на дошкольное отделение в отличии от школьного шел плохо, о чем сообщала газета «Тамбовская Правда» [4].

Планомерное развитие системы дошкольного воспитания в 30-е годы привело к увеличению количества педтехникумов, а затем педучилищ. В 1938 г. в РСФСР имелось 31 дошкольное педагогическое училище, с общим количеством учащихся 8 342 человека¹. В 1937 г. Тамбовский Педтехникум был переименован в педагогическое училище, дошкольное отделение которого в августе 1939 г. было реорганизовано в дошкольное педучилище. В здании школьного педучилища ему было отведено 7 классных комнат с мебелью и две небольшие комнаты для работы дирекции и канцелярии. На момент реорганизации в дошкольном педучилище имелось три вторых класса с контингентом учащихся 85 человек. К 1 сентября планировалось набрать три первых класса – 105 учащихся. С этой целью было дано объявление в газету «Тамбовская Правда», разосланы листовки и плакаты по школам и РайОНО, письма по детским домам, детским садам об их участии в комплектовании дошкольного педучилища, а также работники методкабинетов и дошкольной группы ОблОНО выезжали в районы, проводили беседы с учащимися седьмых классов в школах г. Тамбова. Таким образом, к началу учебного года в педучилище имелось 8 классов с общим контингентом учащихся 233 человек.

Для проведения педагогической практики третьих классов Дошкольного педучилища ГорОНО в августе 1940 г. выделил 8 детских садов (три - 4-х комплектных, три - 3-х комплектных и два – 2-х комплектных). Учащиеся были распределены из расчета 2 человека на группу. Занятия в детских садах вместо сентября начались в октябре по причине их ремонта. Весь октябрь практиканты наблюдали за работой воспитателей и детьми по специальному плану. В ноябре и декабре проводились показательные (8) и пробные занятия (126). Практиканты показали высокую заинтересованность и подготовку к проведению пробных занятий. Из 54 человек 15 получили отлично, 32 – хорошо, 3 посредственно, 4 не были оценены. Педагогическая практика вторых классов проводилась во втором полугодии. Для них Тамбовский ГорОНО выделил 10 детских садов. Для учащихся вторых классов было проведено 7 показательных занятий лучшими воспитателями г. Тамбова. Сами учащиеся провели по 2 пробных занятия каждый. 15 учащихся получили отметку отлично, 44 – хорошо, 3 - посредственно. Следует отметить, что добросовестное отношение к организации и проведению педпрактики – это во многом личная заслуга руководителя практикой преподавателя М. Ф. Поповой.

Педагогический коллектив дошкольного педучилища (11 основных преподавателей и 11 совместителей) был достаточно опытным и квалифицированным. 13 человек имели законченное высшее образование, 3 незаконченное высшее, 6 среднее (по методике рисования, по военному делу, по обучению игре на музыкальных инструментах). Стаж педагогической работы от 1 года до 5 лет имело – 6 человек, от 5 до 10 лет – 2 человека, свыше 10 лет – 14 человек. Тем не менее, выводы комиссии ОблОНО, проводившей обследование педучилища в декабре 1940 г. были неутешительны: успеваемость учащихся крайне низкая – 55%. Из 41 учащегося первых классов не успевало – 29 (13 человек не успевало больше, чем по трем предметам); из 63 учащихся вторых классов не успевало 28; из 54 учащихся третьих классов – 14. Из всего количества учащихся имели только хорошие и отличные отметки – 8 человек. Отличников, зачисленных на стипендию – 2 человека. Плохо поставлено дело планирования, учета и контроля и как следствие, отставание в выполнении программы

¹ Жундрикова, С. В. (2004). Подготовка специалистов дошкольного воспитания в РСФСР: 1917 - 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.07. Московский педагогический государственный университет. Москва. С. 13.

практически по всем дисциплинам. Учебно-воспитательная работа, военная подготовка и оборонно-массовая работа неудовлетворительны, внеклассная и политико-массовая работа недостаточны. Директору педучилища С. С. Помазову объявлен выговор, заведующей учебной частью М. Е. Гришиной поставлено на вид.

Такое положение дел имело ряд объективных причин. Не последнее место из них занимает материально – техническое обеспечение педучилища. Дошкольное педучилище не имело своего помещения. Занятия проводились во вторую смену с 3 ч до 21 ч. Катастрофически не хватало кабинетов для занятий. Не было кабинетов для подготовки домашних заданий, налаживания внеклассной работы, организации педагогического кабинета. Особенно плохо дело обстояло с проведением музыкальных занятий и пения. Индивидуальные занятия обучению игре на рояле проводились в полутемной комнате, которая служила складом физкультурного оборудования школьного педучилища, затем занятия перенесли в кабинет директора. Несмотря на то, что за 1939/40 учебный год частично были приобретены приборы для физического кабинета на 4 тыс. руб., наглядные пособия по специальным дисциплинам на 4, 2 тыс. руб., карты и наглядные пособия по истории, глобусы и атласы по географии, приобретено пианино (одно на все педучилище), пополнена библиотека, педучилище испытывало острый недостаток в учебниках по химии, литературе, истории, истории педагогики. К началу отопительного сезона не было готово пароводяное отопление, и с наступлением холодов здание совсем не отапливалось. В помещениях было холодно, занимались в верхней одежде. Из 158 учащихся общежитием было обеспечено только 18 человек. Остальные размещались по частным квартирам. Учащиеся пользовались столовой при школьном педучилище, что было неудобно – обучаясь во вторую смену, учащиеся не всегда успевали пообедать. Директор С. С. Помазов обращался в ОблОНО, принять меры по улучшению условий работы училища и поставить вопрос перед Наркомпросом о выделении отдельного здания для дошкольного педучилища.

Низкая успеваемость объясняется изначально низким образовательным уровнем контингента учащихся. В 1940 г. в училище в первые классы приняты 90 человек. Только 3 из них выдержали приемные испытания, 87 человек приняты с плохими оценками (от 1 до 4). Особенно высок был процент неуспеваемости по русскому языку и математике. Посещение уроков показало «очень плохую подготовленность по курсу семилетнего образования вплоть до неумения называть буквы, как учит грамматика: эн, эль, эр» [20, л. 6]. Введение платности за обучение, также способствовало снижению успеваемости, так как «некоторые учащиеся выбыли и на их место пришли новые. Вновь принятые учащиеся отстали в прохождении программы» [20, л. 8]. За первое полугодие выбыло 98 человек, а вновь принято 23. Имелись и разногласия личного характера внутри педагогического коллектива (что было отмечено комиссией). Дирекции и педагогическому коллективу было предписано в кратчайшие сроки устранить недостатки: наладить учебно-воспитательную и политико-массовую работу, привести в порядок календарные и поурочные планы в соответствии с инструкциями Наркомпроса, повысить успеваемость, сплотить коллектив.

В апреле 1941 г. Наркомпрос и Госплан РСФСР пересматривали существующую сеть школьных и дошкольных педучилищ в стране. Была взята установка на организацию специальных дошкольных педучилищ в каждом крае, области и выводе из школьных педучилищ дошкольных и других отделений. Дошкольное педучилище предлагалось открывать только в тех городах, где имеется достаточная сеть детских садов. Согласно этому проекту, в Тамбовской области имелось одно дошкольное педучилище. В связи чем Наркомпрос настоятельно требовал от Тамбовского ОблОНО создания нормальных условий для работы Тамбовского дошкольного педучилища. Принятые меры позволили наладить работу педучилища по всем указанным недостаткам. К концу учебного года успеваемость повысилась до 74, 6%. В результате переводных и выпускных экзаменов только 6 человек 1 класса оставлены

на второй год. Окончило курс обучения в 1940/41 учебном году – 45 человек, в следующем году планировалось выпустить 49 специалистов дошкольного воспитания.

В 1930-е гг. широкое распространение получило заочное обучение в вузах и в средних специальных учебных заведениях. В целях вовлечения большего контингента работников в учебу за НСШ и педучилище в мае месяце 1939 г. дошкольная группа ОблОНО совместно с Обкомом Союза дошкольных работников разослали во все РайОНО и Райкомам Союза указания об их участии в комплектовании заочного педучилища, правила приема в заочное педучилище и разъяснения о порядке поступления в заочную областную среднюю школу взрослых. В тех районах, где нет дошкольных инструкторов, материалы были разосланы непосредственно в детские сады. По итогу в заочный сектор Тамбовского дошкольного педучилища поступило 39 заявлений, в заочную областную среднюю школу взрослых – 2. В 1940 г. на заочном отделении дошкольного педучилища обучалось 130 человек, на 1 июня 1941 г. – 103 человека.

Для организации работы с заочниками в области были созданы 3 учебно-консультационных пункта (УПК): Тамбовский, обслуживающий заочников г. Тамбова, Тамбовско - Пригородного района; Мичуринский, обслуживающий заочников г. Мичуринска и Мичуринского района; Моршанский, обслуживающий заочников г. Моршанска и Моршанского района. Все УПК имели свои помещения, были обеспечены квалифицированными кадрами, имели возможность пользоваться химическими, биологическими и физическими кабинетами. Занятия производились с отрывом от производства 2-3 дня в месяц. Кроме этого все заочники были обеспечены учебными планами с подробным указанием материала самостоятельной работы, однако обеспечить заочников учебниками педучилище не имело возможности. На летнюю сессию 1940/41 учебного года из 103 заочниц не явилось 33: 6 человек были освобождены от явки, 27 были исключены за неявку и неуплату за обучение за второе полугодие. По итогам сессии педучилище окончили 26 человек, отселясь 6 человек в 1 классе, 21 во 2 классе, 2 в 3 классе. В сентябре месяце дополнительно сдали осенние испытания еще 6 заочниц. Таким образом, заочное отделение Тамбовского дошкольного педучилища в 1941 г. окончило 32 человека.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла свои коррективы в работу дошкольного педучилища, еще больше усложнив ее. Большие трудности испытывало очное отделение училища, а заочное обучение дошкольных работников, по словам и. о. директора дошкольного педучилища О. Потаповой стало «непроизводительной затратой государственных средств» [21, л. 6]. Тем не менее, Тамбовское дошкольное педучилище оставалось единственным в Тамбовской области учебным заведением по подготовке специалистов-дошкольников, просуществовав в статусе самостоятельного до 1955 г.

В 30-е гг. продолжилась и курсовая подготовка дошкольных работников. Новые веяния в педагогике (директивное закрытие педологии), смены политических курсов («на протяжении одного десятилетия трижды менялись основные программные документы, партийные постановления о школе (1930-1935), направленные на усиление общеобразовательной подготовки, на регламентацию методов и средств обучения» [25, с. 146] – все это предъявляло новые требования к подготовке дошкольников. В апреле 1934 г. при Тамбовском Педтехникуме были организованы двухмесячные курсы по подготовке работников для летних детских площадок на 40 человек, в 1936 г. восьмимесячные курсы подготовки дошкольных работников. Об общественной значимости курсов говорит тот факт, что из 35 слушательниц, 29 были командированы районными отделами образования. Подготовка дошкольных работников проводилась и через годичные дошкольные курсы. В октябре 1938 г. были открыты годичные курсы на 30 человек в г. Моршанске (выпустилось 25). Окончившие курсы были распределены по районам, однако означенное количество не могло удовлетворить потребность районов в работниках. Тамбовский ОблОНО был вынужден сделать заявку в Наркомпрос о постановке вопроса перед Воронежским, Пензенским и Рязанским ОблОНО об откомандировании в распоряжение Тамбовского ОблОНО учащихся, окончивших в 1939

г. дошкольное педучилище и годовые дошкольные курсы, жителей районов, отошедших к Тамбовской области. В результате в Тамбовскую область были направлены 34 человека Бологовским и Торопецким дошкольными педучилищами Калининской области и Борисоглебским педучилищем Воронежской области и 16 человек с Пензенских годовых дошкольных курсов. В сентябре 1939 г. были открыты годовые курсы в г. Мичуринске на 60 человек. 1 июня 1940 г. был проведен выпуск. Курсы окончили 52 человека, которые были распределены на работу в детские сады и на детские площадки. Для повышения квалификации работников в январе 1939 г. при Институте Повышения Квалификации Работников Народного Образования проведены месячные курсы для инструкторов по дошкольному воспитанию и заведующих детскими садами. На курсах обучалось 24 человека. С 10 по 11 октября 1941 г. при дошкольном педучилище были организованы трехмесячные курсы по подготовке дошкольных работников, имеющих среднее образование. Курсы окончили 31 человек. Получить высшее образование практические работники дошкольных учреждений Тамбовской области имели возможность, обучаясь на заочном отделении педвузов. Так, в 1936 г. на заочном отделении МГПИ обучалось 25 студентов-заочников из Тамбова¹.

4. Заключение

На основе изученного материала, можно сделать вывод, что в России в конце XIX - начале XX веков были созданы предпосылки построения системы профессиональной подготовки дошкольных работников. Учебные планы дореволюционных педагогических курсов разной направленности легли в основу курсовой подготовки дошкольных работников в первые годы советской власти, а слушательницы курсов стали проводниками идей дошкольного воспитания в регионах в качестве инструкторов Дошкольных отделов и руководителей первых детских садов. События 1917 г. способствовали реформированию системы народного образования, включению дошкольного воспитания в единую государственную систему. Централизованное управление образованием, в том числе и профессиональным, позволило создать государственную преемственную многоуровневую систему профессиональной педагогической подготовки специалистов дошкольного воспитания, включавшей подготовку в различных типах учебных заведений: на краткосрочных и долгосрочных курсах, в педтехникумах - педучилищах, вузах. Вузы готовили преподавателей для средних специальных заведений и руководящие кадры для организации дошкольного дела (методистов, инструкторов, инспекторов), а педтехникумы - педучилища с дошкольными отделениями - практических дошкольных работников.

Анализ исторических источников позволил обобщить и систематизировать характеристику типов учебных заведений, осуществляющих подготовку дошкольных работников в Тамбовском крае в период с 1918 по 1941 гг. и показал, что в исследуемый период незамедлительное решение острого кадрового вопроса требовало скорейшей подготовки, прежде всего практических работников дошкольных учреждений (воспитателей детских садов и работников детских летних площадок), в связи с чем, профессиональная подготовка педагогов-дошкольников в регионе осуществлялась, главным образом, путем организации курсовой подготовки, неспособной обеспечить высокий уровень квалификации кадров, а также за счет подготовки специалистов-дошкольников в средних специальных учебных заведениях (на дошкольном отделении Тамбовского Педтехникума – педучилища, на очном и заочном отделениях Тамбовского Дошкольного педучилища). Опыт собственной вузовской дошкольной подготовки был недолгим (1918-1923) и связан с работой Тамбовского государственного университета и его последующей реорганизацией. Вновь она станет доступна тамбовчанам лишь в 1930-е гг. с открытием заочных отделений вузов за пределами региона. Продолжительность, формы и методы, содержание обучения напрямую зависели от изменений

---

¹ Жундрикова, С. В. (2004). Подготовка специалистов дошкольного воспитания в РСФСР: 1917 - 1941 гг.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.07. Московский педагогический государственный университет. Москва. С.110.

направления государственной политики, а также под влиянием социально-экономических условий жизни в стране.

Список источников и литературы

1. Аврех, А. Л. (2017). *ППС «Тамгоснута»: статистический портрет* // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов. Т. 22. Вып. 1 (165). С. 140-146.
2. Акулова, О. В. (2018). *Педагогический институт дошкольного образования. От Фребелевского общества – к Институту детства Герценовского университета* / О.В. Акулова, Э.В. Онищенко, Л.Ю. Савинова // Современное дошкольное образование. №7 (89). С. 9–23.
3. Вершинина, Н. А. (2019). *Курсы как первая форма подготовки воспитателей к руководству изобразительной деятельностью дошкольников (1900-1916гг.)* // Вестник Череповецкого государственного университета. № 4 (91). С. 145-146.
4. Газета «Тамбовская Правда». № 192 (849) от 4 сентября 1933 г.
5. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 12.
6. ГАТО. Ф. Р-1424. Оп. 3. Д. 29.
7. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 88.
8. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 146.
9. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 149.
10. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 184.
11. ГАТО. Ф.Р-1404. Оп. 1. Д.1 88.
12. ГАТО. Ф. Р-1404 Оп. 1. Д. 190.
13. ГАТО. Ф. Р-1404 Оп. 1. Д. 191.
14. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 192.
15. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 195.
16. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 1001.
17. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 1287.
18. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп.1. Д. 1643.
19. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д.1654.
20. ГАТО. Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 72.
21. ГАТО. Ф. Р-3714. Оп.1. Д. 112.
22. *История Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина* (2018) / А. Л. Аврех. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 336 с.
23. Краснова, А. Н. (2007). *ПИДО – историко-педагогический портрет вуза в первые годы Советской власти* // Учёные записки МГПУ. Вып. 7. С. 39-43.
24. Колокольникова, З. У. (2013). *Дошкольное воспитание в Сибири конца XIX – начала XX в.: монография* / З. У. Колокольникова. Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета. 166 с.
25. Маторина, И. В. (2023). *Подготовка педагогических кадров для системы дошкольного образования в Тамбовском крае в 1920-1930-е гг.* // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Т. 13. № 1. С. 140-150.

References

1. Avrekh, A. L. (2017). *PPS «Tamgosnuta»: statisticheskii portret* [The teaching staff of "Tamgosnut": a statistical portrait] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 22, 1 (165), 140-146. (in Russian).

2. Akulova, O. V., Onishchenko, E.H. V., Savinova, L. YU. (2018). *Pedagogicheskii institut doshkol'nogo obrazovaniya. Ot Frebelevskogo obshchestva – k Institutu detstva Gertsenovskogo universiteta* [Pedagogical Institute of Preschool Education. From the Frebel Society to the Institute of Childhood at Herzen University] in *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie*, 7 (89), 9–23. (in Russian).

3. Vershinina, N. A. (2019). *Kursy kak pervaya forma podgotovki vospitatelei k rukovodstvu izobrazitel'noi deyatel'nost'yu doshkol'nikov (1900-1916)* [Courses as the first form of training teachers to guide the visual activities of preschoolers (1900-1916)] in *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (91), 145-146. (in Russian).

4. Gazeta «*Tambovskaya Pravda*». [Tambovskaya Pravda]. 192 (849) ot 4 sentyabrya 1933 g. (in Russian).

5. Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State Archive of the Tambov region (GATO)], f. R-1404. op. 1. d. 12.

6. GATO. [GATO], f. R-1424. op. 3. d. 29.

7. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 88.

8. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 146.

9. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 149.

10. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 184.

11. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 188.

12. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 190.

13. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 191.

14. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 192.

15. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 195.

16. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 1001.

17. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 1287.

18. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 1643.

19. GATO. [GATO], f. R-1404. op. 1. d. 1654.

20. GATO. [GATO], f. R-3714. op. 1. d. 72.

21. GATO. [GATO], f. R-3714. op. 1. d. 112.

22. *Istoriya Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni G.R. Derzhavina*. [History of Tambov State University named after G.R. Derzhavina]. A. L. Avrekh. Tambov, Derzhavin TGU Publ., 2018. (in Russian).

23. Krasnova, A. N. (2007). *PIDO – istoriko-pedagogicheskii portret vuza v pervye gody Sovetskoi vlasti* [PIDO – historical and pedagogical portrait of a university in the first years of Soviet power] in *Uchenye zapiski MGPU*, 7, 39–43. (in Russian).

24. Kolokol'nikova, Z. U. (2013). *Doshkol'noe vospitanie v Sibiri kontsa XIX – nachala XX v.: monografiya* [Preschool education in Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: monograph] Z. U. Kolokol'nikova. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet Publ. (in Russian).

25. Matorina, I. V. (2023). *Podgotovka pedagogicheskikh kadrov dlya sistemy doshkol'nogo obrazovaniya v Tambovskom krae v 1920-1930-e gg.* [Training of teaching staff for the preschool education system in the Tambov region in the 1920-1930s.] in *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, 13, 1, 140-150. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-26-35>
УДК 33 (091)

РАССКАЗОВСКОЕ ПРОМЫСЛОВОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО КУСТАРЕЙ-ВЯЗАЛЬЩИКОВ КАК УСПЕШНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ КООПЕРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Г. С. Махрачев,
Я. В. Махрачева*

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
ул. Интернациональная, д. 33, Тамбов, 392000, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается специфика становления и развития Рассказовского промыслового кооперативного товарищества кустарей-вязальщиков. Это объединение можно охарактеризовать как наиболее результативный продукт советской политики по кооперированию кустарей на территории Тамбовской губернии. Примечательно и то, что состояло оно исключительно из женщин. Временные рамки исследования охватывают период военного коммунизма и нэпа. Это время, когда страна находилась в глубоком экономическом кризисе и большинство потребностей государства и общества могли удовлетворить только кустари. **Материалы и методы.** Авторы статьи приводят краткий историографический обзор рассматриваемой в статье проблемы. Примечательно, что в советский период она системно не рассматривалась учеными. Актуальность ее проявилась только с переходом к рыночной экономической системе. Кроме того, дана характеристика использованных источников, среди которых присутствуют и архивные документы, и опубликованные материалы. **Результаты.** В результате анализа источниковой базы удалось установить, что вязальный промысел на территории Тамбовского уезда был широко распространен еще в до-революционное время, что явилось предпосылкой для дальнейшего кооперативного строительства. На первых этапах своего существования Рассказовское промысловое кооперативное товарищество кустарей-вязальщиков столкнулось с проблемой нехватки сырья и финансирования, ограничивавшей возможности расширения. Однако уже в 1919 г. кооператив сконцентрировался на работе с военным ведомством, что позволило постепенно расширить производство. Такая концепция работы сохранялась и в годы нэпа, хотя были зафиксированы случаи продажи изделий на рынках, в том числе Москвы и Харькова. Руководство кооператива постоянно тяготело к модернизации. И если в 1920 г. удалось провести электрификацию мастерской, то предложенная в 1925 г. руководством идея механизации производства реализована не была. **Заключение.** Проведение подобных исследований позволяет дать объективную оценку результативности советской политики в области кустарной промышленности.

Ключевые слова: крестьянство, военный коммунизм, нэп, кооперация, кустарные промыслы, Тамбовская губерния.

Для цитирования: Махрачев Г. С., Махрачева Я. В. (2024). Рассказовское промысловое кооперативное товарищество кустарей-вязальщиков как успешный опыт реализации советской кооперативной политики // История: факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 8-19 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-38-1-26-35>

Статья поступила: 20.11.2023

Статья принята в печать: 28.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

*Ответственный автор

© Махрачев Г., Махрачева Я., 2024

RASKAZOVSKY FISHING COOPERATIVE PARTNERSHIP OF ARTISTIC KNITTERS - A SUCCESSFUL EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION OF SOVIET COOPERATIVE POLICY

Georgy Makhrachev*,

Yana Makhracheva

*Derzhavin Tambov State University,
st. Internationalnaya, 33, Tambov, 392000, Russia*

Abstract

Introduction. The article deals with the specifics of formation and development of the trade co-operative society of knitting craftsmen in Rasskazovo. This association can be characterised as the most effective product of the Soviet policy of cooperating craftsmen on the territory of Tambov province. It is also remarkable that it was made up exclusively by women. The time frame of the study covers the period of war communism and the NEP. It was a time when the country was in deep economic crisis and most of the demands of the state and society could only be met by artisans. **Materials and Methods.** The authors of the article provide a brief historiographical review of the problem considered in the paper. It is important to note that in the Soviet period it was not systematically considered by scientists. Its relevance appeared only with the transition to a market system. In addition, the article characterises the sources used, including both archival documents and published materials. **Results.** As a result of the analysis of the sources it was possible to establish that the knitting trade on the territory of the Tambov district was widespread in the pre-revolutionary period, which was a prerequisite for further co-operative development. At the first stages of its existence, the industrial co-operative society of knitting craftsmen in Rasskazovo faced the problem of lack of raw materials and financing, which limited the possibilities of expansion. However, already in 1919 the cooperation concentrated on work with the military department, which allowed to gradually expand production. This concept of work was maintained during the NEP years, although there were cases of selling products on the markets, including Moscow and Kharkov. The management of the cooperation constantly tended to modernise. And while in 1920 it was possible to electrify the workshop, the idea of mechanisation of production proposed by the management in 1925 was not implemented. **Conclusion.** Such research allows us to give an objective assessment of the effectiveness of the Soviet policy in the field of crafts industry.

Keywords: peasantry, war communism, NEP, cooperation, handicrafts, Tambov Province.

For citation: Makhrachev G., Makhracheva Y. (2024). Rasskazovsky trade cooperative partnership of handicraft knitters as a successful experience in the implementation of Soviet cooperative policy In *History: facts and symbols*, 1 (38), pp. 26-35 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-38-1-26-35>

Received: 20.11.2023

Revised: 28.02.2024

Published: 15.03.2024

*Corresponding author

© Makhrachev G., Makhracheva Y., 2024

1. Введение

После Октябрьской революции и установления советской власти страна на несколько лет погрузилась в кровавую гражданскую войну. Против советской власти выступили ранее влиятельные политические партии: кадеты, эсеры и меньшевики, – а также представители крупных социальных групп: духовенства, офицерства, казачества, помещиков, буржуазии, интеллигенции. Размах войны подрывал стабильную работу крупной промышленности, и во многих случаях потребности Красной Армии могли удовлетворить только кустарные изделия. Именно поэтому для нового руководства страны было крайне важно выработать стратегию дальнейшего развития кустарного производства. В отношении сельских мастеров советская власть избрала курс на массовое кооперирование и тотальную централизацию производства.

После перехода к нэпу капиталистические отношения были частично возрождены. Происходило оживление былого экономического развития. Однако восстановление крупной промышленности шло медленно, а потому многочисленные потребности государства и населения по-прежнему могли удовлетворить только кустарные изделия. В новых условиях сельские мастера получили большую свободу деятельности. Тем не менее советская власть рассматривала кооперацию как приоритетную форму существования кустарной промышленности. Вступившим в кооператив кустарям предоставлялись государственные заказы, сырье и соответствующее финансирование. Кроме того, они могли рассчитывать на льготное налогообложение. Однако работа новых органов управления была крайне дезорганизована, из-за чего многие мастера предпочитали работать автономно.

В первое десятилетие существования советской власти объединение кустарей для совместного труда на территории Тамбовской губернии происходило медленно. Количество кооперативов в это время росло, но число их членов было невелико. Согласно данным губернского кустарно-промыслового союза на 1 июля 1922 г. на Тамбовщине действовало 218 кооперативов, объединявших 9 988 мастеров. Причем 4 446 из них работали в составе одного Рассказовского промыслового кооперативного товарищества кустарей-вязальщиков (кооператива) [15, с. 464-465]. В 1927 г. официально на страницах газеты «Тамбовская правда» было объявлено о низких результатах проводившейся в этом направлении политики. Сообщалось, что в работу 223 действовавших на 1 апреля 1927 г. кооперативов было вовлечено только 8 765 мастеров. При этом отмечалось, что «мощное кооперативное объединение в губернии имеется только одно – Рассказовское кооперативное т-во кустарей-вязальщиков, насчитывающее 5 500 членов» [1]. Примечательно и то, что все члены обозначенного объединения были исключительно женщинами [9, л. 68 об.]. Очевидно, что при обозначенных условиях судьба кооператива не может не привлекать к себе внимание.

2. Материалы и методы

Обращаясь к истории изучения специфики кооперирования кустарей в годы военного коммунизма и нэпа, мы должны отметить, что в советское время эта тема практически не рассматривалась учеными. Вопросы кооперативного строительства были актуальны для 1920-х гг. и обсуждались современниками. Не осталась без внимания и промысловая кооперация, положение которой описал Ю. Ларин [17]. Однако начиная с 1930-х гг. интерес к этой теме у исследователей пропал. Вновь о промысловой кооперации стали писать только в конце 1950-х гг. П.И. Яковлев, А.И. Бузлаева, В.П. Дмитренко, Л.Ф. Морозов и В.И. Погудин с положительной стороны оценивали государственную политику по кооперированию кустарей [3; 12; 26].

В период Перестройки и в особенности в течение 1990-х гг. негативная критика любых действий советской власти стала обыденным явлением. Неудивительно, что в научных работах А.А. Николаева, В.В. Коновалова, Л.Е. Файн, написанных в это время, можно встретить отрицательную оценку политики, проводившейся в отношении сельских мастеров [14, 19, 24]. В 2005 г. В.Г. Егоров опубликовал монографию, в которой проследил эволю-

цию промысловой кооперации в условиях кардинальных изменений политического устройства страны [13]. Все большее внимание историков стал привлекать региональный аспект темы. Здесь особо следует отметить труд А.А. Николаева, продолжившего изучать промысловую кооперацию Сибири, а также работу О.В. Ягова, посвященную Поволжью [18, 25]. Сведения о специфике кооперирования кустарей были также представлены в статьях, опубликованных в научных периодических изданиях. Отдельно отметим работы Е.В. Бородулиной, А.А. Панарина, С.А. Уразовой [2; 21; 23].

Тем не менее из поля зрения ученых часто выпадала специфика деятельности отдельных кооперативов. К тому же рассматриваемый в статье кооператив имел ряд уникальных особенностей, которые позволили выделить его в среде подобных организаций. Во-первых, это огромная численность его членов. Во-вторых, гендерная специфика.

Статья основана на широком спектре проанализированных письменных источников. К исследованию привлекались неопубликованные документы, сохранившиеся в Государственном архиве Тамбовской области (Ф. Р-727). В них отразились сведения о технической стороне производства. Кроме того, были использованы опубликованные источники. Информация об общем количестве действовавших в губернии кооперативов, а также об изменении количества членов рассматриваемого в статье кооператива была почерпнута из статистических трудов: «Сборника статистических сведений по Тамбовской губернии» и «Бюллетеня Тамбовского губернского статистического бюро», – а также из делопроизводственного документа «Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921-22 отчетный год». Некоторые сведения об удовлетворении духовных потребностей членов кооператива можно узнать из выпусков «Тамбовской правды».

3. Результаты

Заметное число кустарок, практиковавших вязальный промысел, проживало в северо-восточной части Тамбовского уезда еще в позднеимперское время. В ходе подворных переписей 1880-1884 гг. статистики установили, что в фабричных селах Рассказове, Бондарях и Тулинке, где существовало заводское суконное и кошмоваляльное производство, большая часть женского населения с детства и до глубокой старости изготавливали шерстяные чулки, вареги и носки для продажи на рынок [22, с. 267]. Жительницы этих сел промышляли кустарничеством в течение всего года. Крестьянки соседних сельскохозяйственных сел занимались вязанием, преимущественно в зимнее, свободное от сельскохозяйственных работ, время. Согласно данным, приводимым председателем кооператива Я. Овчинниковым, непосредственно перед началом Первой мировой войны на данной территории проживало около 15 000 мастериц [7, л. 69].

Рассматриваемый в статье кооператив был создан в июне 1917 г. Несмотря на то, что значительное количество мастериц хотело вступить в этот кооператив, руководству приходилось специально ограничивать возможность членства. На первых этапах своего существования кооператив испытывал серьезные проблемы из-за нехватки сырьевых материалов, что приводило даже к временным остановкам производства. Именно поэтому в первую очередь к объединению привлекались мастерицы из фабричных сел, имевшие большой опыт работы, чем те, которые в летнее время занимались земледелием. Вероятно также, что работа на действовавших в этом районе суконных фабриках велась с перебоями, а потому существовала опасность, что мастерицы из фабричных сел могли остаться полностью без средств для проживания.

С 1919 г. кооператив сконцентрировался исключительно на выполнении заказов, исходивших от военного ведомства. Такой подход позволил обеспечить мастериц постоянной работой. Более того, в условиях бушевавшей гражданской войны запросы армии были для советского правительства первостепенными, а потому выделение для кустарок всех необходимых материалов шло без перебоев. К 1920 г. число членов кооператива, согласно данным Я. Овчинникова, выросло до 3 500.

Размах деятельности кооператива не остался незамеченным и во время сельскохозяйственной переписи, проведенной в этом же году. Статистики зафиксировали в Тамбовском уезде 1 897 чулочниц [4, с. 34]. Заметное расхождение в оценке численности мастериц было связано с гражданской войной, из-за которой губернским статистикам не удалось обследовать 16 волостей Тамбовского уезда [4, с. 3]. Именно поэтому более близкими к действительности следует считать данные Я. Овчинникова. Тем не менее материалы сельскохозяйственной переписи даже с учетом неточностей свидетельствовали о том, что чулочное дело было самым распространенным промыслом в губернии, если брать за основу численность кустарей, работавших в отдельно взятом уезде.

С самого начала своего существования кооперативу удалось наладить изготовление шерстяных валенных чулок, носков, перчаток и варег. Руководство кооператива отмечало, что производительность по этим изделиям составляла около 2 000 000 пар в год [7, л. 69]. Благодаря сотрудничеству с военным ведомством мастерицы в скором времени смогли расширить ассортимент изготавливаемых товаров. Они сумели обеспечить потребности общества и государства в следующих шерстяных вещах: фуфайках, кофточках, шарфах, платках, шлемах, шапках. Однако по этим изделиям производительность была заметно ниже – около 50 000 штук за год. Такая скромная результативность объяснялась отсутствием современных орудий производства и недостаточной обеспеченностью соответствующими материалами.

Первоначально вся работа велась исключительно ручным способом с использованием примитивных орудий труда. Наибольшую обеспокоенность руководства кооператива, как уже отмечалось выше, вызывал тот факт, что при первичной обработке шерсти (ческе ее на скалке) мастерицам приходилось использовать грубые ручные чесальные машины. Из-за медленных темпов изготовления пряжи конечная производительность труда всех объединившихся мастериц была на низком уровне. Частично эту проблему удалось решить благодаря Главному управлению текстильной промышленности, которое выдало разрешение на переработку шерсти для кооператива на одной из местных фабрик. Однако этого было недостаточно для удовлетворения всех запросов кустарок. Именно поэтому руководством кооператива было принято решение об электрификации своей чесальной мастерской. Задуманное было успешно реализовано, после чего скорость переработки шерсти немного выросла.

Для производства изделий мастерицы использовали шерсть двух видов: осеннюю русскую и верблюжью. При обработке первая давала 25% отхода, а вторая – 50%. Кроме того, для валки и отбеливания требовалось мыло. Для освещения помещения во время работы кустарок – керосин. Для работы собственной чесальной мастерской и для выработки пряжи на одной из рассказовских суконных фабрик – нефть. Всех этих материалов постоянно не хватало. Так, в производственном плане кооператива на сезон 1920-1921 гг. отмечалось, что для полноценной работы недоставало 106 474,5 кг шерсти, 12 285,5 кг мыла, 16 380,7 кг керосина, 32 761,37 кг нефти [7, л. 69 об.].

Здесь же следует упомянуть, что руководство кооператива выделяло и другие проблемы, тормозившие общее развитие производства в период военного коммунизма. В частности, негативным образом на труде мастериц сказывались постоянные перебои в снабжении продовольствием и топливом. В этих случаях крестьянки скорее были заинтересованы в удовлетворении собственных первичных потребностей, а потому в весенние и летние месяцы оставляли кустарную деятельность и переориентировались на сельскохозяйственную работу. Заметен был также недостаток квалифицированного персонала в управлении кооперативом. Существовала нехватка транспортных средств. Большинство рабочих помещений были малой площади, что не позволяло разместить в них все необходимое для производства оборудование. Кроме того, на общий экономический спад влияла гражданская война, бушевавшая в стране. В особенности отмечалась пагубность Антоновского восстания, из-за ко-

того частично была нарушена связь администрации кооператива с мастерицами, работавшими в разных селениях.

Несмотря на множество проблем, тормозивших производственную деятельность, размах работы кооператива к 1920 г. стал заметен на Всероссийском уровне, что привело к нескольким важным событиям. Во-первых, наблюдалось некоторое противостояние центральных и региональных органов власти за право контролировать деятельность кооператива. В частности, Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Главкустпром), указывая на необходимость нормализации порядка снабжения мастериц «техническими средствами и подсобными материалами», попыталось забрать кооператив из подчинения губернского отдела по делам кустарной и мелкой промышленности (губкустпрома). Однако последний, ссылаясь на деструктивные последствия такого решения для реализации производственных планов губернского совета народного хозяйства (ГСНХ), выступил против [6, л. 186].

Во-вторых, кооператив стал основой для образовавшегося 23 февраля 1920 г. в пределах Тамбовского уезда Рассказовского районного производственного союза кооперативов (производсоюза). Он охватывал 13 промысловых (включая рассматриваемый в статье) и 4 сельскохозяйственных кооперативов. Примечательно то, что согласно декрету от 29 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» [11] Рассказовский производсоюз должен был быть преобразован в секцию губернского потребительского союза, теряя таким образом свою самостоятельность. Но этого не произошло, и он все время работал в автономном режиме [8, л. 7].

К 1 июля 1922 г. численность членов Рассказовского производсоюза составила 4 746 человек, из которых 4 446 были объединены в кооператив [16]. Однако автономная деятельность союза при нэпе продлилась недолго. Уже в 1922 г. стал активно обсуждаться вопрос об укрупнении существовавших в губернии кооперативных союзов. В отчете губернского союза кустарно-промысловый кооперации указывалось на то, что для выхода из глубокого экономического кризиса необходимо провести слияние сельскохозяйственной и промысловой кооперации, а также объединить Тамбовский уездный союз кустарно-промысловый кооперации (укустпромсоюз) с Рассказовским производсоюзом [15, с. 460].

Наладить совместную деятельность сельскохозяйственной и промысловой кооперации получалось с трудом. Больших успехов удалось добиться местной администрации при слиянии 23 февраля 1923 г. Тамбовского укустпромсоюза и Рассказовского производсоюза в новый Тамбовский районный кустарно-промысловый союз [9, л. 1]. На реализацию этого решения повлияло и значительное изменение территориальных границ Тамбовской губернии в начале 1923 г.

Согласно данным, представленным руководством кооператива в докладной записке, 1 июля 1925 г. это объединение состояло из 4 170 членов. При этом только 5 человек состояли в ВКП(б), а 4 165 числились как «беспартийные» [10, л. 71]. В экономическом плане большинство мастериц, около 75%, относилось к бедняцкой части крестьянства. Оставшиеся 25% были середняками. Отмечалось, что для региона, пострадавшего от Антоновского восстания и нескольких недородов, деятельность кооператива была особенно востребована. Доход от производственной деятельности объединенных мастериц позволял обеспечить денежными средствами и, как следствие, товарами базовой необходимости не только их самих, но и членов их семейств. Не удивительно, что значительное количество кустарниц хотели также примкнуть к кооперативу. Однако нехватка финансов не позволяла руководству кооператива удовлетворить потребности в работе большей части потенциальных членов [10, л. 66-66 об.].

В годы нэпа кооперированные мастерицы практически не работали на рынок. Однако были зафиксированы редкие случаи, когда их изделия сбывались на рынках Москвы и Харькова [5, с. 6]. Основная часть выполненной продукции по-прежнему предназначалась

для военного ведомства. Так, в 1925 г. по договору с Всероссийским союзом промысловой кооперации кустарки выполняли заказ на производство для армии 400 000 перчаток. Эти изделия вырабатывались из шерсти, которая закупалась на авансированные средства [10, л. 66 об.]. Расчет за выполненную работу производился деньгами. За рабочий сезон (от 28 до 48 недель в году) 1 мастерица зарабатывала около 36 руб. Кроме того, мастерицам предоставлялся керосин для освещения в процессе производства [5, с. 6].

Несмотря на предпринятые руководством кооператива в 1920 г. попытки модернизировать производство, даже спустя 5 лет значительных успехов в этом вопросе достигнуто не было. Переработка (ческа) шерсти по-прежнему велась кустарным способом с использованием собственного нефтяного двигателя и 5 чесальных машин, а также нескольких арендованных чесальных машин, разбросанных по Тамбовскому уезду. За производственные сутки удавалось переработать на собственных орудиях 491,42 кг шерсти и на арендованных – еще 1 212,17 кг. При этом около 33% сырья отходило в угар (непригодный для дальнейшей обработки материал). Соответственно, из 1 703,59 кг обрабатывавшейся в течение суток шерсти для дальнейшей работы можно было использовать только 1 141,4 кг.

Руководство кооператива в докладной записке настаивало на необходимости механизации производства, что позволило бы снизить размер угара до 20%. Более того, половина из образовавшегося угара была бы пригодна для выделки войлока. Для большей убедительности приводились следующие цифры. В 1925 г. на изготовление новых изделий было выделено 327 089,56 кг шерсти, из которых после переработки оставалось только 219 150 кг годного для дальнейшей работы сырья. В случае механизации производства эта цифра равнялась бы 261 671,65 кг. И еще 32 708,96 кг можно было использовать для изготовления войлока. При таких обстоятельствах удалось бы сэкономить 83 280 руб. [10, л. 67].

Аргументы, представленные руководством кооператива, выглядели вполне убедительными. Однако каких-либо сведений о дальнейшей механизации производства найти не удалось.

Заметных успехов удалось добиться руководству кооператива в удовлетворении духовных потребностей его членов. Более 80% объединившихся для совместной работы мастериц изначально не умели ни читать, ни писать, но все равно тяготели к знаниям. Для решения этой проблемы к 1927 г. были организованы 3 пункта ликвидации безграмотности. Кроме этого работала 1 стационарная и 5 передвижных библиотек. Ежегодно для пополнения их фондов закупались книжные издания на сумму, превышавшую 1 000 руб. Значительную роль в повышении грамотности кустарок играли избы-читальни, при которых функционировали кооперативные кружки, имевшие ярко выраженный идеологический характер, а также кружки кройки и шитья. Было открыто специальное общеобразовательное учебное заведение, в котором часть дисциплин была рассчитана на развитие производственного потенциала мастериц. Несколько членов кооператива были командированы для обучения в Москву и Ленинград [20]. Также следует отметить, что кооператив взял шефство над местным детским домом [10, л. 68 об.].

4. Заключение

Таким образом, Рассказовское промысловое кооперативное товарищество кустарей-вязальщиков было учреждено в 1917 г. Его появление было исторически обусловлено, т.к. еще в дореволюционное время вязальный промысел был широко распространен среди женщин, проживавших на территории Тамбовского уезда. На первых этапах своего существования кооператив, как и многие подобные организации, испытывал множество проблем, связанных с нехваткой заказов, материалов и финансирования. Однако в 1919 г. удалось наладить сотрудничество с военным ведомством, которое остро нуждалось в вязальных изделиях. Появление большого количества заказов позволило привлекать в кооператив новых мастериц, так что к 1927 г. он охватывал 5 500 членов.

Появление государственных заказов частично снимало проблему нехватки материалов и финансирования. Но необходимость производить большое количество изделий за короткий промежуток времени выявила слабый технический уровень производства. В течение первого десятилетия своего существования кооперативу с трудом удавалось модернизировать технику производства. В 1920 г. удалось электрифицировать мастерскую, что способствовало увеличению времени работы в течение суток. Предпринятая руководством кооператива в целях снижения отходов производства попытка механизировать мастерскую закончилась неудачей.

Список источников и литературы

1. А. С. Наша кустарная промышленность // Тамбовская правда. 1927. 5 апреля. С. 6.
2. Бородулина, Е. В. (2018). *Большевистская постановка вопроса о месте и роли промысловой кооперации в начале новой экономической политики (1921-1923 гг.)* // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2. С. 203-210.
3. Бузлаева, А. И. (1969). *Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР*. М.: Наука. 175 с.
4. Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро. № 4. 1-го июня 1924 года. Тамбов: Издание Тамбовского губернского статистического бюро, 1924. 140 с.
5. Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро № 8. 1 июля 1926 года. Тамбов: Издание Тамбовского губернского статистического бюро, 1926. 96 с.
6. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 785.
7. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 1610.
8. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 2831.
9. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 3322.
10. ГАТО. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 3499.
11. Декрет СНК от 29 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1920. № 6. Ст. 37.
12. Дмитренко, В. П., Морозов, Л. Ф., Погудин, В. И. (1978). *Развитие кооперации в СССР*. М.: Политиздат. 296 с.
13. Егоров, В. Г. (2005). *Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века)*. Казань: Издательство Казанского университета. 332 с.
14. Коновалов, В. В. (1995). *Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура: вопросы теории и практики военного коммунизма*. Новосибирск: Наука. 217 с.
15. Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921/22 отчетный год. Б. м. и б. г. 553 с.
16. Кустарные артели в Тамбовской губернии // Тамбовская правда. 1922. 22 сентября. С. 2.
17. Ларин, Ю. (1927). *Частный капитал в СССР*. М.-Л.: Государственное издание. 310 с.
18. Николаев, А. А. (2000). *Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.)*. Новосибирск: Издательство СО РАН. 140 с.
19. Николаев, А. А. (1988). *Промысловая кооперация в Сибири. 1920-1937 гг.* Новосибирск: Наука. 269 с.
20. П. А. Достижение кустарок по культуре. (Рассказово) // Тамбовская правда. 1927. 9 марта. С. 3.

21. Панарин, А. А. (2021). *Кустарно-промысловая кооперация Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921 - 1929 гг.)* // Гуманитарные и юридические исследования. № 4. С. 77-83.
22. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 12. Тамбовский уезд. Тамбов: Губернская земская типография, 1886. С. 622 с.
23. Уразова, С. А. (2015). *Частный капитал в мелкой и кустарной промышленности среднего Поволжья в 20-е гг.* // Вестник Пензенского государственного университета. № 2 (10). С. 14-17.
24. Файн, Л. Е. (1994). *Отечественная кооперация: исторический опыт*. Иваново: ИВГУ. 275 с.
25. Ягов, О. В. (2008). *Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики*. Самара-Пенза: Изд-во Самарского научного центра РАН; ПГПУ. 335 с.
26. Яковлев, П. И. (1957). *Промысловая кооперация СССР за 40 лет*. М.: КОИЗ. 51 с.

References

1. Borodulina, E. V. (2018) *Bol'shevistskaya postanovka voprosa o meste i roli promyslovoy kooperatsii v nachale novoy ekonomicheskoy politiki (1921-1923 gg.)* [Bolshevik formulation of the issue of place and role of craft cooperation at the beginning of the new economic policy (1921-1923)] in *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2, 203-210. (in Russian).
2. Buzlaeva, A. I. (1969). *Leninskiy plan kooperirovaniya melkoy promyshlennosti SSSR* [Lenin's plan of cooperation of small-scale industry in the USSR]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
3. Dmitrenko, V. P., Morozov, L. F., Pogudin, V. I. (1978). *Razvitie kooperatsii v SSSR* [Development of cooperation in the USSR]. Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).
4. Egorov, V. G. (2005). *Otechestvennaya kooperatsiya v melkom promyshlennom proizvodstve: stanovlenie, etapy razvitiya, ogosudarstvlenie (pervaya tret' XX veka)* [Domestic cooperation in small-scale industrial production: formation, stages of development, nationalisation (the first third of the XX century)]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ. (in Russian).
5. Konovalov, V. V. (1995). *Melkie promyshlenniki Sibiri i bol'shevistskaya diktatura: voprosy teorii i praktiki voennogo kommunizma* [Small industrialists of Siberia and Bolshevik dictatorship: issues of theory and practice of war communism]. Novosibirsk, Nauka Publ. (in Russian).
6. Larin, Yu. (1927). *Chastnyy kapital v SSSR* [Private capital in the USSR]. Moscow-Leningrad, Gosudarstvennoe izdanie Publ. (in Russian).
7. Nikolaev, A. A. (2000). *Melkaya promyshlennost' i kustarnye promysly Sibiri v sovetskoy kooperativnoy sisteme (1920 – seredina 1930-kh gg.)* [Smalland handicraft industries in Siberia in the Soviet cooperative system (1920 – mid-1930s)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN Publ. (in Russian).
8. Nikolaev, A. A. (1988). *Promyslovaya kooperatsiya v Sibiri. 1920-1937 gg.* [Trade cooperation in Siberia (1920 - 1937)]. Novosibirsk, Nauka Publ. (in Russian).
9. Panarin, A. A. (2021). *Kustarno-promyslovaya kooperatsiya Severnogo Kavkaza v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki (1921 - 1929 gg.)* [Handicraft cooperation of the North Caucasus in the context of a new economic policy (1921-1929)] in *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 4, 77-83. (in Russian).
10. Urazova, S. A. (2015). *Chastnyy kapital v melkoy i kustarnoy promyshlennosti srednego Povolzh'ya v 20-e gg.* [Private Capital in Small and Artisanal Industry in the Middle Volga Re-

gion in the 20s] in *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (10), 14-17. (in Russian).

11. Fayn, L. E. (1994). *Otechestvennaya kooperatsiya: istoricheskiy opyt* [Domestic Cooperation: Historical Experience]. Ivanovo, IvGU publ. (in Russian).

12. Yagov, O. V. (2008). *Kustarno-promyslovaya kooperatsiya Povolzh'ya v usloviyakh realizatsii novoy ekonomicheskoy politiki* [Artisanal and crafts cooperation of the Volga region in the conditions of implementation of the new economic policy]. Samara-Penza: Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN; PGPU Publ. (in Russian).

13. Yakovlev, P. I. (1957). *Promyslovaya kooperatsiya SSSR za 40 let* [Industrial cooperation of the USSR for 40 years]. Moscow, KOIZ Publ. (in Russian).

Вклад авторов:

Г. С. Махрачев: разработка концепции статьи, анализ полученных данных, написание текста рукописи.

Я. В. Махрачева: получение данных для анализа, обзор публикаций по теме статьи.

Authors' contributions:

Georgy Makhrachev: writing the text of the manuscript; review of publications on the topic of the article;

Yana Makhracheva: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained.

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-36-46>

УДК 94 (47) 61914/199

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НЕЗАЩИЩЕННЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1860 – 1914 гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

М. О. Тарасов

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
ул. Степана Разина, д. 26, Калуга, Российская Федерация*

Аннотация.

Введение. В статье рассматриваются вопросы о подходах государства и общества к организации механизмов социальной поддержки населения с 60-х гг. XIX в. по начало XX в., применяемых в Калужской губернии. Актуальность исследования определяется значимостью обнаружения действенных механизмов социальной поддержки незащищённых слоёв населения с целью их возможного применения в текущих реалиях. **Материалы и методы.** В статье поднят вопрос о выявлении и расширении источниковой базы для проведения исследования. В настоящем исследовании рассмотрены различные типы источников для обеспечения возможности объективного подхода к пониманию действия существовавших механизмов поддержки нуждавшихся. В работе были использованы сравнительно-исторический, статистический и др. методы научного исследования. **Результаты.** Выявлены основные типы источников, позволяющие объективно оценить состояние социальной сферы в Калужской губернии, одной из типичных губерний Центральной России. Рассмотрено общее положение означенной губернии в сфере социальной поддержки. Изучены основные подходы к решению ряда социальных проблем. В своем исследовании автор приходит к выводу, что пореформенный период стал ключевым в истории решения вопросов социальной помощи – общественного призрения в Российской Империи, когда состоялся переход части обязанностей по надзору в социальной сфере в ведение самих подданных Российской Империи путем частичной передачи механизмов осуществления поддержки нуждавшихся земствам и благотворителям. Установлено, что в Калужской губернии, значимая часть работы по созданию условий для решения социального вопроса перешла в ведение частных капиталов. Особое внимание обращено автором на региональные особенности решения вопроса социальной поддержки незащищённых слоёв населения в Калужской губернии. Намечено наиболее перспективное направление в комплексном изучении системы социальной поддержки незащищённых слоёв населения в Калужской губернии.

Ключевые слова: благотворительность, Российская империя, Калужская губерния, нуждающиеся, социальная поддержка, «экосистема», механизмы социальной поддержки
Для цитирования: Тарасов М. О. (2024). Система социальной поддержки незащищённых слоёв населения в Калужской губернии, 1860-е–1914 г.: региональные особенности, перспективные направления и источниковая база исследования // История: факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 36-46 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-38-1-36-46>

Статья поступила: 10.11.2023

Статья принята в печать: 28.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Тарасов М., 2024

**SYSTEM OF SOCIAL SUPPORT FOR UNPROTECTED AND POOR PEOPLE IN THE
KALUGA PROVINCE, 1860s – 1914: REGIONAL FEATURES, PROMISING
DIRECTIONS AND SOURCE BASE OF RESEARCH**

Mark Tarasov

*Tsiolkovsky Kaluga State University,
st. Stepana Razina, 26, Kaluga, Russian Federation*

Abstract

Introduction. The article discusses the approaches of the state and society to the organization of mechanisms of social support of the population from the 60s of the XIX century to the beginning of the XX century, used in the Kaluga province. The relevance of the study is determined by the significance of finding effective mechanisms of social support for vulnerable segments of the population with a view to their possible application in current realities. **Materials and methods.** The article raises the issue of identifying and expanding the source base for conducting research. In this study, various types of sources are considered to ensure the possibility of an objective approach to understanding the operation of existing support mechanisms for those in need. Comparative-historical, statistical and other methods of scientific research were used in the work. **Results.** The main types of sources that allow an objective assessment of the state of the social sphere in the Kaluga province, one of the typical provinces of Central Russia, are identified. The general situation of the said province in the sphere of social support is considered. The main approaches to solving a number of social problems have been studied. In his research, the author comes to the conclusion that the post-reform period became a key one in the history of solving issues of social assistance - public charity in the Russian Empire, when part of the responsibilities for supervision in the social sphere were transferred to the jurisdiction of the subjects of the Russian Empire themselves by partially transferring the mechanisms for providing support to the zemstvos and benefactors in need. It is established that in the Kaluga province, a significant part of the work on creating conditions for solving the social issue has been transferred to the management of private capital. Special attention is paid by the author to the regional peculiarities of solving the issue of social support for vulnerable segments of the population in the Kaluga province. The most promising direction in the comprehensive study of the system of social support for vulnerable segments of the population in the Kaluga province is outlined.

Keywords. Charity, Russian Empire, Kaluga province, charitable activities, needy, social support, "ecosystem", mechanisms of social support

For citation: Tarasov M. (2024). System of social support for unprotected and poor people in the Kaluga province, 1860s – 1914: regional features, promising directions and source base of research In History: facts and symbols, 1 (38), 36-46 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-38-1-36-46>

Received: 11.10.2023

Revised: 28.02.2024

Published: 15.03.2024

© Tarasov M., 2024

1. Введение

Систематизация сведений о путях и методах решения остросоциальных проблем со стороны государства для выявления действенных механизмов по решению вопроса поддержки социально-незащищённых слоёв населения в настоящее время представляется крайне актуальным направлением развития внутренней политики в социальной сфере. Доказанные на историческом примере жизнеспособность и эффективность выявленных приёмов и механизмов урегулирования социальных проблем могут стать значимым подспорьем в деле решения современных проблем и выработке новых видов социальной поддержки с учетом исторически-положительного опыта. Внимание к вопросам сферы социальной поддержки, в историографическом плане, проявляется на протяжении не одного столетия. Практическая значимость подобных исследований заключается в выявлении наиболее эффективных механизмов социальной поддержки нуждающихся. В Калужском регионе данная тема остаётся малоисследованной.

2. Материалы и методы

В любом научном исследовании важную и основополагающую роль играет источниковая база. В данной работе с помощью выявленных источников при использовании общенаучных методов исследования становится возможным воссоздание теоретической модели функционирующих механизмов социальной поддержки незащищённых слоёв населения губернского уровня.

Источниковую базу работы составили следующие источники: 1. печатные издания, посвящённые истории конкретных учреждений, составленные современниками событий; 2. региональную периодическую печать; 3. справочные издания; 4. делопроизводственные и административные документы.

Первую группу документов представляют различные очерки об истории благотворительных учреждений и организации процесса помощи нуждающимся, написанные в рамках хронологии исследуемого периода. Являясь ценными источниками информации, одновременно такие работы несут в себе и историографическую ценность, отражая проявление внимания со стороны общества к означенному вопросу. Наиболее наглядным примером такого типа источников может выступать труд калужского врача и краеведа Юрия Александровича Вусовича «К 100-летию Хлюстинских заведений. 1800-1909 г.» [1], в котором подробно описывается история развития и работы Хлюстинских богоугодных заведений, от момента основания до периода службы автора врачом в описываемом месте. Аналогично весомым источником в деле изучения работы благотворительных учреждений можно считать Исторический очерк «Благотворительные учреждения в городе Калуге», опубликованный в Памятной книжке Калужской губернии (1896 г.), в котором приводится историческая справка и описание существовавших в то время городских благотворительных заведений [17, с. 5-59].

Особую ценность представляют периодические издания, выделенные во вторую группу в которых освещаются различные аспекты действительной работы учреждений, приводятся статистические сведения. Значимым источником в данной области является периодическая печать. Примечательно, что в подобном типе источника могут приводиться описания, составленные тогда же, когда был выпущен сам источник. Ярче всего это иллюстрируют сохранившиеся до нашего времени газеты и журналы. В региональном издании газеты «Калужские губернские ведомости» (КГВ), отражались значимые для города и губернии события. Неоднократно внимание читателя обращалось на события, связанные с исследуемым вопросом: публиковались статистические отчеты о работе благотворительных заведений, приводились краткие исторические описания основных этапов существования заведений, приводились сведения об открытии новых и проведении ремонтных работ в старых учреждениях, внимание акцентировалось на необходимости оказания социальной поддержки незащищённым слоям населения [8; 9; 10; 13; 14; 15; 19; 20].

Отдельное место занимают различные справочные издания, содержащие в себе статистическую информацию, информацию о личном составе сотрудников, осуществляющих службу в исследуемых заведениях, месторасположении и точном наименовании последних. В качестве примера можно выделить справочник Папроцкого «Статистическое описание Калужской губернии 1864» [18, с. 222], где содержатся сведения о существовавших в губернии богоугодных заведениях. Кроме того, периодические издания Памятных книг и Адрес-календарей Калужской губернии второй половины XIX – начала XX вв. также содержат в себе информацию о количестве учреждений, их месторасположении и личном составе. Подобные сведения в данных типах издания выделяются в особые «Справочный» и «Статистический» отделы» [17, с. 10-15].

Наиболее значимым аттрактивным и информативным источником в данной сфере служат делопроизводственные и административные документы, являющиеся частью действительного документооборота, позволяющие проследить реакцию властей и работу благотворительных учреждений в хронологическом порядке. Главным источником подобных документов являются фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Калужской области (ГАКО)¹. Вышеописанные источники позволяют нам сформировать представление о работе благотворительных учреждений в дореволюционный период и выделить некоторые сформировавшиеся в процессе исследования особенности присущие конкретной губернии.

В работе были использованы общенаучные методы исследования (методы анализа, синтеза и др.), применялись специальные исторические методы научного исследования. При использовании историко-типологического метода были выделены различные способы решения социальных проблем². Сравнительно-исторический и статистический методы позволяют сравнить эффективность государственных методов решения социальных вопросов как автономно, так и с привлечением частных капиталов. Выявить изменение подходов к решению вопросов сферы поддержки социально незащищённых слоев населения.

3. Результаты

В истории решения вопросов общественного призрения в Российской Империи наиболее значимым становится период с 1860-х по 1914 гг. Именно пореформенный период и несколько последующих лет до начала Первой мировой войны становятся временем постепенного перехода части обязанностей по надзору в социальной сфере в ведение самих подданных Российской Империи путём частичной передачи государством механизмов регулирования социальных вопросов земствам и благотворителям. Калужская губерния, являя собой пример, где значительная часть работы по созданию условий для решения социального вопроса легла на плечи благотворителей и частных капиталов. Однако не стоит забывать, что в то же время всё вышеозначенное находилось в рамках общегосударственного надзора и социальной поддержки нуждавшихся слоёв населения. Иными словами, сложившаяся за этот период система, в которой ключевые вопросы сферы социальной ответственности легли на плечи земств и частных благодетелей, действовала в означенных законодательством рамках, становясь по сути своеобразным механизмом в руках государства. Этот механизм был направлен на самостоятельное разрешение социальных проблем, без дополнительных затрат со стороны государственного аппарата, выполняющего в данном деле больше контролирующую роль. Формирование подобных систем в некоторых губерниях и стало одной из отличительных черт пореформенного периода.

---

¹ В качестве примера можно привести следующие фонды: ГАРФ Ф.102 - Департамент полиции (Второе отделение). ГАКО. Ф.37 - Калужский приказ общественного призрения; Ф.392 - Калужский губернский комитет женского благотворительного общества; Ф.174 - Совет православного церковного братства апостола Иоанна Богослова в г. Калуге; а также фонды различных служб касавшихся вопросов поддержки населения.

² Как административным путём, так и с привлечение частных капиталов.

В подтверждение вышеприведённых утверждений рассмотрим историю формирования системы решения вопросов социальной поддержки в Калужской губернии, акцентируя внимание на губернском центре – городе Калуге. Так, в период с 1863 г. по 1914 г. население Калужской губернии увеличилось с 964,8 тыс. до 1476,6 тыс. чел., что соответствовало 53 % прироста населения¹, как следствие, проблема социальной поддержки нуждавшихся вырисовывалась всё более чётко. Нужно отметить, что в разных регионах означенные вопросы решались с помощью разных подходов и органов. Для решения подобных задач в XVIII в. был создан Приказ общественного призрения, одной из задач которого становятся организация и управление механизмами социальной поддержки, однако после 1864 г. в некоторых губерниях часть его функций перешла в ведение набиравших силу земств. Аналогично, но с некоторыми особенностями ситуация складывалась и в Калужской губернии. Здесь, со второй половины XIX в., отчётливо наблюдался упомянутый процесс перехода от сугубо государственного регулирования социальных вопросов к решению оных на местах.

С 60-х гг. XIX столетия в Калужской губернии сфера социальной политики переходит в ведение органов местного самоуправления, а также значительно зависит от деятельности благотворителей, оказавших значительное влияние на развитие региона. В качестве наглядного примера подобного перехода, может служить факт принятия 15 февраля 1869 г. Калужской губернской земской управой от Приказа общественного призрения Хлюстинских богоугодных заведений, основанных еще в начале XIX в. мосальским помещиком Антоном Семеновичем Хлюстиным. Упомянутые заведения по факту являли собой комплекс учреждений в числе которых находились: больница, психиатрическая лечебница, богадельня. Период земского управления комплексом Хлюстинских заведений, положительно отразился на функционировании последнего, комплекс продолжал не только исправно функционировать, но развивался и расширялся [1, с. 17].

Особую значимую роль в решении социальных проблем в Калужской губернии сыграли благотворительность и меценатство. По сути оба явления становились своеобразным частным механизмом урегулирования проблемы социальной поддержки, но действующим в определенных законодательством рамках. Стоит заметить, что в самой Калуге значимая роль в решении означенных вопросов выпала именно благотворителям. В губернском городе частные капиталы участвовали и в решении общегородских вопросов. Показателен факт того, что первый калужский водопровод, появившийся 137 лет назад, возник благодаря стараниям городского головы Ивана Козьмича Ципулина (избран 25 апреля 1885 г.), который лично изыскал средства на устройство водопровода, оплатил из личных средств и провел все изыскательские работы как относительно определения сети труб, так и относительно источников водоснабжения. Сам же он отказался от годового жалованья в сумме 2000 рублей, чтобы не обременять городскую казну в период строительства².

Значительные перемены в сфере благотворительности в Калуге и губернии пришлись на третью четверть XIX столетия. В 1869 г., в докладной записке калужского городского головы направленной губернатору для разрешения вопроса об открытии нового благотворительного учреждения, отмечалось недостаточное количество богоугодных учреждений, существующих для оказания помощи нуждающимся слоям населения. «В 1862 году в г. Калуге открыт Общественный братьев Михаила и Павла Малютиных Банк, основной капитал которого составляют 200 тыс. руб. серебр. – По уставу сего банка, на счет прибылей должна быть открыта богадельня. Городское общество, сознавая необходимость открытия сказанной богадельни как потому, что в городе существует только одна, содержимая на счет скуд-

¹ Динамика общей численности населения России за 1811-1913 гг. А. Г. Рашин Население России за 100 лет (1813 - 1913). Статистические очерки // URL: <https://istmat.org/node/72> (дата обращения 29.09.2023)

² К 135-летию открытия водопровода в городе Калуге // URL: <https://archive.admoblkaluga.ru/gako/object/193795706> (дата обращения 18.03.2023).

ных средств купеческого общества, богадельня, где призываются до 80 человек, так и потому что с значительным возвышением цен на жизненные потребности лиц действительно требующих призрения можно встретить слишком много, - изготовило проект устава для богадельни и 26 ноября представила его в Губернское Правление для представления по принадлежности на утверждение. - По неполучению утверждения нельзя открыть богадельни, между тем открытие её в настоящую дороговизну на жизненные припасы было бы чрезвычайно благотельно, так как это дало бы возможность призреть многих несчастных. - По уважению сего не признаете ли Ваше Превосходительство возможным просить Его Высокопревосходительство Г. Министра Внутренних Дел оказать с его стороны влияние к скорейшему утверждению сказанного устава» [2, л. 15, 15 об.]. Стоит отметить, что официально на тот момент в городе существовала лишь Пятницкая богадельня, основанная ещё в 1793 г., с 1837 содержащаяся на капиталы калужского купеческого общества, способная дать кров порядка 80 нуждавшимся. Комплекс Хлюстинских учреждений имел несколько иной профиль, направленный на оказание медицинской помощи, потенциально его заведения могли осуществлять присмотр за нуждающимися, но скорее в исключительном порядке, обособленного здания богадельни комплекс тогда ещё не имел.

Иными словами, в конце 1860-х гг. в городе была весьма ощутима потребность в обеспечении приюта нуждающимся лицам. Как отмечалось ранее, в Калуге данный вопрос решался за счет частных капиталов. На средства благотворителей открывались и богадельни. 1 августа 1869 г. в городе открывается Пестриковская богадельня, а меньше чем через год, 7 мая 1870 г., начинает работать и богадельня братьев Михаила и Павла Малютиных. Оба заведения были созданы и работали на частные средства, оба учреждения внесли ощутимый вклад в развитие социальной опеки. По условиям содержания призываемых оба заведения превосходили существовавшую с 1793 г. Пятницкую богадельню. Разумеется, Пятницкая богадельня занимала видное место в истории благотворительных заведений города, но несмотря на проводимые организационные изменения, перестройку главного здания, а также расширение штата самих призываемых, значительно уступала по условиям содержания самих призываемых двум появившимся позже Пестриковской и Малютинской богадельням. Одним из существенных недостатков Пятницкой богадельни была проблема недостаточности снабжения призываемых, хоть и при предоставлении им отапливаемого жилого помещения, что сильно снижало статус заведения в сравнении с аналогичными. Подобная ситуация прослеживалась до 1896 г., после чего, как отмечал знаменитый калужский исследователь краевед Д.И. Малинин, ситуация улучшилась [12, с. 122; 14]. В 1905 г. в богадельне значилось 98 призываемых, в том же году 19 человек скончалось, 2 выбыли по своему желанию. Принято было 10 призываемых. К 1906 г. в заведении числилось 87 призываемых, из них 63 женского пола, 24 мужского. Управление учреждением входило в обязанности купеческого старосты, а надзор за призываемыми осуществлялся смотрителем [5, л. 161 об.].

Первой богадельней, открывшейся в пореформенный период, стала богадельня купца Осипа Павловича Пестрикова. Открыта она была 1 августа 1869 г., в каменном доме, располагавшемся на перекрестке улиц Воскресенской и Михайлоархангельского переулка (ныне улица Дарвина) и своё название получила в честь ее основателя. Устав ее был утвержден еще 12 января 1868 г., а проект устава был предоставлен еще раньше. «25 июля 1867 года граждане города Калуги в общественном собрании при Городской Думе, выслушав присланный из Калужского Губернского Правления на обсуждение городского общества проект устава богадельни потомственного почетного гражданина Пестрикова, постановили: «Находя предложение Пестрикова об учреждении в Калуге, на счет пожертвованного им капитала, богадельни весьма благотельным, общество изъявляет совершенное свое согласие на устройство означенной богадельни на основаниях, изложенных в проекте устава, вменяя себе при этом в обязанность благодарить г. Пестрикова за сделанное им пожертво-

вание на предмет призрения бедных» [17, с. 30]. В периодической печати отмечалось: «Дом для богадельни приобретен за 6000 р. серебр. Но чего стоили переделки и пристройки, а равно устройство в нем церкви с иконостасом и живописью, с церковными книгами, утварью, облачением и проч. Это положительно неизвестно: все это большей частью производилось под личным присмотром учредителя, который о благотворительном деле своем не трубит перед человеками» [13]. На содержание заведения О.П. Пестриковым было выделено 40.500 руб. Заключался оный капитал в 5% билетах Государственного банка; часть капитала в 35.000 руб. предназначалась для содержания богадельни, другая часть в 5.500 руб. на содержание церкви и причта.

В 1872 г. Осип Павлович Пестриков предпринял попытку открыть в своей богадельне отделение для неизлечимо больных. Однако Строительное отделение, не имея возможности принять план устройства нового отделения в богадельне в первоначальном виде, внесло в этот план некоторые изменения, что в свою очередь увеличило стоимость устройства такого отделения. Осип Павлович вынужден был отказаться от реализации данного замысла, поскольку стоимость нового проекта в несколько раз превышала запланированную на это дело сумму. В свою очередь Осип Павлович Пестриков заявил о готовности пожертвовать 25 тыс. руб. на ремесленное училище [6, л. 10-20].

Призреваемые Пестриковской богадельни находились в лучших условиях, нежели постояльцы Пятницкой богадельни, о чем конкретно писалось в одном из выпусков губернских ведомостей, в статье, посвященной Пестриковской богадельне: «...обеспечение и довольство находящихся в заведении не допустит их до нищенского прошения милостыни, подобного тому, какое дозволяют себе находящиеся в городской богадельне при Пятницком кладбище. Последних, впрочем, и винить за это строго нельзя: на содержание каждому из них отпускается в месяц по пуду ржаной муки и по четверти меры круп; понятно, что на такой паек, хоть и при готовой квартире с отоплением и освещением, невозможно прокормиться и одеться» [14].

Фактически это говорит о прямом использовании частных средств для решения социальных вопросов. Можно сказать, что одним из действенных механизмов урегулирования социальных проблем становится использование частных богоугодных учреждений. Некоторые учреждения в свою очередь, формировались в целые комплексы богоугодных заведений, являясь порою своеобразными «экосистемами», функционирующими в рамках действующего законодательства, но не требующими государственных дотаций, а финансирующими свою работу из самостоятельно зарабатываемых средств. Одним из самых наглядных и удивительных примеров работы подобных «экосистем», можно считать комплекс, выстроившийся вокруг деятельности банка братьев Малютиных. В числе благотворительных заведений, финансируемых за счет деятельности банка, по мимо одноимённой богадельни находились детский приют и учебные заведения.

Решение об учреждении в городе богадельни, финансируемой с прибылей Общественного братьев Малютиных Банка, было принято еще в 1868 г. В апреле 1868 г. правление банка препроводило в калужскую городскую думу проект устава богадельни для рассмотрения его городским обществом. 19 апреля того же года устав был одобрен, решение об учреждении богадельни принято.

В фондах ГАКО хранится дело об учреждении в Калуге богадельни Малютиных. Сохранился и рапорт 1868 г. калужскому губернатору с намерением учредить богадельню [2, л. 1, 1 об.]. Открытие богадельни состоялось 7 мая 1870 г., двумя с половиной месяцами ранее, 18 февраля 1870 г., был учрежден устав богадельни [12, с. 122]. В 1873 г. в одном из номеров газеты «Калужские губернские ведомости» был опубликован отчет о деятельности богадельни за 1872 г. [15]. В нем были представлены краткие сведения о богадельни с указанием количества находящихся в богадельни призреваемых: «За исключением выбывших и умерших состояло к январю 1873 года призреваемых 106 челов., из них 39 мужчин и 67

женщин» [15]. Публиковались и сведения о расходах на содержание богадельни. Как уже отмечалось, финансирование деятельности богадельни осуществлялось Малютинским банком. Призываемые снабжались обувью и одеждой, получали пищевое содержание [15].

Приют первоначально планировалось открыть в «пожертвованном городу купцом Чудиным доме на счет прибылей Общественного братьев Малютиных банка», однако из-за эпидемии холеры 1871 г., умножившей число сирот, а также из соображений экономии было решено отдать для размещения приюта пустующие помещения Малютинской богадельни [16, с. 33-34]. По итогам переписки с главноуправляющим IV отделением Собственной его императорского величества канцелярией было принято решение о присоединении будущего приюта к учреждениям Ведомства императрицы Марии. Благодаря этому, разработка особого устава заведения не потребовалась, а использовался типовый устав образца 1839 г. Наконец 15 декабря 1877 г. было получено монаршее соизволение на открытие заведения, которое именовалось: Детский приют братьев Малютиных. В ноябре 1879 г. Калужской городской думой были избраны попечители приюта¹. Стоит отметить, что фактически приют был открыт уже в 1871 г. и размещался в течение полутора лет в главном доме Малютинской богадельни, затем был переведен в арендованное здание, где находился с августа 1872 по август 1874 г., и, наконец, был окончательно возвращен в дом на Дворянской улице.

Ремесленное училище братьев Малютиных, располагалось в заранее выкупленном доме подполковника Сухотина [12, с. 85]. Бывший дом подполковника Сухотина был продан его дочерью Варварой Александровной Сухотиной в собственность городскому общественному братьев Малютиных банку за десять тысяч рублей, 11 августа 1876 года, о чём свидетельствует соответствующее донесение нотариуса: «Имею честь донести, что 11 сего Августа совершон акт о продаже дочерью Подполковника девицею Варварою Александровною Сухотиною, Калужскому городскому общественному братьев Михаила и Павла Малютиных Банку каменного трёхэтажного дома...» [7, л. 2, 16].

Открытие ремесленного училища состоялось 26 ноября 1876 г. [11]. Период существования училища в бывшем доме подполковника Сухотина нашёл своё отражение и на страницах периодических изданий того времени, так в частности в газете «Калужские Губернские ведомости» сохранилось упоминание о работе Калужского ремесленного училища братьев Малютиных. В указанной статье повествуется о занятиях и достижениях учащихся, но особое внимание привлекают строки с описанием мастерских в училище: «...Затем были осмотрены мастерские: токарная, столярная, слесарная и кузнечная. Первая помещается в нижнем этаже главного корпуса; столярная и слесарная в отдельном флигеле, а кузница во дворе. В мастерских прежде всего бросается в глаза необыкновенный порядок во всём; каждая вещь лежит на своём месте, не стесняя работающих; инструменты выдаются мальчишкам на руки, и они по окончании работ обязаны запирать в ящики, а ключи вешать тут же в мастерской в особый шкафчик за стеклом, каждый под своим номером» [11]. Более подробное описание училища и его краткую историю содержит продолжение вышеупомянутой статьи в следующем номере «Калужских губернских ведомостей». Особое внимание желательно обратить на описание одного ремесленного училища: «Дом этот значительно расширен, кроме того сделан особый двух-этажный каменный флигель. Вообще помещение училища не оставляет желать лучшего; классы, мастерские, спальни, особенно последние, светлы, просторны и снабжены превосходной вентиляцией. Столовая, кухня и квартира эконома помещаются в отдельном корпусе, на дворе; в главном же корпусе, находятся: в нижнем этаже мастерская токарная и квартира смотрителя, во втором классы и библиотека, в третьем спальни. При доме имеется сад и баня...» [11].

---

¹ Попечители: купец Василий Ефимович Астреев и Софья Ивановна Унковская, почетным старшиной был избран купец Василий Иванович Грудаков.

В 1908 г. в Калуге появляется сравнительно новое богоугодное заведение – Одигитриевская богадельня имени В.М. Ковригина. Появлению нового благотворительного учреждения поспособствовало духовное завещание московского купца Виктора Михайловича Ковригина, составленное 13 ноября 1900 г., в котором было высказано желание о создании в Калуге богадельни и школы. Утверждено такое завещание было Московским окружным судом 29 апреля 1905 г. под № 7030 на основании общих правил существования благотворительных учреждений. В завещании было изъявлено желание, чтобы учреждаемые на средства и в память В.М. Ковригина богадельня и школа при Одигитриевской церкви именовались «Богадельня и школа имени Виктора Михайловича Ковригина» [21, с. 1]. Открытие богадельни состоялось 28 июля 1908 г., месяц спустя, 1 сентября того же года, начала работать и церковно-приходская школа. Устав богадельни и школы был утвержден определением калужского епархиального начальства от 22-24 января 1907 г. за № 536 [3, л. 2 об.], [21, с. 5-7]. В 1909 г. в богадельне призревалося 23 человека, 3 из которых скончались в том же году [4, л. 1а, 2а].

В школе В.М. Ковригина, согласно уставу, могли обучаться дети разных званий. Обучение происходило бесплатно. Само учебное заведение состояло в ведении Калужского епархиального училищного совета. Заведующим был настоятель Одигитриевской церкви, а попечителем по уставу должно было значиться то же лицо, что и при богадельне, а в случае отсутствия попечителя его обязанности ложились на церковного старосту.

4. Заключение

Изложенные выше примеры, ярко иллюстрируют особенность местного урегулирования социальных проблем в пореформенный период (и последующие годы). Калужские богоугодные заведения продолжали осуществлять свою деятельность вплоть до событий 1917 г., после чего данные вопросы перешли в ведение новой власти. Используемые источники позволяют сформировать общее представление о состоянии сферы социальной защиты нуждающихся слоев населения. На фоне приведенных примеров, уместно выделить общие черты, а именно значительную роль частных капиталов в решении социальных проблем. По сути явления меценатства и благотворительности обрели функции своеобразного механизма, созданного внутри государственного аппарата, механизма, находящегося под контролем одного. Богоугодные заведения не возникали спонтанно. Безусловно инициатива могла исходить от частных лиц и из благих побуждений, но решение об открытии, разрешение на осуществление деятельности принимались строго в административном порядке. Контроль за деятельностью таких учреждений оставался всецело за администрацией, что иной раз подтверждает концепцию формирования особого механизма социальной поддержки, с минимизацией государственных дотаций. В ходе применения подобных приёмов могли образовываться саморегулирующиеся подсистемы – так называемые «экосистемы», способные самостоятельно финансировать свою работу, но действующие в рамках существовавшего законодательства, находясь под надзором государства.

Безусловно обозначенная тема требует дальнейшего изучения, выявления и анализа новых источников, для объективной оценки работы в сфере социальной политики. Выявляемая источниковая база исследования дает возможность более детального анализа методов работы тех, или иных механизмов системы социальной поддержки незащищённых слоев населения. Успешный опыт применения оных даёт возможность использования такового в вопросах современного поиска и формирования путей решения остросоциальных проблем, позволяя перенять положительные черты действующих механизмов с последующей адаптацией их под современные нужды.

Список источников и литературы

1. Вусович, А. Ю. К (1909). *100-летию Хлюстинских заведений. 1800-1909 г. Краткий исторический очерк, составленный доктором Ю. А. Вусович с участием д-ра М. М. Селиванова*. Калуга: Типография Губернской Земской Управы. 43 с.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 62. Оп. 3. Д. 1279.
3. ГАКО. Ф. 277. Оп. 1. Д. 43.
4. ГАКО. Ф. 277. Оп. 1. Д. 37.
5. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2136.
6. ГАКО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 87.
7. ГАКО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 31.
8. Доклад Калужской губернской земской управы по обзору состоящих в ея заведывании благотворительных заведений // Калужские губернские ведомости. 1873. № 73, 74.
9. Хотомский, З. (1888). *К вопросу о прекращении нищенства* // Калужские губернские ведомости. № 15.
10. Хотомский, З. (1887). *Что такое бедность?* // Калужские губернские ведомости. № 15.
11. Калужское ремесленное братьев Малютиных училище // Калужские губернские ведомости. Калужские губернские ведомости. 1880. № 52, 53.
12. Малинин, Д. И. (1992). *Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии*. Калуга: Золотая аллея. 272 с.
13. Описание Пестриковской богадельни (1869) // Калужские губернские ведомости. № 20.
14. Открытие богадельни Пестрикова (1869) // Калужские губернские ведомости. № 34.
15. Отчет богадельни братьев Малютиных в Калуге за 1872 год (1873) // Калужские губернские ведомости. № 35.
16. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1913 год (1912) Калуга: Типография губернского правления, 332 с.
17. Памятная книжка Калужской губернии на 1896 год (1895). Калуга: Типография губернского правления. 283 с. Отдел IV.
18. Попроцкий, М. (1864). *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Калужская губерния. Часть II*. СПб.: Печатано в типографии Э. Веймара. 563 с.
19. Пятницкая богадельня купеческого Общества (1892) // Калужские губернские ведомости. № 118.
20. Состояние Калужских благотворительных заведений в 1873 году (1873) // Калужские губернские ведомости. № 81.
21. Устав Положения об учреждении богадельни и школы Имени Московского Купца Виктора Михайловича Ковригина в городе Калуге при Одигитриевской церкви (1907). М.: Типолитография И.П. Гаврилова, 7 с.

References

1. Vusovich, A. YU. K (1909). *100-letiyu Khlyustinskikh zavedeniy*. [100th anniversary of the Khlyustin establishments]. Kaluga, Tipografiya Gubernskoy Zemskoy Upravy.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Kaluzhskoy oblasti (GAKO). F. 62. Op. 3. D. 1279. (in Russian).
3. GAKO. F. 277. Op 1. D. 43. (in Russian).
4. GAKO. F. 277. Op. 1. D. 37. (in Russian).

5. GAKO. F. 32. Op. 1. D. 2136. (in Russian).
6. GAKO. F. 32. Op. 6. D.87. (in Russian).
7. GAKO. F.55. Op.1. D.31. (in Russian).
8. Doklad Kaluzhskoy gubernskoy zemskoy upravy ob osmotre nakhodyashchikhsya v yeye vedenii blagotvoritel'nykh uchrezhdeniy (1873) [Report of the Kaluga Provincial Zemstvo Council on a review of the charitable institutions under its management]. *Kaluzhskiye gubernskiye vedomosti*, 73, 74 (in Russian).
9. Khotomsky, Z. (1887). K voprosu o prekrashchenii nishchenstva [On the issue of ending beggary]. in *Kaluzhskiye gubernskiye vedomosti*, 15. (in Russian).
10. Khotomsky, Z. (1888). Chto takoye bednost'? [What is poverty?] in *Kaluzhskiye gubernskiye vedomosti*, 15. (in Russian).
11. Kaluzhskoye remeslennoye brat'ya Milyutinykh uchilishche (1880) [Kaluga Crafts School of the Milyutin Brothers]. *Kaluzhskiye gubernskiye vedomosti*, 52, 53. (in Russian).
12. Malinin, D. I. (1992). *Opyt istoricheskogo gida po Kaluge i osnovnym tsentram gubernii* [Experience as a historical guide to Kaluga and the main centers of the province]. Kaluga, Zolotaya alleya. (in Russian).
13. Opisaniye Pestrikovskoy bogadel'ni (1869) [Description of the Pestrikovskaya almshouse]. *Kaluzhskiye gubernskiye vedomosti*, 20. (in Russian).
14. Otkrytiye bogadel'ni Pestrikova (1869) [Opening of Pestrikov's almshouse]. *Kaluzhskiye gubernskiye vedomosti*, 34. (in Russian).
15. Otchet bogadel'ni brat'yev Malyutinykh v Kaluge za 1872 god (1873) [Report of the Malyutin brothers' almshouse in Kaluga for 1872]. *Kaluzhskiye gubernskiye vedomosti*, 35 (in Russian).
16. *Pamyatnaya kniga i adres-kalendar' Kaluzhskoy gubernii na 1913 god* (1912) [Commemorative book and address-calendar of the Kaluga province for 1913]. Kaluga, Tipografiya gubernskogo pravitel'stva. (in Russian).
17. *Pamyatnaya kniga i adres-kalendar' Kaluzhskoy gubernii na 1896 god* (1896) [Commemorative book and address-calendar of the Kaluga province for 1896]. Kaluga, Tipografiya gubernskogo pravitel'stva. (in Russian).
18. Potrotsky, M. (1864). *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. Kaluzhskaya guberniya chast' 2* [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. St. Petersburg, Weimar Publ. (in Russian).
19. *Pyatnitskaya bogadel'nya Kupecheskogo obshchestva* (1892) [Pyatnitskaya almshouse of the Merchant Society]. *Kaluzhskiye gubernskiye vedomosti*, 118. (in Russian).
20. Gosudarstvennoye blagotvoritel'noye uchrezhdeniye Kalugi v 1873 godu (1893) [State charitable institution of Kaluga in 1873]. *Kaluzhskiye gubernskiye vedomosti*, 81. (in Russian).
21. *Ustav Polozheniya ob uchrezhdenii bogadel'ni i shkoly imeni Moskovskogo kuptsa Viktora Mikhaylovicha Kovrigina v gorode Kaluge pri Odigitriyevskoy tserkvi* (1907) [Charter of the Regulations on the establishment of an almshouse and school named after the Moscow merchant Viktor Mikhailovich Kovrigin in the city of Kaluga at the Odigitrievskaya Church]. Typology. (in Russian).

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ /
ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUS'

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-47-55>
УДК 94 (470.319-21)

М. И. ВОРОТЫНСКИЙ, НОВОСИЛЬСКИЙ ГРАД И НЕМИЛОСТЬ ГОСУДАРЯ

А. А. Майоров

*Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина
ул. Генерала Родина, 69, Орёл, 302019, Россия*

Аннотация

Введение. События второй половины XVI в., развернувшиеся вокруг старинного города Новосиль, имеют тесную связь как с актуальной на тот момент внутри- и внешнеполитической ситуацией, так и с рядом не вполне очевидных аспектов финансового, административного, статусного положения князя М. И. Воротынского. Негативное восприятие его государем Иоанном Васильевичем в качестве потенциального «возмутителя спокойствия», несмотря на очевидную лояльность князя, оказало существенное воздействие на судьбу этого выдающегося русского политического деятеля и полководца и, как представляется, было тесно связано с судьбой фамильного наследия новосильских князей. **Материалы и методы.** В качестве исходных материалов использованы тексты завещаний царя Иоанна Васильевича и князя М. И. Воротынского, посланий князю и ответных посланий царя от имени князя в адрес руководителей Польши и Литвы, сведения русских летописей, данные о формировании воинских контингентов, информация историко-лингвистического характера и результаты ряда исследований, посвящённых рассматриваемой эпохе. В исследовании использовались сравнительно-исторический и системно-аналитический методы с применением междисциплинарного подхода. **Результаты.** Передача исконных фамильных земель во владение М. И. Воротынского, оформленная как «мена» с государем, в сочетании с конфискациями имущества и необходимостью восстановления крепостных сооружений, а также поддержания их боеготовности в условиях крымско-татарской активности и Ливонской войны, привели к фактическому разорению князя. Анализ опубликованного эпистолярного наследия эпохи позволяет выявить огрехи общепринятого перевода «переписки Ивана Грозного» и несколько иначе оценить переданные в ней тесно связанные с городом Новосилем смысловые оттенки. **Заключение.** Передача, восстановление и поддержание Новосильского града и ряда иных укреплений за негосударственный счет, укрепление обороноспособности южных рубежей и последующее внешнеполитическое эпистолярное оформление связанного с ними статуса были частью длительной интриги в отношении князя М. И. Воротынского, автором которой мог быть царь российский Иоанн Васильевич.

Ключевые слова: Иван Грозный, М.И. Воротынский, укрепления, Новосиль, частно-государственное взаимодействие, переписка Ивана Грозного, вопросы статуса

Для цитирования: Майоров А. А. (2024). М. И. Воротынский, Новосильский град и немилость государя // История: факты и символы. № 1 (38). С. 47-55 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-47-55

Статья поступила: 10.09.2023

Статья принята в печать: 20.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Майоров А., 2024

PRINCE MICHAEL VOROTYNSKY, THE TOWN OF NOVOSIL AND THE WRATH OF THE TSAR

Anatoly Mayorov

*Parakhin Oryol State Agrarian University
st. General Rodin, 69, Orel, 302019, Russia*

Abstract

Introduction. The events of the second half of the XVI century, which unfolded around the town of Novosil, have a close connection with both the domestic and foreign policy situation that was relevant at that time. They were also connected with a number of not quite obvious aspects of the financial, administrative, status position of Prince Michael Vorotynsky. Tsar John Vasilyevich perceived him negatively, feared him as a potential "troublemaker", despite the obvious loyalty of the prince. This had a significant impact on the fate of this outstanding Russian politician and military commander and, as it seems, was closely connected with the fate of the family heritage of the Novosilsk lords. **Materials and methods.** The texts of the wills of Tsar Ivan Vasilyevich and Prince Michael Vorotynsky, the messages to the prince and the tsar's reply messages on behalf of the prince to the leaders of Poland and Lithuania, information from Russian chronicles, data on the formation of military contingents, information of a historical and linguistic nature and the results of research on the era in question were used as source materials for the study. In this work, comparative-historical and system-analytical methods were used using an interdisciplinary approach. **Results.** The transfer of family lands into the possession of Michael Vorotynsky, issued as a "land exchange" with the sovereign, combined with the confiscation of property and the need to restore fortifications, as well as maintaining their combat readiness in the conditions of Crimean Tatar activity and the Livonian War, led to the actual ruin of the prince. The analysis of the published epistolary heritage of the epoch makes it possible to identify flaws in the generally accepted translation of the "correspondence of Ivan the Terrible" and to evaluate the semantic shades conveyed in it closely related to the city of Novosil in a slightly different way. **Conclusions.** The transfer, restoration and maintenance of the fortress of Novosilsk and a number of other fortifications at non-state expense, the strengthening of the defense capability of the southern borders and the subsequent foreign policy epistolary registration of the status associated with them were part of a long intrigue against Prince Michael Vorotynsky, the author of which could be the Tsar of Russia Ivan Vasilyevich.

Keywords: Ivan the Terrible, Michael Vorotynsky, construction of fortifications, Novosil, private-state interaction, correspondence of Ivan the Terrible, status issues

For citation: Mayorov A. A. (2024). Prince Michael Vorotynsky, the town of Novosil and the wrath of the tsar In History: facts and symbols, 1 (38), 20-31 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-20-31

Received: 09.10.2023

Revised: 20.02.2024

Published: 15.03.2024

© Mayorov A., 2024

Введение

Первый русский царь Иоанн Васильевич, через несколько десятилетий после своей смерти получивший прозвание Грозный, занимает в ряду исторических персонажей отечественной истории XVI века особое место [6; 20; 21 и др.]. Повествований, баек, легенд и фантазий о нем русская история и литература знают очень много: от безудержного восхищения и восторга (порой мало обоснованных) и до страшнейших проклятий (фактически обоснованных примерно на таком же уровне). Именно этот государь является первым действующим лицом настоящей статьи. В качестве другого значимого персонажа выступает Михаил Иванович Воротынский – князь, знаменитый полководец, человек, принесший государству Российскому ряд крайне нужных военных и политических побед, но в итоге фатально пострадавший от царского гнева. Существует изрядное количество работ, повествующих о вышеуказанных персонах и даже о различных аспектах их отношений [5; 14 и др.], диссертационные исследования В. П. Ульянова, В. А. Волкова, Д. М. Володихина, А. А. Майорова и ряда других историков. Третьим значимым «объектом» является град Новосиль, оценка манипулирования статусом, фортификационными особенностями и историей которого со стороны русского правителя дает исследователю возможность рассмотреть отдельные детали сложной политической интриги, затрагивавшей не только некоторые внутри- и внешнеполитические аспекты, но также вопросы физического укрепления южных рубежей Российского государства, выстраивания жёсткой управленческой вертикали, модификации взаимодействия с Речью Посполитой и Крымским ханством.

Материалы и методы

В статье использованы завещания царя Иоанна Васильевича и князя М. И. Воротынского, послания князю и ответные послания от имени князя в адрес руководителей Польши и Литвы, сведения русских летописей, данные о формировании воинских контингентов, информация историко-лингвистического характера и выводы ряда исследований, посвящённых рассматриваемой эпохе. Использовались сравнительно-исторический и системно-аналитический методы с применением междисциплинарного подхода.

Результаты

После монгольского нашествия черниговские Рюриковичи в целом последовательно утратили владетельный контроль над Черниговом, Брянском и Карачевом (которыми овладели князья литовские и смоленские Рюриковичи) [11; 12]. Их новосильская ветвь, напротив, пережив целый ряд конфликтных и опасных ситуаций (к числу которых следует отнести Великую Замятню, Чёрную смерть, межкняжескую борьбу Рюриковичей всех семейств и многократную смену лидеров этой борьбы, неоднократную литовскую и московскую экспансию и т.д. и т.п.), сумела формально возвыситься, став хранителями родового черниговского старшинства и, по мнению ряда источников, носителями великокняжеского титула [10, с. 15, 129, 158, 191]. Новосиль со второй половины XIV в. стал центром, вокруг которого происходила консолидация наиболее самостоятельной ветви черниговских Рюриковичей.

Уход (а фактически эвакуация) княжеского стола из Новосиль в расположенный относительно недалеко Одоев случился в 1375 г. [17, стб. 113; 15, с. 24]. На основе единой семейной корпорации возникло целых три легитимно правящих дома: Воротынские, Одоевские и Белевские, которые с конца XIV и до момента вхождения в состав Русского государства в начале XVI имели уникальное право службы «на обе стороны» - по своему выбору и письменному dokonчанию (договору) со своим сюзереном [19, с. 51]. Окончательный переход верховских князей (как называли верхнеокских Рюриковичей в ряде документов) под руку московского государя имел одним из своих результатов резкое расширение Московского великого княжения и его превращение в конце XV столетия в качественно новое Русское централизованное государство. Статус верховских князей в едином государстве первоначально был крайне высок и уступал, в определённые моменты, пожалуй, только самим московским Рюриковичам и их близким родственникам [10, с. 170, 191, 211, 221].

Там, где высокое положение – там и высокие риски: Воротынские неоднократно возвышались и также многократно падали в московской иерархии. Для нашего сюжета важно, что осенью 1562 г. государь Иоанн Васильевич разгневался на князя Михаила Ивановича и отобрал у Воротынского прежние владения – собственно город Воротынск с окрестностями и прочие прилегающие земли (причины опалы находятся вне сферы рассмотрения статьи) [4, с. 149]. М. И. Воротынский попал под конфискации и, вместе с семьёй, с 1563 г. находился в ссылке, откуда был возвращён в 1566 г. Часть родовых земель (причём, судя по всему, принадлежавших ранее *другим* потомкам новосильских князей) ему отдали («вернули») в управление и, возможно, владение. Ситуация описана царем в завещании: «...пожаловал князь Михаила князь Иванова сына Воротынскаго *старою его вотчиною*, городом Одоевым, да городом Новасилью, да городом на Черни» [8, с. 444]. Судя по всему, со старого полководца было взято обязательство восстановить полностью разрушенную фамильную твердыню. Для полноты картины следует упомянуть, что через несколько лет, в 1569 г., государь решил и эти пожалования «обменять» на земли в другом углу государства, о чем сам писал: «...аз *ту вотчину* взял на себя, а князю Михаилу *дал есьми в то место вотчину*... а ведает *ту вотчину* князь Михайла по меновым грамотам, по тому жь, *как ведал свою вотчину*... а сын мой Иван в *ту у него вотчину и у его детей* не вступается, а отъедет куда-нибудь, и *та вотчина* сыну моему Ивану» [8, с. 444]. Последующая формальная мена, имевшая место в феврале 1569 г., была, без сомнения, также осуществлена во исполнение воли правителя [3, с. 97, 114-115]. Были отобраны уже новосильские земли: «вотчину взял на себя, государя, а в то место пожаловал, дал мне (*М. И. Воротынскому* - М.А.) Стародуб Ряполовской со всем уездом... да в Муромском уезде село Мошок со всеми деревнями того села, да в Нижнем Новеграде село» [1, с. 75].

Представляется, что полученное от государя поручение восстановить фамильную твердыню (а также «на Черни острог») означало важный и сложный экзамен, который Михаил Иванович должен был выдержать, дабы не посрамить фамильную честь. Восстановление, а фактически – полностью новое строительство крепости в Новосиле, на первый взгляд выглядело задачей, безусловно, сложной, но вполне реальной. Михаил Иванович был не только полководцем, но и опытным управленцем. И за несколько лет в нормальной ситуации вполне мог выполнить поставленную задачу, несмотря на то, что наиболее хозяйственно освоенные территории воротынских земель были государем отобраны. Также как были, в результате опалы, конфискованы многочисленные фамильные сокровища и активы.

Время было особенное, в полном разгаре была Ливонская война. И, судя по всему, обязательств по формированию и снаряжению отрядов, отправляемых в прибалтийские земли, с князя никто также снимать не собирался. М. И. Воротынский, как и прочие бояре, участвовал, в снаряжении, снабжении и подготовке войск, отправляемых на прибалтийский театр военных действий: «...росписаль государь боярь и воеводь и детей боярскихъ по полкомъ... и запасы свои и конские повеле всему воинству съ собою имати доволно на всю зиму и до весны, занеже идти и до Полотцка месты пустыми, тесными и непроходными» [16, с. 348.]. Снаряженные воины направлялись со всех верхнеокских (верховских) земель: «в ертоульском полку... воротынцы дворовые и городовые. ...В Кременску збиратись... воротынцом... Княж Михайловских и княж Александровских одоевцов и перемышлян 160 ч. ...воротынцов дворовых и городовых 110 ч.» [2, с. 122, 125, 129]. Сложно представить отказ князя от участия в подобных сборах более позднего времени. Также никто не снимал с него обязательств *по содержанию* южных «антитатарских» рубежей (в том числе и возводимых им самим), которые должны были ощутимо подкрепляться простым чувством самосохранения и необходимости защиты собственной семьи.

Из имеющихся документов известно, что довольно скоро М. И. Воротынский оказался глубоко и безнадежно закредитован. Исходя из того, что написано в завещании, глубина финансовой ямы, в которой очутился князь, представлялась ему чрезвычайно глубокой:

«...долгу на мне денежна много по кабалам и по памятям и безкабально. ... одолжал есми в государевех...службах и в литовском походе ... сыну моему о том бить челом государю, чтобы государь милость показал, долг велел снять» [1, с. 73]. Представляется вероятным, что исполнение поручения государя о строительстве крепости в возвращённом фамильном владении (как наиболее затратного из нам известных) стало тем фактором, который сумел разрушить основу финансовой устойчивости великого русского полководца. Хотя, безусловно, решило важный вопрос некоторого повышения обороноспособности этого участка южных рубежей Русского государства.

Другим важным аспектом рассматриваемого в настоящей статье сюжета, является известное желание государя Иоанна Васильевича подчеркнуть свой особый статус в сопоставлении с любым другим обитателем Российского государства. И здесь князь Михаил Иванович попал в явно неприятную ситуацию, о которой позволяет судить известная «переписка Ивана Грозного». В пересланных с запада в адрес М. И. Воротынского и перехваченных государевыми людьми посланиях явно ставился вопрос о, по меньшей мере, сопоставимой знатности адресата с русским царем, что не могло пройти незамеченным последним. Сама постановка вопроса явно насторожила правителя. В качестве встречного хода, государь Иван Васильевич от имени М. И. Воротынского подготовил ответы на послания польского короля Сигизмунда II Августа и литовского гетмана Г. А. Ходкевича. Письма эти, скорее всего, отправлены не были. Они были отдельно опубликованы в 1954 г. в переводе Я. С. Лурье [18, с. 257-273, 428-441].

Автор статьи не претендует на глубокое знание лингвистических особенностей русского языка той эпохи, но ему оказался сразу виден один крупный огрех перевода, который существенно влияет на понимание сути подготовленного послания и демонстрирует явно негативную эмоциональную реакцию русского царя. В опубликованном оригинальном ответном тексте в отношении М. И. Воротынского применяется словоформа «державца»: «...от его царьского величества совету боярина и воеводы и намесника Казанского и *державцы* Новосилского, князя Михаила Ивановича Воротынского» [18, с. 257]. Аналогичная формулировка присутствует и в послании Г. А. Ходкевичу [18, с.265].

Полагаю, что в тексте послания, очевидно подготовленного по поручению царя, термин «*державца*» (но не «державец») применён намеренно, а приведённый в издании перевод его на современный русский язык как «правитель» некорректен. Именно в этот период в административной практике Великого княжества Литовского происходит вытеснение общерусской терминологии явными полонизмами, к числу которых относятся и фиксируемый термин «*державца*». Автором настоящего текста в сетевом издании Брянского университета была не так давно размещена несколько более подробная статья, в которой проанализированы последствия смешения семантики исторических псевдо-омонимов (паронимов), похожих по звучанию, но базирующихся на различных, пусть и родственных, языковых системах. В качестве примера были использованы термины «державец», «дзяржаўца», «dzierzawca», «державца», «дзяржава», «dzierzawa» русского, западнорусского, польского, белорусского и украинского происхождения [13].

Краткие выводы упомянутой статьи гласят, что в соответствии с польской административной традицией термин «*державца*» (dzierzawca) часто означал чиновника не самого высокого ранга, к примеру «залогового арендатора», «помощника старосты» и т.д. [23, с. 303-304] Под воздействием польской терминологии и в Великом княжестве Литовском в конце XV- начале XVI вв. само понятие «державца» стало всё чаще принимать значение «земельной собственности... находившейся в распоряжении определенного лица - державцы - на определенных условиях владения» [22, с. 66, 68-69, 71, 73]. Сближение параллельно используемых терминологических польской и литовской систем шло чрезвычайно активно. Понижение значимости рассматриваемого термина продолжалось постоянно и непрерывно (кстати, в настоящее время польское слово «dzierzawca» переводится на русский просто как

«арендатор» [7, с. 184.]). Заранее приношу все возможные извинения за вторжения не в свою сферу, но представляется, что канонический перевод Я. С. Лурье титула «*державцы Новосилского*» на современный русский в качестве «правителя Новосильского», по всей видимости, неверен [18, с. 428, 434]. В историческом контексте термин «державца», использованный в отношении М. И. Воротынского в опубликованных посланиях, следует перевести на современный русский не как «правитель», но, скорее, как «*управитель*», а точнее – «*назначенный государем временный управитель государева владения Новосиль*». Такое понимание основывается на актуальной в тот период практике административного документооборота.

«Самообозначение» М. И. Воротынского якобы в его посланиях польскому королю и литовскому канцлеру в качестве «державцы» явно и недвусмысленно указывало на зависимое и несамостоятельное положение князя Воротынского в отношении московского государя. Представляется, что употребление данного термина в отношении самого себя князем Михаилом Ивановичем маловероятно: Воротынские на протяжении XV в. время от времени занимали в управленческой системе Великого княжества Литовского слишком значимое положение, чтобы упускать из понимания подобные детали и «случайно» умять родовое достоинство. Хорошо известно, что статусность персоны в системе средневековых отношений и взаимодействий играла чрезвычайно значимую и, зачастую, определяющую роль. Отсюда следует, что сам князь Воротынский не мог быть автором посланий, явно задевающих его фамильную честь. В пользу этого говорит то, что, к примеру, в тексте своего завещания он постоянно использовал термин «наша вотчина/вотчинка», подчёркивая её особый характер: «... *наша вотчинка от прародителей наших* и деда моего и отца моего и моя ... *изначальная [наш]а ж вотчина отца и деда нашего и наша ... вотчину нашу старинную*» [1, с. 73, 75]. Даже несмотря на то, что это владение уже успело отойти к государю и вернуться обратно, претерпев очевидные изменения юридического плана.

В послании польского короля и литовского гетмана указывалось, что род Воротынских «годен быти ровное с предками государей... великих князей Московских», «род великий будучи надо всеми роды московскими» [18, с. 258, 266]. Обозначив М. И. Воротынского *назначенным управителем* Иоанн Васильевич давал понять потенциальным получателям послания принципиальную разницу между реальным правителем и, пусть и родовитым, но подчинённым и явно признающим свою концептуальную подчинённость князем.

Заключение

Рассмотрение в совокупности вышеперечисленных фактов и процессов позволяет полагать, что они, по всей видимости, являются составными частями единой и длительной интриги в отношении князя М. И. Воротынского, спланировать, организовать и осуществить которую, мог сам царь российский Иоанн, решавший одновременно несколько важных внутри- и внешнеполитических проблем. Представляется возможным, что указание московского государя князю Михаилу по восстановлению, а реально новой постройке Новосильского града (и ряда иных укреплений) и последующее внешнеполитическое эпистолярное оформление связанного с ним статуса, наряду с прочим, имело своими целями по меньшей мере три значимых аспекта. Аспект первый – постройка важного укрепления на южной границе под присмотром компетентного в данном вопросе человека, мотивированного стремлением заслужить прощение и поддержать фамильную честь.

Аспект второй – недопущение реального восстановления независимого финансового статуса М. И. Воротынского как главы клана и, как следствие, понижение общественно-политического влияния этой немосковской ветви Рюриковичей.

Третий аспект – наглядная демонстрация западным соседям принципиальной разницы между статусом московского государя и положением, хоть и знатного, но явно зависимого и осознающего свою зависимость подданного (пусть и происходящего из титулованных Рюриковичей). Судя по всему, все цели, поставленные государем, были успешно дос-

тигнуты. А жизненный путь Михаила Ивановича Воротынского завершился, как известно, не так успешно, как мог бы. Другое дело, что и в последние годы своей жизни он успел свершить множество славных и достойных дел во славу Отечества.

Список источников и литературы

1. Акты служилых землевладельцев XV - начала XVII века. Т. III / Сост. А. В. Антонов. М.: «Древлехранилище», 2002. 680 с.
2. Баранов, К. В. (2004). *Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года* // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. С. 119-154.
3. Беликов, В. Ю., Кольчева, Е. И. (1992). *Документы о землевладении князей Воротынских* // Архив русской истории. Вып. 2. [Науч. журнал]. М.: Археографический центр. С. 93-121.
4. Белов, Н. В. (2022). *Князь Михаил Иванович Воротынский: новые находки и перспективы исследования* // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Вологда – Кириллов, 10–12 сентября 2021 г.). Вып. 2. Вологда: ВоГУ. С. 146-152.
5. Володихин, Д. М. (2009). *Воеводы Ивана Грозного*. М.: Вече. 320 с.
6. Володихин, Д. М. (2012). *Иван Грозный: Бич Божий*. М.: Вече. 340 с.
7. Гессен, Д., Стыпула, Р. (2001). *Большой польско-русский словарь*. Warszawa: Wiedza Powszechna. 656 с.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. (1950). М.- Л.: Изд-во АН СССР. 594 с.
9. Любавский, М. (1892). *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута*. М.: Университетская типография. 1006 с.
10. Майоров, А. А. (2013). *История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVIII века*. Издание второе. Орёл: Картуш, 2013. 376 с.
11. Майоров, А. А. (2021). *Влияние ордынского статуса князя Федора Ростиславовича на переход брянского стола к смоленским Рюриковичам* // *Studia internationalia*: Материалы IX международной научной конференции, Брянск, 01–02 июля 2021 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. С. 22-29.
12. Майоров, А. А. (2021). *Ордынский статус как значимый фактор политической конкуренции между русскими князьями* // Вестник Брянского государственного университета. № 4(50). С. 73-79.
13. Майоров, А. А. (2023). «ДЕРЖАВЕЦ», «ДЗЯРЖАЎЦА», «DZIERŻAWCA» - особенности трактовки терминов-омонимов в историческом исследовании // ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. № 3 (27). С. 6-10.
14. Морозова, Л. Е. (2021). *Тайна смерти князя М. И. Воротынского* // Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества / ред.-сост. К. А. Пахалюк. М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество». С. 31-41.
15. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип-я И. Н. Скороходова, 1897. 258 с.
16. ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип-я И. Н. Скороходова, 1904. 238 с.
17. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник (2000). М.: Языки славянской культуры. 432 с.

18. Послания Ивана Грозного (1951). Подготовка текста Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М. - Л.: Издательство Академии наук СССР. 715 с.

19. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35 (1882) Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. (с 1487 по 1533 год). Под ред. Г. О. Карпова. СПб. 954 с.

20. Скрынников, Р. Г. (2008). *Василий III. Иван Грозный*. М.: АСТ МОСКВА. 639 с.

21. Флоря, Б. Н. (2009). *Иван Грозный*. 4-е изд. М.: Молодая гвардия. 441 с.

22. Вялікае Княства Літоўскае. Энциклапедыя у 3 т. (2005). Мн.: БелЭн. Т. 1: Абаленскі - Кадэнцыя. 684 с.

24. SŁOWNIK STAROPOLSKI (Dworowy - Dziewica). (1957). Т. II. № 4 (10). Warszawa – Kraków: Polska Akademia Nauk. 84 с.

References

1. *Akty sluzhilyh zemlevladel'cev XV – nachala XVII veka*. [Acts of service landowners of the XV - beginning of the XVII century] Т. III. Sost. A. V. Antonov. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2002. (in Russian).

2. Baranov, K. V. (2004). *Zapisnaya kniga Polockogo pohoda 1562/63 goda* [Notebook of the Polotsk campaign of 1562/63] in *Russkij diplomatarij*. 10. Moscow, 119-154. (in Russian).

3. Belikov, V. Yu., Kolycheva E. I. (1992). *Dokumenty o zemlevladdenii knyazej Vorotynskih* [Documents on the land ownership of the Princes Vorotynsky] in *Arhiv russkoj istorii*. 2. [Nauch. zhurnal]. Moscow, Arheograficheskij centr, 93-121. (in Russian).

4. Belov, N. V. (2022). *Knyaz' Mihail Ivanovich Vorotynskij: novye nahodki i perspektivy issledovaniya*. Vorotynskie chteniya. Srednevekovaya Rossiya: voennyj i duhovnyj podvig predkov: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Prince Mikhail Ivanovich Vorotynsky: new findings and research prospects. In *Vorotyn readings. Medieval Russia: the military and spiritual feat of the ancestors: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*] (Vologda – Kirillov, 10–12 sentyabrya 2021 g.). 2. Vologda, VoGU Publ., 146-152. (in Russian).

5. Volodihin, D. M. (2009). *Voevody Ivana Groznogo* [The Commanders of Ivan the Terrible]. Moscow, Veche. (in Russian).

6. Volodihin, D. M. (2012). *Ivan Groznyj: Bich Bozhij* [Ivan the Terrible: The Scourge of God]. Moscow, Veche. (in Russian).

7. Gessen, D., Stypula, R. (2001). *Bol'shoj pol'sko-russkij slovar'* [A large Polish-Russian dictionary]. Warszawa, Wiedza Powszechna. (in Russian).

8. *Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV-XVI vv.* (1950). [Testamentary documents and contractual letters of the great and appanage princes of the XIV-XVI centuries]. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ. (in Russian).

9. Lyubavskij, M. (1892). *Oblastnoe delenie i mestnoe upravlenie Litovsko-Russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo Litovskogo statuta* [Regional division and local government of the Lithuanian-Russian state by the time of the publication of the first Lithuanian Statute]. Moscow, Universitetskaya Publ. (in Russian).

10. Mayorov, A. A. (2013). *Istoriya orlovskaya. Slavyanskaya istoriya s drevnih vremen do konca XVII veka*. [History of Oryol lands. Slavic history from old times to the end of the 17th century.]. 2nd ed. Oryol, Kartush Publ. (in Russian).

11. Mayorov, A. A. (2021). *Vliyanie ordynskogo statusa knyazya Fedora Rostislavovicha na perekhod bryanskogo stola k smolenskim Ryurikovicham* [The influence of the Horde status of Prince Fyodor Rostislavovich on the transition of the Bryansk table to the Smolensk Rurikovich]

in *Studia internationalia: Materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Bryansk, 01–02 iyulya 2021 goda*. Bryansk, Bryanskij gosudarstvennyj universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo Publ., 22-29. (in Russian).

12. Mayorov, A. A. (2021). *Ordynskij status kak znachimyj faktor politicheskoy konkurencii mezhdu russkimi knyaz'yami* [Horde status as a significant factor of political competition between Russian princes] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 50, 73-79. (in Russian).

13. Mayorov, A. A. (2023). «DERZHAVEC», «DZYARZHAŦCA», «DZIERŦAWCA» - osobennosti traktovki terminov-omonimov v istoricheskom issledovanii ["DERZHAVETS", "DZYARZHAYTSA", "DZIERŦAWCA" - peculiarities of interpretation of homonymous terms in historical research] in *ISTORIYA. OBSHCHESTVO. POLITIKA*. 3 (27), 6-10. (in Russian).

14. Morozova, L. E. (2021). *Tajna smerti knyazyia M. I. Vorotynskogo* [The mystery of the death of Prince M. I. Vorotynsky] in *Georgievskie chteniya. Sbornik trudov po voennoj istorii Otechestva*. Moscow, Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo Publ., 31-41. (in Russian).

15. *Polnoe Sobraniye Russkih Letopisey* (PSRL) (1897). [Complete collection of Russian chronicles]. 11. VIII. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. Sankt-Petersburg, Skorohodov Publ. (in Russian).

16. *PSRL*. 13. Vtoraya polovina. I. Dopolneniya k Nikonovskoj letopisi [The second half. I. Additions to the Nikon Chronicle. II]. Sankt-Petersburg, Skorohodov Publ. (in Russian).

17. *PSRL*. XV. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik (2000). [Rogozhsky chronicler. Tver collection]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury. (in Russian).

18. *Poslaniya Ivana Groznogo* (1951). [The Epistles of Ivan the Terrible]. Podgotovka teksta D. S. Lihachev i Ya. S. Lur'e. Perevod i kommentarii Ya. S. Lur'e. Moscow-Leningrad, Akademiy nauk SSSR Publ. (in Russian).

19. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*. 35. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim (1882) [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol.35. Monuments of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian one] (1487 - 1533). Ed. by G. O. Karpov. Sankt-Petersburg. (in Russian).

20. Skrynnikov, R. G. (2008). *Vasilij III. Ivan Groznyj* [Vasily III. Ivan the Terrible]. Moscow, AST Publ.. (in Russian).

21. Florya, B. N. (2009). *Ivan Groznyj*. 4-e izd. [Ivan the Terrible. 4th ed.] Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (in Russian).

22. *Vyalikae Knyastva LitoŦskae*. Encyklopedyya u 3 t. (2005). [Grand Duchy of Lithuania. Encyclopedia] Minsk, BelEn, 1, Abalenski - Kadencyya. (in Belorussian).

23. *SŁOWNIK STAROPOLSKI* (Dworowy - Dziewica). (1957). II, 4 (10). Warszawa – Kraków, Polska Akademia Nauk. (in Polish).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-56-70>
УДК 94 (470)

«СПОР О ДЕФИНИЦИЯХ»: ПОХОД ВЛАДИМИРА МОНОМАХА 1111 Г. ПРОТИВ ПОЛОВЦЕВ В ЛЕТОПИСАНИИ – «РУССКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» ИЛИ АПЕЛЛЯЦИЯ К ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ИСТОРИИ?

Е. Д. Подвальнов

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 26, Елец, 399770, Российская Федерация;*

*Отдел археологии Таманского музейного комплекса - филиала Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Фелицына.
ул. Гимназическая, д. 67, Краснодар, 350000, Российская Федерация.*

Аннотация

Введение. Статья посвящена ряду историографических и терминологических сюжетов, связанных со степным походом русских князей 1111 г. Военная кампания Владимира Мономаха в публицистике, научно-популярных работах и даже в строго академических текстах именуется, зачастую, ни много, ни мало «русским крестовым походом». Вопрос в том, насколько точно это обозначение соответствует исторической действительности и научным представлениям о ней. **Материалы и методы.** Пространное описание похода читается в сообщении Ипатьевской летописи, которую чаще всего привлекают историки при реконструкции похода 1111 г. Основное внимание же уделяется историографической традиции именования изучаемого похода «русским крестовым». **Результаты.** Основной вывод работы заключается в том, что в реальности только на первый взгляд в летописном описании есть черты, подобные Первому крестовому походу 1096-1099 гг. Автор показывает, что на деле по целому ряду причин «крестоносным» поход 1111 г. считать нельзя. Из виду теряется тот факт, что у летописных описаний гораздо больше черт, схожих с войнами, известными по Ветхому Завету, чем с Первым крестовым походом 1096-1099 гг. **Заключение.** Автор погодной записи Ипатьевской летописи ставил цель через описание кампании показать, как реализуется воля Бога через посылаемых им ангелов. В тексте фиксируется большое количество маркированных и имплицитных библейских сюжетов. И при этом отсутствует характерная Первому крестовому походу семантика, не фиксируются адаптированные крестоносные идеи.

Ключевые слова: Владимир Мономах, половцы, священная война, крестовые походы, Русь, кочевники, Степь

Для цитирования: Подвальнов Е. Д. (2024). «Спор о дефинициях»: поход Владимира Мономаха 1111 г. против половцев в летописании – «Русский крестовый поход» или апелляция к ветхозаветной истории? // История: Факты и символы. № 1 (38). С. 56-70 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-56-70>

Конфликт интересов. Е.Д. Подвальнов является аспирантом учредителя журнала – ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования.

Статья поступила: 10.09.2023

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Подвальнов Е., 2024

«DISCUSSES ABOUT DEFINITIONS»: VLADIMIR MONOMAKH'S CAMPAIGN OF 1111 AGAINST THE CUMANS IN THE CHRONICLE – «RUSSIAN CRUSADE» OR AN APPEAL TO THE OLD TESTAMENT HISTORY?

Evgeny Podvalnov

Bunin Yelets State University,

st. Kommunarov, 28, Yelets, 399770, Russia,

Department of Archeology of the Taman Museum Complex - Branch Felitsyn Krasnodar State

Historical and Archaeological Museum-Reserve,

st. Gimnazicheskaya, 67, Krasnodar, 350000, Russia

Abstract

Introduction. The article is devoted to a number of historiographical and terminological plots related to the steppe campaign of the Russian princes in 1111. Vladimir Monomakh's military campaign in journalism, popular science works and even in strictly academic texts is often referred to as nothing less than the «Russian Crusade». The question is how exactly this designation corresponds to historical reality and scientific ideas about it. **Materials and methods.** A lengthy description of the campaign is read in the message of the Ipatiev Chronicle, which is most often attracted by historians during the reconstruction of the 1111 campaign. The main attention is paid to the historiographical tradition of naming the campaign under study as the «Russian Crusade». **Results.** The main conclusion of the work is that in reality, only at first glance, there are features similar to the First Crusade of 1096-1099 in the description of the Ipatiev Chronicle. The author shows that in fact, for a number of reasons, the «crusading» campaign of 1111 cannot be considered. The fact is lost sight of that the chronicle descriptions have much more features similar to the wars known from the Old Testament than with the First Crusade of 1096-1099. **Conclusion.** The author of the weather record of the Ipatiev Chronicle set a goal through the description of the campaign to show how the will of God is realized through the angels sent by him. A large number of marked and implicit Bible plots are recorded in the text. And at the same time, there is no semantics characteristic of the First Crusade, adapted crusader ideas are not recorded.

Keywords: Vladimir Monomakh, Cumans, Holy War, Crusades, Rus', nomads, Steppe

For citation: Podvalnov E. (2024) «Dispute about definitions»: Vladimir Monomakh's campaign of 1111 against the Cumans in the chronicle – «Russian crusade» or an appeal to the old testament history? // History: Facts and symbols. 37. No. 4, pp. 56-70, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-56-70>

Conflict of interest. E. Podvalnov is a graduate student of the founder of the journal – Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal.

Received: 10.09.2023

Revised: 08.02.2024

Published: 19.03.2024

© Podvalnov E., 2024

1. Введение

На современном этапе развития исторической науки весьма актуальны исследования в рамках такого направления как Memory Studies. Работы в контексте такого подхода рассматривают эпизоды прошлого, ставшие объектами мемориализации и коммемориализации, как носителей исторической памяти и самосознания. Это относится и к военным событиям, примерами чего могут послужить образные сопоставления и аналогии таких сражений как Куликовская битва, сравниваемая с Католаунским побоищем 451 г. и сражением при Пуатье 732 г. [47, стб. 980], или битва при Молодях, называемая «неизвестным Бородином» [52]. Особо заметным в этом отношении является поход русских князей (Владимира Мономаха, Святополка Изяславича и др.) в степь 1111 г., поскольку он, зачастую, именуется «русским крестовым походом». Но вот соответствуют ли это обозначение действительности и научным представлениям о ней или же порождает искаженное восприятие русско-половецкого конфликта?

2. Материалы и методы

Отправной точкой для исследуемого сюжета является мнение В. О. Ключевского: «В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления» [23, с. 284-285]. Предполагаем, что слова историка могли быть превратно поняты потомками. Дело в том, что в дальнейшем мысль В. О. Ключевского ряд ученых довел до ни много, ни мало идеи «русских крестовых походов». Тут стоит оговориться, что эти военные кампании в историографии традиционно связываются с Владимиром Мономахом и его деятельностью. Однако, справедливости ради, согласны с тем, что «слава этих предприятий приписана позднее Владимиру Мономаху, хотя едва ли заслужена им одним» [18, с. 9].

Судя по всему, впервые подобный *modus operandi* с «русским крестовым походом» фиксируется даже не у отечественного историка, а у британского специалиста Бернарда Пэрса в его «Истории России»: «В 1111 году Мономах инициировал третий великий крестовый поход, который везде был победоносным»¹ [57, р. 63]. Позднее схожие сентенции читаются в текстах авторов, далеких от древнерусской истории. К примеру, в американском аналитическом очерке «Сила международного коммунистического движения» эпохи т.н. «маккартизма» в главе «Историческая экспансия России» все антиполовецкие кампании русских князей 1101-1111 гг. названы «победоносными крестовыми походами»² [58, р. 11]. Но наиболее четко и полно шаблон отражен у Марвина Кэлба: «Вдохновленный, возможно, организованным Ватиканом «первым крестовым походом», <...> Владимир Мономах больше всего на свете был полон решимости объединить всех киевских князей и бояр в своем собственном крестовом походе против язычников»³ [55, р. 35]. Таких «крестовых походов» у Владимира Мономаха, если следовать рассуждениям автора, целых три (1101, 1103, 1111 гг.) [63, р. 35]. И это уже в три раза больше, чем было крестовых походов на Западе к моменту 1111 г.

¹ Оригинал: «In 1111 Monomakh prompted a third great crusade which was everywhere victorious». В переводе на русский язык это может пониматься так, что поход русских князей 1111 г. – это Третий крестовый поход (хотя даже Второй крестовый поход начался позже 1111 г.). Однако подразумевается в данном случае, что походы 1101 и 1103 гг. тоже «русские» и тоже «крестовые», и также связаны с деятельностью Владимира Мономаха.

² Оригинал: «Vladimir Monomakh (in the period 1101-1111) united all princes in victorious crusades against the heathen Cumans or Polovtsy».

³ Оригинал: «Inspired perhaps by the Vatican-sponsored «first crusade», <...> Vladimir Monomakh was determined, more than anything, to unite all Kievan princes and boyars in his own crusade against the heathens».

В России «крестоносный» ярлык давно вышел за рамки публицистики или научно-популярных работ¹ [1, с. 31-32], но и занял свое прочное место в текстах историков² [4, с. 88; 14, с. 100-102; 19, с. 40-41; 24, с. 343-344; 25, с. 177; 26, с. 39; 31, с. 277; 43, с. 357, 486; 44, с. 280-281; 45, с. 50-51; 49, с. 3-7; 50, с. 79; 56, с. 5; 59, с. 113-114]. Более того, формулировка «русский крестовый поход» была поднята «на щит» и русскими националистами сер. 2010-х гг.³, что придает этому выражению еще и некоторую политическую глубину. Любопытно в этом свете, что исследуемая формулировка есть также и в учебной литературе [3, с. 14; 5, с. 20; 17, с. 59; 53, с. 13]. В конечном итоге, в медийном, учебном и научном пространстве был выработан особый семантический ключ к пониманию русско-половецких конфликтов нач. XII в.

3. Результаты

Если авторами предполагается, что Владимир Мономах вдохновлялся Первым крестовым походом «латинян», то непонятно на основании чего: каких источников, каких связей и т.п. делается такой вывод. Если же «крестоносная» топика выводится из близкой к Первому крестовому походу хронологии, то почему не оговаривается, что ее используют в таком смысле? Впрочем, даже так создается превратное и искаженное восприятие событий. И что хуже – совершается логическая ошибка «post hoc ergo propter hoc», более известная, как «"после" – не значит "вследствие"». Если поход 1111 г. древнерусских князей был после Первого крестового похода, то нельзя считать без источников и их анализа, что в описание антиполовецкой кампании перенесены и воспроизведены именно «крестоносные» идеи.

Отдельным вариантом следует выделить предположение, что в текстах историков эта формулировка появляется в виду отсутствия в русской истории своего крестоносного движения. Навешивание соответствующего ярлыка на антиполовецкие кампании рубежа XI-XII вв. и конкретно на поход 1111 г. формально приобщает Русь к западноевропейским крестовым походам. При этом стоит отметить, что сам образ «крестоносности» в силу своей идейной привлекательности не единожды использовался и культивировался в России. К примеру, подобные аналогии проводились в позднеимперское время, однако употребление формулы тогда было в литературном виде – как символ священной и непримиримой борьбы [11, с. 54; 15, с. 65].

К сожалению, сложившаяся традиция привела к тому, что выдуманный конструкт заменил собой важный вопрос о восприятии событий 1111 г. русским летописцем. Между тем, описанию военной кампании автор Ипатьевской летописи придал облик войн Народа Израилева из книг Ветхого Завета [33, стб. 264-273].

---

¹ Карательный поход в степь 1111 г. // Русский исполин [Электронный ресурс] URL: <https://russiagiant.ru/2023/01/15/karatelnyj-pohod-v-step-1111-g/> (дата обращения: 12.04.2023).; Ксенофонтова, А. «Добрый страдалец за Русскую землю»: почему имя Владимира Мономаха стало символом великокняжеской власти // RT на русском [Электронный ресурс] URL: <https://russian.rt.com/science/article/509454-vladimir-monomah> (дата обращения: 12.04.2023).; Русский крестовый поход // LiveJournal [Электронный ресурс] URL: <https://zeleninsergey.livejournal.com/255123.html> (дата обращения: 12.04.2023).; Русский крестовый поход против половцев // LiveJournal [Электронный ресурс] URL: <https://serg-slavorum.livejournal.com/109382.html> (дата обращения: 12.04.2023).; Святополк Изяславич: Русские крестоносцы в Великой степи 1111 года // Пульс [Электронный ресурс] URL: <https://pulse.mail.ru/article/svyatopolk-izyaslavich-russkie-krestonoscy-v-velikoj-stepi-1111-goda-6640804077398185727-7535350339489475364/> (дата обращения: 12.04.2023).

² Аристов, Р. В. (2004) Воинский идеал в Древней Руси (этико-философский анализ). дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.05. Тульский государственный педагогический университет, Тула. С. 41.; Николаева, Н. Д. (2022) *Русь и Запад в «долгом» XII веке: политика, религия, матримониальные союзы*: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону. С. 146-149.

³ Руцкой, Д. 1111: Русский крестовый поход // Sputnik и Погром [Электронный ресурс] URL: <https://sputnikpogrom.com/russia/31564/year-1111/> (дата обращения: 12.04.2023).

Конечно, при желании можно найти параллели между идеями крестоносцев и ветхозаветными воинскими образами. Поэтому сложилось мнение, что на мировосприятие древнерусских дружин и книжников мог наложить определенный отпечаток лейтмотив крестоносного движения. Так, Ю. Г. Каптен отмечает, что «на Руси идея священной войны появилась примерно в конце XI – первой половине XII века, скорее всего, под некоторым влиянием идей крестоносного движения на Западе» [20, с. 244]. Но на каких конкретных примерах это влияние могло проявиться?

Данного вопроса коснулась ростовская исследовательница Н. Д. Николаева, по мнению которой Русь была вовлечена «в общее дело христиан – Первую крестоносную кампанию»¹. Исходя из этого положения, она выдвинула следующий тезис, что было «сходство риторики крестоносных и русских антиполовецких походов»². Заключается оно в наличии общих «объяснительных схем» для Руси и крестоносцев – в числе мессианской идеи и провиденциализма³. Тем не менее, подобные мысли отмечались в то время не только на Руси и у крестоносцев. Они были в целом распространены на всем пространстве европейской *Rex Christi*. Но едва ли все христианские европейские народы были вовлечены в крестоносное движение от этого. По-видимому, понимая данный нюанс, Н. Д. Николаева сделала уточнение, добавляя еще ряд «разительных сходств» русских кампаний в степь конца XI – нач. XII вв. с Первым крестовым походом. Во-первых, по ее мнению, есть связь, заключающаяся «в постоянном акцентировании религиозной символики: накануне похода князя произносят молитвы Богу и Богородице»⁴. Во-вторых, в походе 1111 г. древнерусское «христолюбивое воинство» целовало крест и, помимо прочего, сопровождалось духовенством⁵. Причем в одном абзаце автор дважды остановился на последнем факте, что придает ему особую важность. В-третьих, Н. Д. Николаева выделила мотив ангелофонии, когда уничтожать половцев помогало небесное воинство⁶. Вообще надо сказать, что тезис о влиянии идей крестоносцев на древнерусских воинов и книжников вводится автором на основе «сходства» и «подобия». Эти лексемы повторяются в тексте по изучаемой теме не единожды – буквально в каждом абзаце⁷.

Впрочем, Н. Д. Николаева отнюдь не единственная, кто приводила подобные аргументы. Другой – уже кубанский – историк Ю. В. Зеленский отмечал: «Этому мероприятию (походу 1111 г. – прим. Е. П.) был придан характер своего рода “крестового похода”. Дружинников сопровождали священники» [14, с. 100]. Следует ли это понимать так, что «крестоносность» похода 1111 г. заключается в сопровождении войска священниками? Получается, что так, ибо иного не сказано. Причем подобный ход мысли встречается не единожды: Б. Н. Флоря и А. А. Турилов также считали, что описание антиполовецкой кампании 1111 г. включает в себя «некоторые черты “крестового похода”», поскольку впереди княжеских ратей шли «священники с пением тропарей и кондаков, во время битвы ангел помогает русскому войску, поражая противника» [50, с. 79]. Любопытно здесь то, что исследователи в том же абзаце определили взгляд летописца на все походы в степь нач. XII в. как необходимые меры по защите Руси от набегов [50, с. 79], что не соотносится со смыслом крестовых походов.

¹ Николаева, Н. Д. (2022) *Русь и Запад в «долгом» XII веке: политика, религия, матримониальные союзы*: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону. С. 146.

² Там же.

³ Там же. С. 146-147.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Выделения курсивом авторские: «При этом достойно внимания сходство риторики крестоносных и русских антиполовецких походов» (С. 146); «Подобные мотивы обнаруживаются и в летописных текстах об антиполовецких походах» (С. 147-148); «Разительное сходство антиполовецких кампаний рубежа XI–XII вв. с крестовыми походами» (С. 148).

Также есть примеры, когда исследователи признавали «крестоносный» ярлык самоочевидным. Например, в работе О. Д. Федченко с названием, являющимся очевидным референсом на статью Ю. В. Зеленского: «Новый взгляд на “крестовый поход” Мономаха на половцев в 1111 году», вообще нет никакой рефлексии по поводу употребляемого термина [49, с. 3-7].

Донецкий исследователь А. Е. Мамонтов в статье по древнерусским военным кампаниям в степь рубежа XI-XII вв. дал следующую характеристику тем предприятиям: «Иногда выступлениям против половцев придавались элементы крестового похода – впереди войска ехали попы с крестами и пели песнопения» [30, с. 48]. Впрочем, несмотря на то, что автор не называет антиполовецкие походы «русскими крестовыми», он признает, что сопровождение войск духовенством и церковные песнопения – черты, изначально присущие именно крестовым походам. В отличие от А. Е. Мамонтова историк военного дела П. А. Васин считал, что идеология крестоносцев была общей для всей христианской Европы [4, с. 88]. Она составляла основу «боевого духа объединенных вооруженных сил европейских армий (включая Русь)» [4, с. 88]. По его мнению, на местную русскую почву идеи «латинян» перенес непосредственно Владимир Мономах, оценив степень их влияния и значимости [4, с. 88].

Итак, единственной проговоренной исследователями подноготной основой для использования «крестоносной» топики являются упоминания молитв и песнопений, знамений и помощи небесных сил, священников, что сопровождали воинство. Однако молитвы ратников перед боем – черта присущая не только крестоносцам, это естественная практика для христиан. Тоже можно сказать и об участии представителей церкви в военных кампаниях. А упоминание знамений и помощи Бога, Богородицы и небесного воинства – разве не визитная карточка европейских христианских нарративов Высокого и Позднего средневековья? Но раз именно эти летописные упоминания служат в качестве аргументации, то разберем их источники и семантику.

Обратимся для начала к тексту Ипатьевской летописи (далее – ИЛ), в котором отметим в первую очередь чисто источниковедческий момент, связанный с упоминанием священников в походе. Фраза в тексте, оправдывающая по Ю. В. Зеленскому и Н. Д. Николаевой употребление «крестоносной» топики, следующая: «И князь Володимеръ пристави **полкы** (авторское выделение – Е. П.) своя, ѣдучи предъ полкомъ пѣти тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ святои Богородици» [33, стб. 266]. В примечаниях к тексту отмечено, что буква «ы» переделана из «и». Однако это ничего не меняет, ибо в любом случае сказано про полк – слово, обозначающее определенную военную единицу (гораздо реже употреблялось в иных значениях) [46, стб. 1747-1749], что по смыслу также подходит тексту. Считается, что в процессе работы переписчиком одного из протографов была допущена ошибка, читаемая в двух списках Ипатьевской летописи – Хлебниковском и Академическом (Ипатьевском) [12, с. 416, прим. 217]. В изначальном сообщении, безусловно, идет речь о попах, что читается в Воскресенской летописи [34, с. 22], на основе которой свою реконструкцию этого отрывка в «Повести временных лет» провел А. А. Шахматов [51, с. 338, прим.]. Но упоминая священников в походе, исследователи ссылаются не на реконструкцию и не на Воскресенскую летопись¹, а на Ипатьевский список, в котором упоминания духовенства нет. И это не было б упущением, если б этот момент как-то оговаривался.

Причем книжниками в большинстве летописных списков эпизод с попами был опущен, что с учетом вышесказанного дает право усомниться в важности этого факта на Руси для современников и потомков. В сокращенном варианте Новгородской четвертой летописи, Софийской первой летописи старшего извода, Никоновской летописи, Вологодско-

¹ Николаева, Н. Д. (2022) *Русь и Запад в «долгом» XII веке: политика, религия, матримониальные союзы*: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону. С. 148, прим. 498.

Пермской летописи про участие священников ничего не сказано [35, с. 141-142; 36, стб. 218-219; 37, с. 142-143; 38, с. 47]. В версиях Новгородской первой летописи в двух изводах, Ермолинской и Холмогорской летописей вообще вся степная эпопея 1111 г. уместилась в несколько предложений [39, с. 29; 40, с. 40; 41, с. 20, 203].

С другой стороны – следует задаться вопросом: является ли сопровождение войска духовенством маркером «крестоносности»? Согласно каноническим правилам, актуальным для того времени (81 и 83 апостольские правила, 7 правило IV Вселенского – Халкидонского – собора, 12 правило I Вселенского – Никейского – собора), священникам не было воспрещено ходить в походы, наказанию подлежало ношение оружия и непосредственное участие в боях [10, с. 79, 80, 89, 115]. Причем сам факт письменного регулирования этого аспекта говорит о его востребованности у представителей церкви на Руси и в Византии. У крестоносцев же, как в целом у «латинян», священники зачастую принимали участие в военных кампаниях непосредственно в качестве комбатантов, несмотря на канонические запреты (перед Первым крестовым походом было не менее 10 соборов, осуждавших священников-воинов). На Руси и в Византии эта практика, которую не могла обуздать римская курия, активно осуждалась [2, с. 282; 7, с. 714; 27, с. 223-224; 42, с. 22, 88, 89; 54, pp. 61, 70-71].

В самой же Византии священники активно участвовали в роли сопровождения в военных кампаниях задолго до крестовых походов, нередко по воле светских властителей [28, с. 211-212; 32, с. 38-39; 48, с. 97]. Вероятно, именно это обстоятельство оказало влияние на решение Владимира Мономаха, который подобно греческим императорам, «пристави» к военной рати попов – притом своих.

С другой стороны, сам факт того, что в Ипатьевой летописи упоминается участие клириков, заслуживает внимания. А. С. Кашкин определил то, что наличие духовенства в войске является одним из обязательных условий для священной войны в ветхозаветных книгах [22, с. 172-175]. Притом, что и ряд других условий, выделенных А. С. Кашкиным, в летописном тексте о походе 1111 г. фиксируется. Выделим их все: во-первых, это война против принципиального врага богоизбранного народа (половцы в древнерусских нарративах именуется измаильтянами); во-вторых, наличие в войске священников, о чем приходилось говорить выше; в-третьих, нравственная и ритуальная чистота воинов (русские воины в походе совершали молебны, целовали крест и т.д.); в-четвертых, непосредственная поддержка ратников Господом и другими небесными силами (в тексте этому уделено значительное внимание); в-пятых, истребление противника и его имущества. Определенные вопросы есть только к последнему пункту. Летопись включает в себя сентенции об истреблении половцев, но они не имеют тотального и всеобъемлющего характера. С другой стороны – завершая описание кампании русских князей, автор Ипатьевской летописи проводит сравнения и параллели именно с ветхозаветными войнами, в т.ч. Иисуса Навина [33, стб. 269-273]. Подобное уподобление не является случайным: для летописца все эти военные кампании имели особый священный смысл.

Показательно, что в Ипатьевской летописи описание похода практически на треть состоит из разного рода ветхозаветных аллюзий. Это характерная черта для средневековых русских нарративов: к примеру, по подсчетам Д. Б. Роуланд ок. 7% текста «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» – паттерны из «Книги всех книг» [60, pp. 601-602]. Автор Ипатьевской летописи использовал более десятка источников – в основе библейских [9, с. 63]. В целом успешная и весьма смелая «дешифровка» летописного сказания о походе 1111 г. была предпринята В. Н. Дедовым, который определил и выделил большую часть библейских и иных аллюзий [9, с. 62-97].

Кроме того, в тексте несколько раз метафорично упоминаются молитвы русских князей («призываху Бога вышняго», «въздаша хвалу Богу», «прославиша Бога» [33, стб. 267, 268]). Стоит учитывать, что в древнерусских произведениях, где эти молитвы представлены

пространно, они «напоминают молитвы ветхозаветные»¹. Да и в целом нельзя не согласиться с тем, что в средневековый период «молитва... может рассматриваться как жанр военной речи» [13, с. 56]. Богослужебные же песнопения, приводимые исследователями в качестве «крестоносного» маркера, были от тех священников, что приставил Владимир Мономах [33, стб. 266]. К тому же упоминание как самих представителей церкви, так и того факта, что они совершали песнопения в период военной кампании, наталкивает на мысль о буквальном и физическом воспроизведении одного ритуала из Ветхого Завета. В частности, описанного сюжета во Второзаконии: «Когда ты выйдешь на войну против врага твоего и увидишь коней и колесницы, и народа более, нежели у тебя, то не бойся их, ибо с тобою Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской. Когда же приступаете к сражению, тогда пусть подойдет священник, и говорит народу, и скажет ему: «слушай, Израиль! вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их, ибо Господь, Бог ваш, идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими и спасти вас» (Втор 20: 1-4).

Выходит, что ни участие священников, ни их богослужения не являются специфическими «крестоносными» чертами, воспроизведенными на местной русской почве. Напротив, эти детали корнями уходят в библейские тексты. Тоже касается и включения в повествование упоминаний о заступничестве небесных сил. К примеру, В. Н. Дедов считал, что этот сюжет имеет в основе также библейские источники [9, с. 62-63]. Того же мнения и Д. А. Ляпин [29, с. 104-121]. В свою очередь А. Ю. Карпов отметил, что в летописи помимо прочего четко прослеживаются эсхатологические мотивы: «В конце XI – начале XII века на Руси все сильнее ощущалось приближение конца света, наступление «последних времен», предшествующих Страшному суду. <...> Страшное имя измаилтян... прилагалось на Руси к половцам и другим родственным им кочевым народам южнорусских степей. <...> Победа, одержанная под водительством Владимира Мономаха в этой борьбе, казалось, отодвигала грядущее светопреставление, давала шанс на продолжение самой истории, на спасение всего “христианского мира”» [21, с. 34]. Аналогичный тезис относительно победы над половцами в 1111 г. отмечается у Мари Исоахо: «Согласно “Откровению”, великий мир должен наступить после победы над измаильтянами, и в этой связи совсем не удивительно, что тон летописи становится радостным и приподнятым. В ПВЛ (Повести временных лет – прим. Е. П.) обширное размышление о роли ангелов в победах русских достигает апогея, когда русские возвращаются домой с победой и большой славой» [16, с. 13]. Однако она же замечает, что «исследователи преуменьшают роль Киевской Руси в крестовых походах» [16, с. 14]. По ее мнению, если «Киев – новый Иерусалим», как считали древнерусские неопиты, то и «естественным образом защита Киева (от половцев – прим. Е. П.) объединяла русских со сражавшимися за Иерусалим крестоносцами» [16, с. 14]. Вся цепочка авторских рассуждений заканчивается очень смелым заявлением, что «во время составления ПВЛ Киев находился под влиянием западных идей крестовых походов» [16, с. 14].

В действительности же размышления летописца служили цели разъяснить, как воля Господа реализуется через покровительство разных народам ангелов [9, с. 63]. Более того, такая акцентуация на этом вопросе позволяет согласиться с тем, что для летописца «история о победоносном походе в степь способствовала раскрытию идеи о том, что все происходящее свершается волей Бога и его посланников – ангелов» [29, с. 114]. И впечатляет объем данных размышлений – более 7 тысяч знаков [9, с. 62], составляя едва ли не большую часть всего сказания о походе 1111 г., идею о котором вложил в сердце Владимира Мономаха огненный ангел, явившийся Киево-Печерской обители накануне [29, с. 114]. Более того, о смысле своих слов сам летописец написал прямо и недвусмысленно, предваряя

¹ Аристов, Р. В. (2004) Воинский идеал в Древней Руси (этико-философский анализ). дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.05. Тульский государственный педагогический университет, Тула. С. 32.

описание кампании: «Ко всимъ тваремъ ангели приставлени, тако же ангель приставленъ къ которой оубо земли да соблюдаютъ куюжът землю, аще суть и погани. Аще Божни гнѣвъ будетъ на кую оубо землю повелѣвае ангелу, тому на кую оубо землю бранью ти то онои землѣ ангель не воспротивится повелѣнью Божью. Яко и се бяше и на ны навель Богъ грѣхъ ради нашихъ иноплеменники поганяя и побѣжахуть ны повелѣнемъ Божьимъ они бо бяху водими ангеломъ по повелѣнью Божью» [33, стб. 262-263].

Собственно, этим же летописец и объясняет причины поражения русских князей от половцев в прошлом и причины будущих побед над ними: «Тако и се погани попущении грѣхъ ради нашихъ. Се же вѣдомо буди яко въ хрестьянехъ единъ ангель, но велико крестися паче же къ благовѣрнымъ княземъ нашимъ, но противу Божью повеленю не могутъ противися, но молятъ Бога прилѣжно за хрестьянские люди. Якоже и бысть молитвами святые Богородица и святыхъ ангеловъ оумилосердися Богъ и посла ангелы в помощь Русскимъ княземъ на поганые. Якоже рече к Моисѣве: “Се ангель мой прѣдыпойдетъ предъ лицомъ твоимъ”» [33, стб. 264]. Как видим эти объемные и важные рассуждения летописца никак не соотносятся с тематикой крестовых походов.

Впрочем, «русский крестовый поход» – это еще не самое дискуссионное обозначение кампании 1111 г. против половцев. А. Б. Головкин, соглашаясь, что летописное описание о борьбе с половцами в это время – «фактически идеи крестовых походов», в противовес сравнений с ближневосточными крестовыми походами предложил обозначить все русско-половецкое противостояние русским аналогом испанской Реконкисты [6, с. 317]. Однако кардинальные различия этих явлений слишком очевидны и потому такое сопоставление кажется странным.

4. Заключение

Таким образом, рассмотрение похода русских князей на половцев в 1111 г. в контексте «крестоносной темы» представляется большой натяжкой. Ветхозаветных отсылок и привлеченных сюжетов достаточно для того, чтоб утвердить факт осмысления летописцем этого события через библейские образы. Это вполне традиционный прием. Притом по настоящему специфические черты в описании, присущие крестоносному движению, или явные копирования семантики крестоносцев (пришивание крестов, призывы к войне именно на религиозной почве и т.д.) попросту отсутствуют. Вести речь о «русских (православных) крестовых походах» не представляется возможным без обесценивания изначального феномена и термина. Но подобный вывод не умаляет значимости антиполовецкой кампании и, пожалуй, что невозможно тут лучше сказать, чем это сделал М. С. Грушевский без привлечения «крестоносных» штампов: «Поход 1111 года был блистательным заключением общей борьбы с половцами, которая наполняла это последнее десятилетие. Никогда, быть может, политика южнорусских князей не согласовывалась в такой степени с желанием и симпатиями общества <...> борьба с половцами... получала религиозное освящение» [8, с. 117].

Список источников и литературы

1. Анисимов, Е. (2013). *Хронология российской истории. Россия и мир*. СПб.: Питер. 464 с.
2. Анна Комнина Алексиада. Серия: византийская библиотека. Источники. СПб.: Алетейя, 1996. 747 с.
3. Апиратинская, М. В. (2012). *Подготовка к ЕГЭ по истории. Образцы выполнения задания С6*. Учебное пособие. Томск: Униздат. 62 с.
4. Васин, П. А. (2005). *Поход Мономаха на половцев в 1111 г. // Para Bellum. №1*. С. 83-98.

5. Вепрецкая, Т. Ю. (2006). *История России. Ч. 2 курс «Россия в контексте мировой истории»*. Учебно-методическое пособие. М.: Высшее театральное училище им. М. С. Щепкина. 242 с.
6. Головкин, А. Б. (2006). *Славяне Восточной Европы и крестовые походы (XI – первая половина XIII в.)* // *Rossica Antiqua*. СПб. С. 314-330.
7. Голубинский, Е. Е. (1881). *История русской церкви*. Т. I. Период первый, киевский и домонгольский. Вторая половина тома. М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман. 792 с.
8. Грушевский, М. С. (1891). *История Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия*. К.: Типография Императорского Университета Св. Владимира В. И. Завадского. 538 с.
9. Дедов, В. Н. (2009). *Летописный источник о походе 1111 года древнерусских князей на половцев (опыт исследования сакральных текстов)* // Святогірський альманах. Донецьк. С. 62-97.
10. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича, Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906. 856 с.
11. Ермаченко, И. О. (2014). *Легенда о «белом генерале»: от Турции до Японии (ориентализм и «народная культура» на рубеже XIX и XX вв.)* // Генерал М. Д. Скобелев и его время (к 170-летию со дня рождения). Материалы международной научно-практической конференции «М.Д. Скобелев: история и современность». Рязань, 27-28 сентября 2013 г. – Рязань: Изд-во РИАМЗ. С. 51-62.
12. Живов, В. М. (2017). *История языка русской письменности*. Т. I. М.: Университет Дмитрия Пожарского. 816 с.
13. Зверев, С. З. (2011). *Военная риторика Средневековья*. СПб.: Алетейя. 208 с.
14. Зеленский, Ю. В. (2016). «Крестовый поход» русских князей против половцев 1111 г. // *Современные тенденции развития науки и технологий*. №10-4. С. 100-102.
15. Иванов, А. А. (2011). «Наша стихия сильнее нибелунговой...»: отношение правой группы Государственного совета России к Первой мировой войне и ее зачинщикам // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 64-69.
16. Исоахо, Мари (2016). *Последний царь и «сынове измаилеви»: Апокалипсис в «Повести временных лет»* // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, №4 (66). С. 5-19.
17. *Историческое краеведение: Донецкий край в эпоху средневековья*. 7 класс. Донецк: Истоки, 2017. 106 с.
18. *История русской литературы. Том I: литература XI – начала XIII века*. М.-Л.: АН СССР, 1941. 404 с.
19. Ищенко, А. С. (2014). *Владимир Мономах в русском общественно-политическом сознании: мифологический образ и историческая реальность*. Ростов-на-Дону: Антей. 276 с.
20. Каптен, Г. Ю. (2020). *Проблема сакрализации войны в византийском богословии и историографии*. СПб.: Изд-во РХГА. 263 с.
21. Карпов, А. Ю. (2006). *Великий князь Владимир Мономах*. М.: Русский мир. 464 с.
22. Кашкин, А. С. (2013). *Концепция священной войны в Книге Второзаконие* // *Христианское чтение*. №2. С. 170-189.
23. Ключевский, В. О. (1987). *Курс русской истории*. Ч. 1. М.: Наука. 431 с.
24. Кореневский, А. В., Николаева, Н. Д. (2020). *Польский вектор в политике Владимира Мономаха и его наследников: от Любечского съезда до «перяславского кризиса»* // *Научный диалог*. №10. С. 337-352.
25. Костромин, К. А. (2013). *Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений*. Saarbrücken: LAP LAMBERT. 249 с.

26. Костромин, К., Соколов, Ю. А. (2015). *Кризис средневековых универсумов на стыке романской и готической эпох в знаковой системе средневековья* // Христианское чтение, №5. С. 10-61.
27. Лебедев, А. П. (1902). *Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках (От конца иконоборческих споров, 842 г., до начала крестовых походов – 1096 г.)*. Изд. 2-е доп. М.: Печатня А. И. Снегирева. 388 с.
28. Лев VI Мудрый Тактика Льва. СПб.: Алетейя, 2012. 368 с.
29. Ляпин, Д. А. (2021). *Огненный ангел в Повести временных лет* // Novogardia. №4, С. 104-121.
30. Мамонтов, А. Е. (2020). *Походы русских князей на половцев среднего течения Северского Донца в XI-XII вв. в контексте миссионерской деятельности в дореволюционной, советской и современной историографии* // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. №4. С. 44-53.
31. Мусин, А. Е. (2005). *Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета*. СПб.: «Петербургское Востоковедение». 368 с.
32. Никифор II Фока Стратегика. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
33. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. Издание 2-е. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 938 стб.
34. ПСРЛ. Т. 7. Издание 1-е. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. 358 с.
35. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Издание 2-е. Новгородская четвертая летопись. Пг.: Типография Я. Башмаков и К^о, 1915. 320 с.
36. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Издание 2-е. Софийские летописи. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
37. ПСРЛ. Т. 9. Издание 3-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
38. ПСРЛ. Т. 26. Издание 1-е. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: АН СССР, 1959. 414 с.
39. ПСРЛ. Т. 23. Издание 1-е. Ермолинская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 252 с.
40. ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 249 с.
41. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: АН СССР, 1950. 568 с.
42. Поньрко, Н. В. (1992). *Эпистолярное наследие Древней Руси XI-XIII вв. Исследования, тексты, переводы*. СПб.: Наука. 214 с.
43. Рыбаков, Б. А. (2013). *Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности*. М.: Академический проект. 624 с.
44. Рыбаков, Б. А. (1963). *Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи*. М.: АН СССР. 361 с.
45. Сахаров, А. Н. (2018). *Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века* // История внешней политики России: В 5 т. Т. 1. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Академический проект; Парадигма, 2018. С. 11-103.
46. Срезневский, И. И. (1902). *Словарь древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. II. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 919 с.

47. Соловьев, С. М. (1895). *История России с древнейших времен*. Кн. 1. Т. I-V. Изд. 2-е. СПб.: издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза». 1726 стб.
48. Стратегикон Маврикия. СПб.: Алетейя, 2004. 256 с.
49. Федченко, О. Д. (2021). *Новый взгляд на «крестовый поход» Мономаха на половцев в 1111 году* // Змиевское краеведение. №1. С. 3-7.
50. Флоря, Б. Н., Турилов, А. А. (2009). *Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья* // *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М.: Рукописные памятники Древней Руси. С. 31-80.
51. Шахматов, А. А. (1916). *Повесть временных лет*. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.: Издание Императорской Археографической комиссии. 403 с.
52. Шелехов, Е. А. (2022). *Неизвестное Бородино (Молодинская битва)* // *Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культуры и вызовы современности*. Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета. Т. 10. Донецк. С. 91-93.
53. Школьник, Ю. К. (2012). *Полководцы России*. Полная энциклопедия. М.: Эксмо. 257 с.
54. Darrouzès, J. (1963). *Le mémoire de Constantin Stilbès contre les Latins* // *Revue des études byzantines*. Т. 21. Pp. 50-100.
55. Kalb, M. (2015). *Imperial Gamble: Putin, Ukraine, and the New Cold War*. Washington: Brookings Institution Press. 310 p.
56. Muderevych, V., Kubaj, I. (2015). *Military-political and dynastic princes Russian contacts with the crusaders XII – early XIII centuries* // *Crusader*, 1 (1). Pp. 4-22.
57. Pares, B. (1947). *A History Of Russia*. London: Jonathan Cape. 640 p.
58. Strength of the international communist movement. Special subcommittee on security affairs. Section 1: The historic expansion of Russia. Washington: United States Printing Office, 1954. 77 p.
59. Surguladze, M. (2015). *A Christian coalition: the Georgian king David IV in the struggle against turks (the late 11th and early 12th centuries)* // *Crusader*, №2 (2). Pp. 60-122.
60. Rowland, D. B. (1996). *Moscow – The Third Rome or The New Israel?* // *The Russian Review*. Vol. 55. №4, October. Pp. 591-614.

References

1. Anisimov, E. (2013). *Hronologiya rossijskoj istorii. Rossiya i mir* [Chronology of Russian history. Russia and the world]. St. Petersburg, Piter. (in Russian).
2. Anna Komnina Aleksjada [Anna Komnena Alexiada]. Seriya: vizantijskaya biblioteka. Istochniki. St. Petersburg: Aletejya, 1996. (in Russian).
3. Apiratinskaya, M. V. (2012). *Podgotovka k EGE po istorii. Obrazcy vypolneniya zadaniya S6* [Preparation for the Unified State Exam in history. Samples of task C6]. Uchebnoe posobie. Tomsk: Unizdat. (in Russian).
4. Vasin, P. A. (2005). *Pohod Monomaha na polovcev v 1111 g.* [Monomakh 's campaign against the Polovtsians in 1111] in *Para Bellum*. 1, 83-98. (in Russian).
5. Vepreckaya, T. YU. (2006). *Istoriya Rossii* [Russian history]. CH. 2 kurs «Rossiya v kontekste mirovoj istorii». Uchebno-metodicheskoe posobie. Moscow: Vysshee teatral'noe uchi-lishche im. M. S. SHCHepkina. (in Russian).
6. Golovko, A. B. (2006). *Slavyane Vostochnoj Evropy i krestovye pohody (XI – pervaya polovina XIII v.)* [Slavs of Eastern Europe and the Crusades (XI – the first half of the XIII century)] in *Rossica Antiqua*. St. Petersburg. 314-330. (in Russian).

7. Golubinskij, E. E. (1881). *Istoriya russkoj cerkvi* [History of the Russian Church]. T. I. Period pervyj, kievskij i domongol'skij. Vtoraya polovina toma. Moscow: Tipografiya E. Lissner i YU. Roman. (in Russian).
8. Grushevskij, M. S. (1891). *Istoriya Kievskoj zemli ot smerti YAroslava do konca XIV stoletiya* [The history of the Kievan land from the death of Yaroslav to the end of the XIV century]. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira V. I. Zavadskogo. (in Russian).
9. Dedov, V. N. (2009). *Letopisnyj istochnik o pohode 1111 goda drevnerusskih knyazej na polovcev (opyt issledovaniya sakral'nyh tekstov)* [Chronicle source about the 1111 campaign of the Old Russian princes against the Polovtsians (experience in the study of sacred texts)] in *Svyatogirs'kij al'manah*. Donec'k. 62-97. (in Russian).
10. *Drevneslavyanskaya Kormchaya XIV titulov bez tolkovanij* [The Old Slavic Helmsman of the XIV titles without interpretation]. Trud V. N. Beneshevicha, St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1906. (in Russian).
11. Ermachenko, I. O. (2014). *Legenda o «belom generale»: ot Turcii do YAponii (orientalizm i «narodnaya kul'tura» na rubezhe XIX i XX vv.)* [The legend of the «white general»: from Turkey to Japan (orientalism and «folk culture» at the turn of the XIX and XX centuries)] in *General M. D. Skobelev i ego vremya (k 170-letiyu so dnya rozhdeniya). Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «M.D. Skobelev: istoriya i sovremennost'». Ryazan', 27-28 sentyabrya 2013 g.* Ryazan': Izd-vo RIAMZ. 51-62. (in Russian).
12. ZHivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti* [History of the Russian written language]. T. I. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. (in Russian).
13. Zverev S. Z. (2011). *Voennaya ritorika Srednevekov'ya* [Military rhetoric of the Middle Ages]. St. Petersburg: Aletejya. (in Russian).
14. Zelenskij, YU. V. (2016). «*Krestovyj pohod*» russkih knyazej protiv polovcev 1111 g. [The «Crusade» of the Russian princes against the Polovtsians in 1111] in *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologij*. 10-4, 100-102. (in Russian).
15. Ivanov, A. A. (2011). «*Nasha stihiya sil'nee nibelungovj...*»: otnoshenie pravoj grupy Gosudarstvennogo soveta Rossii k Pervoj mirovoj vojne i ee zachinshchikam [«Our element is stronger than the Nibelung...»: the attitude of the right group of the State Council of Russia to the First World War and its instigators] in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. 2 (8), 64-69. (in Russian).
16. Isoaho, Mari (2016). Poslednij car' i «synove izmailevi»: Apokalipsis v «Povesti vremennyh let» [The Last Tsar and the «Sons of Ishmael»: The Apocalypse in the «Tale of Bygone Years»] in *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 4 (66), 5-19. (in Russian).
17. *Istoricheskoe kraevedenie: Doneckij kraj v epohu srednevekov'ya. 7 klass* [Historical local lore: Donetsk region in the Middle Ages. 7th grade]. Doneck: Istoki, 2017. (in Russian).
18. *Istoriya russkoj literatury. Tom I: literatura XI – nachala XIII veka* [The history of Russian literature. Volume I: Literature of the XI – beginning of the XIII century]. Moscow-Leningrad.: AN SSSR, 1941. (in Russian).
19. Ishchenko, A. S. (2014). *Vladimir Monomah v russkom obshchestvenno-politicheskom soznanii: mifologicheskij obraz i istoricheskaya real'nost'* [Vladimir Monomakh in the Russian Socio-Political Consciousness: Mythological Image and Historical reality]. Rostov-na-Donu: Antej. (in Russian).
20. Kaptan, G. YU. (2020). *Problema sakralizacii vojny v vizantijskom bogoslovii i istoriografii* [The Problem of the Sacralisation of war in Byzantine Theology and Historiography]. St. Petersburg: Izd-vo RHGA. (in Russian).
21. Karpov, A. YU. (2006). *Velikij knyaz' Vladimir Monomah* [Grand Duke Vladimir Monomakh]. Moscow: Russkij mir. (in Russian).

22. Kashkin, A. S. (2013). *Koncepciya svyashchennoj vojny v Knige Vtorozakonie* [The concept of the Holy War in the Book of Deuteronomy] in *Hristianskoe chtenie*. 2, 170-189. (in Russian).
23. Klyuchevskij, V. O. (1987). *Kurs russkoj istorii* [Russian History Course]. Moscow: Nauka. (in Russian).
24. Korenevskij, A. V., Nikolaeva, N. D. (2020). *Pol'skij vektor v politike Vladimira Monomaha i ego naslednikov: ot Lyubechskogo s"ezda do «pereyaslavskogo krizisa»* [The Polish vector in the politics of Vladimir Monomakh and his heirs: from the Lubech Congress to the «Pereyaslav crisis»] in *Nauchnyj dialog*. 10, 337-352. (in Russian).
25. Kostromin, K. A. (2013). *Cerkovnye svyazi Drevnej Rusi s Zapadnoj Evropoj (do serediny XII v.). Stranicy istorii mezhhkonal'nyh otnoshenij* [Ecclesiastical relations of Ancient Russia with Western Europe (until the middle of the XII century). Pages of the history of interfaith relations]. Saarbrücken: LAP LAMBERT. (in Russian).
26. Kostromin, K., Sokolov, YU. A. (2015). *Krizis srednevekovykh universumov na styke romanskoj i goticheskoj epoh v znakovoj sisteme srednevekov'ya* [The Crisis of Medieval Universes at the junction of the Romanesque and Gothic Eras in the Sign system of the Middle Ages] in *Hristianskoe chtenie*, 5, 10-61. (in Russian).
27. Lebedev, A. P. (1902). *Ocherki vnutrennej istorii Vizantijsko-vostochnoj cerkvi v IX, X i XI vekah (Ot konca ikonoborcheskih sporov, 842 g., do nachala krestovyh pohodov – 1096 g.)* [Essays on the internal history of the Byzantine-Eastern Church in the IX, X and XI centuries (From the end of the Iconoclastic disputes, 842, to the beginning of the Crusades – 1096)]. Moscow: Pechatnya A. I. Snegireva. (in Russian).
28. Lev VI Mudryj Taktika L'va [Leo VI the Wise Leo's Tactics]. S. Petersburg.: Aletejya, 2012. (in Russian).
29. Lyapin, D. A. (2021). *Ognennyj angel v Povesti vremennyh let* [The Fiery Angel in the Tale of Bygone Years] in *Novogardia*. 4, 104-121. (in Russian).
30. Mamontov, A. E. (2020). *Pohody russkih knyazej na polovcev srednego techeniya Severskogo Donca v XI-XII vv. v kontekste missionerskoj deyatelnosti v dorevolucionnoj, sovetskoj i sovremennoj istoriografii* [Campaigns of Russian princes against the Polovtsians of the middle reaches of the Seversky Donets in the XI-XII centuries. in the context of missionary activity in pre-revolutionary, Soviet and modern historiography] in *Vestnik DonNU. Ser. B: Gumanitarnye nauki*. 4, 44-53. (in Russian).
31. Musin, A. E. (2005). *Milites Christi Drevnej Rusi. Voinskaya kul'tura russkogo srednevekov'ya v kontekste religioznogo mentaliteta* [Milites Christi of Ancient Russia. Military culture of the Russian Middle Ages in the context of religious mentality]. St. Petersburg: «Peterburgskoe Vostokovedenie». (in Russian).
32. Nikifor II Foka Strategika [Nikephoros II Phokas Strategica]. St. Petersburg: Aletejya, 2005. (in Russian).
33. *Polnoe sobranie russkih letopisej (PSRL)* [The Complete Collection of Russian Chronicles (PSRL)]. Ipat'evskaya letopis'. St. Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova, 1908. (in Russian).
34. *PSRL* [PSRL]. Letopis' po Voskresenskomu spisku. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Praca, 1856. (in Russian).
35. *PSRL* [PSRL]. Novgorodskaya chetvertaya letopis'. Petrograd: Tipografiya YA. Bashmakov i Ko, 1915. (in Russian).
36. *PSRL* [PSRL]. Sofijskie letopisi. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury, 2000. (in Russian).
37. *PSRL* [PSRL]. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury, 2000. (in Russian).
38. *PSRL* [PSRL]. Izdanie 1-e. Vologodsko-Permskaya letopis'. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1959. (in Russian).

39. *PSRL* [PSRL]. Izdanie 1-e. Ermolinskaya letopis'. St. Petersburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova, 1910. (in Russian).
40. *PSRL* [PSRL]. Holmogorskaya letopis'. Dvinskoj letopisec. Leningrad: Nauka, 1977. (in Russian).
41. *PSRL* [PSRL]. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1950. (in Russian).
42. Ponyrko, N. V. (1992). *Epistoljarnoe nasledie Drevnej Rusi XI-XIII vv. Issledovaniya, teksty, perevody* [Epistolary heritage of Ancient Russia of the XI-XIII centuries. Research, texts, translations]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian).
43. Rybakov, B. A. (2013). *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. Proiskhozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti* [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries. The origin of Russia and the formation of its statehood]. Moscow: Akademicheskij proekt. (in Russian).
44. Rybakov, B. A. (1963). *Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi* [Ancient Russia. Legends. Epics. Chronicles]. Moscow: AN SSSR. (in Russian).
45. Saharov, A. N. (2018). *Osnovnye etapy vneshnej politiki Rusi s drevnejshih vremen do XV veka* [The main stages of Russia's foreign policy from ancient times to the XV century] in *Istoriya vneshnej politiki Rossii*. Moscow: Akademicheskij proekt; Paradigma, 11-103. (in Russian).
46. Sreznevskij, I. I. (1902). *Slovar' drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. (in Russian).
47. Solov'ev, S. M. (1895). *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* [Dictionary of the Old Russian language on written monuments]. St. Petersburg: izdanie Vysochajshe utverzhdenogo Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za». (in Russian).
48. Strategikon Mavrikiya [Strategikon of Mauritius]. St. Petersburg: Aletejya, 2004. (in Russian).
49. Fedchenko, O. D. (2021). *Novyj vzglyad na «krestovyy pohod» Monomaha na polovcev v 1111 godu* [A new look at Monomakh's «crusade» against the Polovtsians in 1111] in *Zmievskoe kraevedenie*. 1, 3-7. (in Russian).
50. Florya, B. N., Turilov, A. A. (2009). *Obshchestvennaya mysl' Drevnej Rusi v epohu rannego srednevekov'ya* [Social Thought of Ancient Russia in the Early Middle Ages] in *Obshchestvennaya mysl' slavyanskih narodov v epohu rannego srednevekov'ya*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi. 31-80. (in Russian).
51. SHahmatov, A. A. (1916). *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years]. T. 1. Vvodnaya chast'. Tekst. Primechaniya. Petrograd: Izdanie Imperatorskoj Arheograficheskoy komissii. (in Russian).
52. SHElekhov, E. A. (2022). *Neizvestnoe Borodino (Molodinskaya bitva)* [Unknown Borodino (Battle of Molodinskaya)] in *Doneckie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tury i vyzovy sovremennosti. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 85-letiyu Doneckogo nacional'nogo universiteta*. Doneck. 91-93. (in Russian).
53. SHkol'nik, YU. K. (2012). *Polkovodcy Rossii* [Commanders of Russia]. Polnaya enciklopediya. Moscow: Eksmo. (in Russian).

XVII ВЕК / XVII CENTURY

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-71-78>
УДК 930.85

**РУКОПИСЬ КНЯЗЯ С.И. ШАХОВСКОГО ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

*С. А. Волков,
Н.А. Тропин*

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770 Россия*

Аннотация

Введение. Статья представляет собой краткий содержательный анализ рукописного сборника сочинений князя С. И. Шаховского. Сборник состоит из нескольких десятков произведений различных жанров, в том числе исторических, гимнографических, религиозно-философских и т.д. Актуальность анализа текстов заключается в получении представлений об особенностях формирования творческого наследия писателя и его отношения к собственному творчеству. **Материалы и методы.** Главным источником работы стала рукопись, датированная 1652 годом из фондов Российской государственной библиотеки, а также ее предполагаемая копия (Ф. 173.1 № 213 и № 214). При написании статьи использовались следующие методы: биографический, который дал более четкое понимание жизненного пути и особенностей личности С. И. Шаховского; палеографический, позволивший определить отличительные признаки авторской рукописи; описательный метод помог раскрыть структуру текста произведения и классифицировать представленные в нем сочинения. Подобная классификация предлагается впервые. **Результаты.** Автору удалось выделить 5 типов текстов в сборнике: молитвословия, богословские, гимнографические, исторические и эпистолярные (послания). Также делается указание на сохранение авторства и формирование корпуса сочинений для последующих поколений. Эта традиция, во многом, заложена Максимом Греком, ссылки на труды которого есть в рукописи Шаховского. **Заключение.** Князь и воевода С. И. Шаховской всю жизнь посвятил государственной службе, однако основную известность он приобрел благодаря произведениям, ставшим историческим и литературным достоянием. В исследуемом сборнике содержатся не все известные исследователям работы Шаховского, а, вероятно те, которые представляли для автора наибольшую ценность.

Ключевые слова: С. И. Шаховской, история Церкви, XVII в., гимнография, рукописные книги, виршевая поэзия

Для цитирования: Волков С. А., Тропин Н.А. (2024) Рукопись князя С. И. Шаховского из собрания российской государственной библиотеки: содержательный анализ // История: Факты и символы. № 1 (38). С. 71-78 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-71-78>

Конфликт интересов. С. А. Волков является аспирантом учредителя журнала – ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Автор также заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 10.10.2023

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Волков С., Тропин Н. 2024

THE MANUSCRIPT OF PRINCE SEMEN SHAKHOVSKY FROM THE COLLECTION OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY: MEANINGFUL ANALYSIS

Stanislav Volkov,

Nikolay Tropin

Bunin Yelets State University,

st. Kommunarov, 28, Yelets, 399770 Russia

Abstract

Introduction. The article is a brief substantive analysis of the handwritten collection of works by Prince Semen Shakhovskoy. The collection consists of several dozen works of various genres, including historical, hymnographic, religious and philosophical, etc. The relevance of text analysis lies in obtaining a more complete understanding of the development of events of the period under study to which the manuscript belongs, including the Time of Troubles, through the restoration of biography and eyewitness testimony. **Materials and methods.** The main source of the work was a manuscript dating from 1652 from the collections of the Russian State Library, as well as its alleged copy (F. 173.1 No. 213 and No. 214). When writing the article, the following methods were used: the biographical method gave a clearer understanding of the life path and personality characteristics of Shakhovskoy; the paleographic method allowed to determine the distinctive features of the manuscript itself; the descriptive method allowed to reveal its content and classify the presented works. This classification is proposed for the first time. **Results.** The author managed to identify 5 types of texts in the collection: prayer, theological, hymnographic, historical and epistolary (epistles). An indication is also made of the preservation of authorship and the formation of a corpus of works for the memory of subsequent generations. This tradition, in many ways, was laid down by Maxim the Greek, references to whose works are in the Shakhovskoy manuscript. **Conclusion.** Prince and voivode Shakhovskoy devoted his whole life to public service, but he gained the main fame thanks to the works that became historical and literary property. The collection under study does not contain all the works of Shakhovskoy known to researchers, but probably those that were of the greatest value to the author.

Keywords: Semen Shakhovskoy, history of the Church, XVII century, hymnography, handwritten books, verse poetry.

For citation: Volkov S., Tropin N. (2024) Manuscript of Prince Semen Shakhovskoy from the collection of the Russian State Library: content analysis In History: Facts and Symbols, 1 (38), <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-71-78>

Conflict of interest: Stanislav Volkov is a graduate student of the founder of the journal – Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal. The author also declares no conflict of interest.

Received: 10.10.2023

Revised: 08.02.2024

Published: 15.03.2024

© Volkov S., Tropin N. 2024

1. Введение

Князь С. И. Шаховской вошел в историю как русский писатель и поэт первой половины XVII в. Как представитель элиты он был участником военных и дипломатических миссий, действовавшим, в том числе, в период Смутного времени. География его служения простирается от Сольвычегодска до Северного Кавказа и от Смоленска до Енисейска. Однако в карьере Шаховского были и темные времена: несколько раз оказывался в ссылках и опалах, в том числе по причине своего четвертого брака. Насыщенная жизнь князя сопровождалась разнообразной творческой работой, значительная часть которой вошла в итоговый рукописный сборник его сочинений, датируемый 1652 г.

В рукописи С. И. Шаховского содержится переписка с известными историческими деятелями, повествования о событиях, происходивших в то время в Московском государстве, гимнографические тексты и богословские сочинения. Отдельной особенностью большинства текстов рукописи является использование поэтических приемов и ссылки на множество святоотеческих творений, канонических актов и прочее, что, несомненно, указывает на высокий интеллектуальный уровень и незаурядный талант автора.

Наследием Шаховского занимались различные исследователи, начиная со второй половины XIX в. Его молитва о разлучении супружества вошла в историческую хрестоматию Федора Буслаева 1861 г. [4, с. 147-149]. Автор «Истории Русской Церкви» митрополит Московский Макарий (Булгаков, 1816 – 1882 гг.) считал Шаховского одним из самых «образованных мужей» своего времени и одним из лучших знатоков библейских текстов в допетровской Руси [7]. Известный историк С.Ф. Платонов [10] подчеркивал важность сочинений Шаховского для понимания событий Смутного времени начала XVII в. Целый ряд авторов изучали творческое наследие писателя в советский и постсоветский период: В. К. Былинин, А. А. Илюшин, М. П. Лукичев [5, с. 99-107], Е. П. Семенова [13], Е. И. Дергачева-Скоп [2, с. 358-427] и др.

Сибирский период службы С. И. Шаховского исследовал современный ученый А.В. Полетаев в очерках под названием «Князь Семен Шаховской и его сибирские знакомцы» [11, с. 39-58]. Наследие и жизнь С. И. Шаховского были в центре внимания американского исследователя-слависта Э. Кинана, который выдвинул гипотезу, что именно он был автором «Первого послания Курбского к Ивану Грозному» [17;18]. Сегодня можно утверждать, что формируется новый цикл исследований его работ. Можно, к примеру, указать на статьи Д. А. Ляпина, М. В. Шпаковского, Е. Малюты [6, с. 77–90; 16, с. 132–149; 8, с. 1–4].

2. Материалы и методы

Главным источником работы стала рукопись 1652 года из фондов Российской государственной библиотеки, а также ее предполагаемая копия (Ф. 173.1 № 213 и № 214). В ходе работы нами применялись традиционные методы. Так, биографический метод дал более четкое понимание жизненного пути и особенностей личности С.И. Шаховского через анализ работ князя, а также имеющихся упоминаний о нем современников и более поздних авторов. Палеографический метод позволил определить внешние особенности рукописного наследия С. И. Шаховского, например, пометы владельцев, ссылки на полях и прочее. Применяемый в ходе исследования описательный метод дал возможность раскрыть содержание рукописи и классифицировать представленные в ней произведения, в том числе, с целью выявления преобладающих жанров.

3. Результаты

В фондах Российской государственной библиотеки хранятся две объемных рукописи одинакового содержания. На титульном листе одной из них протоиерей Александр Василь-

евич Горский, профессор, а впоследствии ректор Московской духовной академии, сделал надпись: «Сей сочинитель довольно просвещен и в духовных знаниях немало сведущ; особливо в его время, но излишне многоглаголив. Был в заточении за вину, что вступил в четвертый брак, который не сколько не худо извиняет». Так охарактеризован автор последующих в рукописях текстов – князь Семен Иванович Шаховской.

Находящиеся в центре нашего внимания рукописи датированы 1652 г., то есть были созданы примерно за два года до смерти ее автора. Первая представляет собой книгу размером в $\frac{1}{4}$ листа, написанную аккуратным полууставом коричневыми чернилами на 335 листах. Внизу по листам следует надпись: «лета 7173 (1665) дал в дом Живоначальныя Троицы, в Сергиев монастырь сию книгу «сборник» келарь старец Симон Азарьин во веки неотъемлемо никомуже» [14]. Вторая рукопись занимает 445 листов, также написана аккуратным почерком полууставным письмом [15]. Отличия между рукописями незначительные. Видимо одна из них является копией. Судя по характеру письма, скорее всего, работали над ними два писца.

Первая рукопись имеет приписки библиотекаря Попова и протоиерея Горского. Художественное оформление обеих рукописей ограничивается инициалами и вставками киндварью – так текст одного произведения отделяется от другого. Пагинация на полях выполнена кириллическим письмом и относится, по-видимому, ко времени создания рукописей. На страницах имеются поздние штампы библиотеки Московской духовной академии и отдела рукописей, а также наклейка на обложке: «Рукопись фундаментальной библиотеки № 213».

Рукопись включает в свой состав послания, молитвы, исторические и религиозные сочинения, которые С. И. Шаховской составлял на протяжении всей жизни. Жанровая палитра представленных текстов очень разнообразна, кроме того, автор использует сразу несколько языковых стилей: книжный, канцелярский и эпистолярный. Это придает особую ценность творческому наследию князя, отличая его от современных ему авторов [17].

В предисловии к рукописи («Воспомяну же паки настоящее...») С. И. Шаховской называет себя «многогрешным в человецех», указывая, что недостойн княжеского титула, потому что княжеское достоинство должно всегда оставаться «высочайшим и прехвальным», а он чувствует себя убогим «за грубость дел своих». Затем автор упоминает свои ссылки, в том числе и заключение в Чудов монастырь незадолго до смерти [1; 5, с. 99 – 107; 9; 12, с. 161 – 162], и благодарит тех, кто поддержал его в трудную минуту, а он взамен мог отблагодарить их только в своих письмах.

Можно предположить, что составление рукописного сборника собственных работ подводило итог жизненного пути С. И. Шаховского. Часто специфика его службы не располагала к творческой деятельности, но тем не менее он находил время, вдохновение и утешение в создании текстов самых различных литературных жанров, причем даже таких специфических, как гимнографические и агиографические. Косвенно это указывает на образцованность князя, любовь к знанию и высокий интеллектуальный уровень.

В пользу этого говорит и то, что на полях рукописей С. И. Шаховского сделаны многочисленные ссылки на цитаты из книг. Цитируются Новый Завет: Евангелие от Матфея, Луки, Деяния, послания апостола Павла к Коринфянам, Галатам, Евреям, Римлянам; Ветхий Завет: Бытие, Исход, Второзаконие, Левит, Числа, Псалтирь, книга пророка Даниила, пророка Исайи, 3 и 4 Царств; ссылки на канонический памятник Правила святых апостолов, Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского, труды преподобного Максима Грека, святителя Григория Богослова и преподобного Ефрема Сирина, Великое Зерцало и степенные песни (гимнографические произведения).

Всего в рукописи (мы анализируем книгу собрания № 213, так как обе рукописи идентичны по содержанию) содержится 29 произведений: послания и обращения – 12, в том числе к персидскому шаху Аббасу, исторические – 4 (О пожаре в Москве (1626 г.), О

принесении ризы Христа в Москву, На память царевича Димитрия, «О мнине како послася на царя Бориса»); богословско-канонические - 9, гимнографические – 4, включая тропарь и кондак Софии-Премудрости Божией (1611 г.) и службу на положение Ризы Христа в Москве с каноном, а также цикл из 20 молитвословий к Богу, святым, за царя, патриарха, живых и усопших близких (Диаграмма 1).

Диаграмма 1. Состав произведений в рукописи С. И. Шаховского 1652 г.

Источник: [14].

Diagram 1. Composition of works in the manuscript of Semyon Shakhovsky (1652)

Представленные в диаграмме результаты содержательного анализа текстов свидетельствуют о преобладании **молитвенных текстов** (51%). Всего рукопись содержит двадцать молитв. Такое большое количество определяется личностным фактором: творческие порывы С. И. Шаховского были частью его внутренних переживаний, и потому, он часто обращался к молитвам, как типичный представитель своего времени. Однако традиционный набор молитв он соединял с молениями собственного сочинения, часто являющимися результатом переработки канонических текстов. Богослужбные книги и Священное Писание были источником, из которого он брал материал для творчества. На этой основе рождались и традиционные молитвенные тексты, и оригинальные виршевые стихотворения. Преобладание молитв также связано с их небольшим размером, в отличие от посланий и исторических сочинений.

Если молитвы были результатом творческого порыва, то весь остальной корпус работ С. И. Шаховского появился в результате стечения обстоятельств сочинений. Когда князь хотел что-либо доказать своему адресату, помочь ему разобраться в политических или богословских вопросах, а также получал заказ – он брался за перо чтобы написать тексты, ставшие важнейшей частью его наследия. Следует также отметить, что порядок расположения сочинений по их содержанию четко не прослеживается. Только молитвы представляют собой единый комплекс [14, с. 212-290].

Важную часть рукописи составляют Послания. Их общее количество – двенадцать. Послания были распространенным жанром церковно-полемической литературы и принад-

лежали к одному из древнейших литературных приемов. Они требовали эрудиции, стиля и точности изложения. Послания, вошедшие в итоговый сборник сочинений С.И. Шаховского, адресовались не только друзьям и сослуживцам, но также царю, патриарху и главам других государств. В них он поднимал вопросы нравственности, определения путей государственного и общественного развития, придавая тем самым составленному сборнику актуальный для своего времени характер. Однако важнейший аспект посланий заключается в их религиозно-полюемическом содержании.

Богословские произведения безусловно занимают центральное место в исследуемой рукописи. Именно они определили ее религиозный характер и основную направленность. Всего здесь представлено девять текстов в таком жанре. Они посвящены следующим темам: христианскому пониманию брака и возможности вступления в повторное супружество, вопросам церковных традиций и благочестия (украшение храмов в праздник Троицы и почему монахи не едят мяса), вопросам понимания канонических источников (в частности, о своде канонов Шестого Вселенского собора) и соотношения Божественной и человеческой природы во Христе.

Наличие богословских произведений свидетельствует об эрудиции князя, как человека светского, его высоком уровне начитанности. Обычно богословские произведения выступают как «коммуникативный компонент связи между представителями религиозных институтов и сообществ» [3, с. 12-17]. Но будучи мирским человеком С. И. Шаховской не считает себя лишенным права писать в подобном жанре и высказываться в богословской проблематике.

В рукописи представлены четыре **исторических произведения**, которые по своей сути относятся к числу псевдоисторических. Они хронологически связаны с прошлым, но их суть также заключается в религиозно-нравственном поучении. Тематика сочинений данного жанра состоит в следующем: Перенесение Ризы Господней в Москву, Повесть-житие царевича Димитрия Углицкого, Повесть о правлении Бориса Годунова, Повесть о московском пожаре.

В рукопись вошли также **гимнографические произведения**. В них С. И. Шаховской показывает прекрасное знание православной догматики и богословской терминологии. Полагаем, что сложные и специальные термины он мог заимствовать из богослужебных текстов, в которых хорошо ориентировался, или из святоотеческих творений. Но независимо от источника, примечательно то, что автор пропускает их через свое сердце и ум и передает уже в собственных творениях. Всего в тексте насчитывается четыре гимнографических произведения.

4. Заключение

Содержательный анализ рукописи С. И. Шаховского свидетельствует в пользу того, что он стремился собрать религиозно-нравственные произведения, которые, вероятно, считал наиболее значимыми для себя и своих знакомых, с которыми часто вступал в религиозные диспуты. Сама рукопись подчеркивает, что ее автор, князь С. И. Шаховской, стремился систематизировать и сохранить свое творчество для современников и потомков. Такая авторская позиция характерна для человека Нового времени, деятельного и активного, несмотря на глубокую религиозность не желающего по старой средневековой традиции скрывать свое авторство и, следовательно, свою личность.

Список источников и литературы

1. *Временники императорского Московского общества истории и древностей российских (1851)*, кн. 9. М.: Университетская типография, 1851. 442 с.

2. Дергачева-Скоп, Е. И. (1978). *Семен Иванович Шаховской. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси : первая четверть XVII в. / сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев.* М.: Художественная литература. С. 358–427.
3. Жданова, И. В. (2011). *Семантико-структурная и функциональная специфика заглавий богословско-религиозного жанра // Молодой ученый.* 3 (26). Т. 2. С. 12-17.
4. *Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / Сост. Ф. Буслаевым.* М.: Унив. тип., 1861. Стб. 1047—1049.
5. Лукичев, М. П. (1982). *Новые материалы к биографии С. И. Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.* М.: Институт истории АН СССР. С. 99–107.
6. Ляпин, Д. А. (2018). «*Всяко земное житие пара есть и сон*»: время и обстоятельства написания *С. И. Шаховским послания князю Д. М. Пожарскому // Вестник Университета Дмитрия Пожарского.* № 2 (10). С. 77-90.
7. Макарий, митрополит Московский. *История русской церкви:* в 9 т. (1882). Т. IX. СПб.: Типография Императорской академии наук. 414 с.
8. Малюта, Е. К. (2023). *К вопросу о важности комплексного изучения литературного творчества князя Симеона Шаховского: гимнографические сочинения // Русский лингвистический бюллетень.* № 4 (40). С. 1-4.
9. Митрополит Евгений (Болохвитинов) (1845). *Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России.* Т. 1. М. 248 с.
10. Платонов, С. Ф. (1888) *Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник.* СПб.: Типография В. С. Балашова. 372 с.
11. Полетаев, А. В. (2005). *Князь Семён Шаховской и его сибирские «знакомцы» : Сергей Андреевич Котов // Проблемы истории России.* Екатеринбург: Волот. Вып. 6: От Средневековья к Современности. С. 39–58.
12. Протасьева, Т. Н. (1980). *Описание рукописей Чудовского собрания.* Новосибирск. С. 161-162.
13. Семенова, Е. П. (1985). *Об источниках Повести преславной С. И. Шаховского // ТОДРЛ (Труды Отдела древнерусской литературы).* Т. 39. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 335-340.
14. *Сочинения князя Семена Шаховского (рукопись) // Отдел рукописей РГБ.* Ф. 173.1 № 213.
15. *Сочинения князя Семена Шаховского (рукопись) // Отдел рукописей РГБ.* Ф. 173.1 № 214.
16. Шпаковский, М. В. (2022). *Послание князя Семёна Ивановича Шаховского против аполллинарства // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях.* № 1 (17). С. 132-149.
17. Keenan, E. L. (1988). *Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukraine Studies.* Vol. 12/13. P. 795-815.
18. Keenan, E. L. (1971). *The Kurbskii Groznyi apocrypha. The seventeenth century genesis of the «Correspondence» attributed to prince A.M. Kurbskii and tzar Ivan IV.* Cambridge: Mass., Harvard University Press. 241 p.

References

1. *The Vremenniki of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities* (1851), 9. Moscow, University Printing House (in Russian).
2. Dergacheva-Scop, E. I. (1978). *Semyon Ivanovich Shakhovskoy. Chronicle book in Monuments of literature of Ancient Russia: the first quarter of the XVII century / comp. L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev.* Moscow, Fiction, 358-427. (in Russian).

3. Zhdanova, I. V. (2011). *Semantic-structural and functional specificity of titles of the theological-religious genre in Young Scientist*. 3 (26), 2, 12-17. (in Russian).
4. *Historical Anthology of the Church Slavonic and Old Russian languages (1861)* / by F. Buslaev. Moscow Universitetskay Publ., 1047-1049. (in Russian).
5. Lukichev, M. P. (1982). *New materials for the biography of S. I. Shakhovskiy in Research on the source study of the history of the USSR of the pre-October period*. Moscow, Institute of History of the USSR Academy of Sciences., 99-107. (in Russian).
6. Lyapin D. A. (2018). «*Every earthly life of a couple is a dream*»: the time and circumstances of the writing of S. I. Shakhovskiy's letter to Prince D. M. Pozharskiy in *Bulletin of Dmitry Pozharskiy University*, 2 (10), 77-90. (in Russian).
7. Makarii, Metropolitan of Moscow. *The History of the Russian Church: in 9 vols.* (1882), IX. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences. (in Russian).
8. Malyuta, E. K. (2023). *On the importance of a comprehensive study of the literary work of Prince Simeon Shakhovskiy: hymnographic works in Russian Linguistic Bulletin*, 4 (40), 1-4. (in Russian).
9. Metropolitan Evgeny (Bolokhvitinov) (1845). *Dictionary of Russian secular writers, compatriots and foreigners who wrote in Russia*, 1. Moscow. (in Russian)
10. Platonov, S. F. (1888). *Old Russian legends and stories about the Time of Troubles of the XVII century. as a historical source*. St. Petersburg, Balashov Publ. (in Russian)
11. Poletaev, A.V. (2005). *Prince Semyon Shakhovskoy and his Siberian "acquaintances": Sergey Andreevich Kotov in Problems of the History of Russia*. Yekaterinburg, Volot, 6 : From the Middle Ages to the Present, 39-58. (in Russian)
12. Protasyeva, T. N. (1980). *Description of the manuscripts of the Chudovskiy collection*. Novosibirsk, 161-162. (in Russian)
13. Semenova, E. P. (1985). *Ob istochnikakh Povesti preslavnoy S. I. Shakhovskogo* [On the sources of the glorious Tale of S. I. Shakhovskiy] in *TODRL (Trudy Otdela drevnerusskoy literatury)*. Otv. red. D. S. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., 39, 335-340. (in Russian).
14. *The writings of Prince Semyon Shakhovskiy (manuscript)* // The Department of Manuscripts of the RS, f. 173.1, 213. (in Russian).
15. *The writings of Prince Semyon Shakhovskiy (manuscript)* // The Department of Manuscripts of the RSL, f. 173.1, 214. (in Russian).
16. Shpakovsky, M.V. (2022). *The message of Prince Semyon Ivanovich Shakhovskiy against Apollinarianism in Paleorussia. Ancient Russia in time, in personalities, in ideas*, 1 (17), 151-171. (in Russian).
17. Keenan, E. L. (1988). *Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy in Harvard Ukraine Studies*, 12/13, 795-815. (in Russian).
18. Keenan, E. L. (1971). *The Kurbskii Groznyi apocrypha. The seventeenth century genesis of the «Correspondence» attributed to prince A.M. Kurbskii and tzar Ivan IV*. Cambridge, Harvard University Press. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-79-88>
УДК 93/99 (4/9)

КРЕСТЬЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ ПО ДАНЫМ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1646 И 1678 ГОДОВ

А. С. Пальчикова

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770 Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена крестьянскому населению Верхнего и Среднего Подонья XVII в. Впервые предпринимается попытка обширного сравнительного анализа динамики и численности крестьян во второй половине XVII в. таких южных уездов России как Воронежский и Елецкий. **Методы и материалы.** Методологическая основа исследования базируется на основополагающих принципах исторического познания, которые используются в отечественной исторической науке при изучении социально-экономических процессов общества и его структурных составляющих: историзм, объективность и системность. Для рассмотрения вопросов, связанных с крестьянским населением юга России XVII в. и его численностью используются общенаучные, специально-исторические и междисциплинарные методы, такие как нарративный, историко-генетический (исторический), проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, статистический методы, моделирование. В основу исследования легли важнейшие массовые источники по истории землевладения и сельского населения — переписные книги 1646 и 1678 гг. **Результаты.** Автор статьи приходит к выводам, что крестьянское население на протяжении второй половины XVII в. оставались значительной по численности частью сельских жителей рассматриваемых уездов. Их размещение по территории Воронежского и Елецкого уезда было неравномерным и часто зависело от степени защищенности села или деревни от татарских набегов. **Заключение.** Несмотря на то, что численность крестьян непрерывно росла, их все равно не хватало для интенсивного развития помещного землевладения, которое было необходимо для защиты уезда от нападений крымских татар и хозяйственной поддержки города-крепости. Данная ситуация неизбежно привела во второй половине XVII в. к росту однодворческого хозяйства.

Ключевые слова: крестьяне, бобыли, сельское население, Елецкий уезд, Воронежский уезд, XVII век

Для цитирования: Пальчикова А. С. (2024). Крестьянское население Верхнего и Среднего Подонья по данным переписных книг 1646 и 1678 годов // История: Факты и символы. № 1 (38). С. 79-88 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-79-88>

Конфликт интересов. А. С. Пальчикова является аспирантом учредителя журнала — ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятию в

журнале процедуру рецензирования. Автор также заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 10.10.2023

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Пальчикова А., 2024

THE PEASANT POPULATION OF THE UPPER AND MIDDLE DON REGION ACCORDING TO THE CENSUS BOOKS OF 1646 AND 1678

Alexandra Palchikova

Bunin Yelets State University,

st. Kommunarov, 28, Yelets, 399770 Russia

Abstract

Introduction. The article is devoted to the peasant population of the Upper and Middle Podonia in the 17th century. For the first time an attempt is made to make an extensive comparative analysis of the dynamics and number of peasants in the second half of the 17th century in such southern Russian counties as Voronezh and Yelets. **Methods and materials.** The methodological basis of the study is based on the fundamental principles of historical cognition, used in the national historical science in the study of socio-economic processes of society and its structural components: historicism, objectivity and systematicity. To consider the issues related to the peasant population of the south of Russia in the 17th century and its number, we use general scientific, special-historical and interdisciplinary methods, such as descriptive-narrative, historical-genetic (historical), problem-chronological, comparative-historical, statistical methods, modelling. The research was based on the most important mass sources on the history of land ownership and rural population - census books of 1646 and 1678. **Results.** The author of the article comes to the conclusion that the peasant population during the second half of the 17th century remained the main mass of rural inhabitants of the counties under consideration. Their distribution on the territory of Voronezh and Yelets counties was uneven and often depended on the degree of protection of a village or hamlet from Tatar raids. **Conclusion.** Despite the fact that the number of peasants was continuously growing, they were still catastrophically insufficient for the intensive development of manorial land ownership, which was necessary for the defence of the district from attacks of nomadic ethnic groups and economic support of the fortress city. This situation inevitably led in the second half of the 17th century to the growth of the single-tenant economy.

Keywords: peasants, bobylys, countryside population, Yelets county, Voronezh county, 17th century

For citation: Palchikova A. (2024) Peasant population of the Upper and Middle Don region according to census books of 1646 and 1678 In *History: Facts and Symbols*, 1 (38), 79-88 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-79-88>

Conflict of interest: is a graduate student of the founder of the journal – Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal. The author also declares no conflict of interest.

Received: 10.10.2023

Revised: 02.08.2024

Published: 15.03.2024

© Palchikova A., 2024

1. Введение

Основными представителями сельского мира южнорусского порубежья в XVII в. являлись служилые люди и крестьяне. Благодаря им происходила колонизация пограничных территорий юга России, распаивались земли «дикого поля» и осваивались его богатые природные ресурсы.

В современной историографии много места уделяется роли детей боярских в хозяйственном освоении пограничья в XVII в. Сегодня в центре нашего внимания крестьянское население Елецкого и Воронежского уезда, рассмотрим их численность и динамику размещения по уездам к середине и концу XVII столетия.

2. Материалы и методы

Методологическая основа исследования базируется на основополагающих принципах исторического познания, применяемых в отечественной исторической науке при характеристике социально-экономических процессов общества и его структурных составляющих, таких как историзм, объективность и системность. Для рассмотрения вопросов, связанных с крестьянским населением и его численностью используются общенаучные, специально-исторические и междисциплинарные методы, такие как нарративный, историко-генетический (исторический), проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, статистический методы, моделирование.

Основную источниковую базу исследования составили переписные книги Елецкого и Воронежского уездов 1646 и 1678 гг. Достоверность данных источников, по мнению многих исследователей, колеблется от 65 до 85 % [10, с. 23; 8, с. 145]. Однако, несмотря на это, следует отметить, что переписные книги дают нам достаточно подробную информацию о численности мужского крестьянского населения с указанием детей. Данный факт связан, прежде всего, с интересами служилых землевладельцев зафиксировать всех крестьян, живущих на пожалованной им за службу, земле. Более того, выписки из писцовой книги имели юридический вес, и зачастую, в спорах о крестьянах, предоставлялись в качестве доказательства права помещика на беглого крестьянина [4, с. 166].

3. Результаты

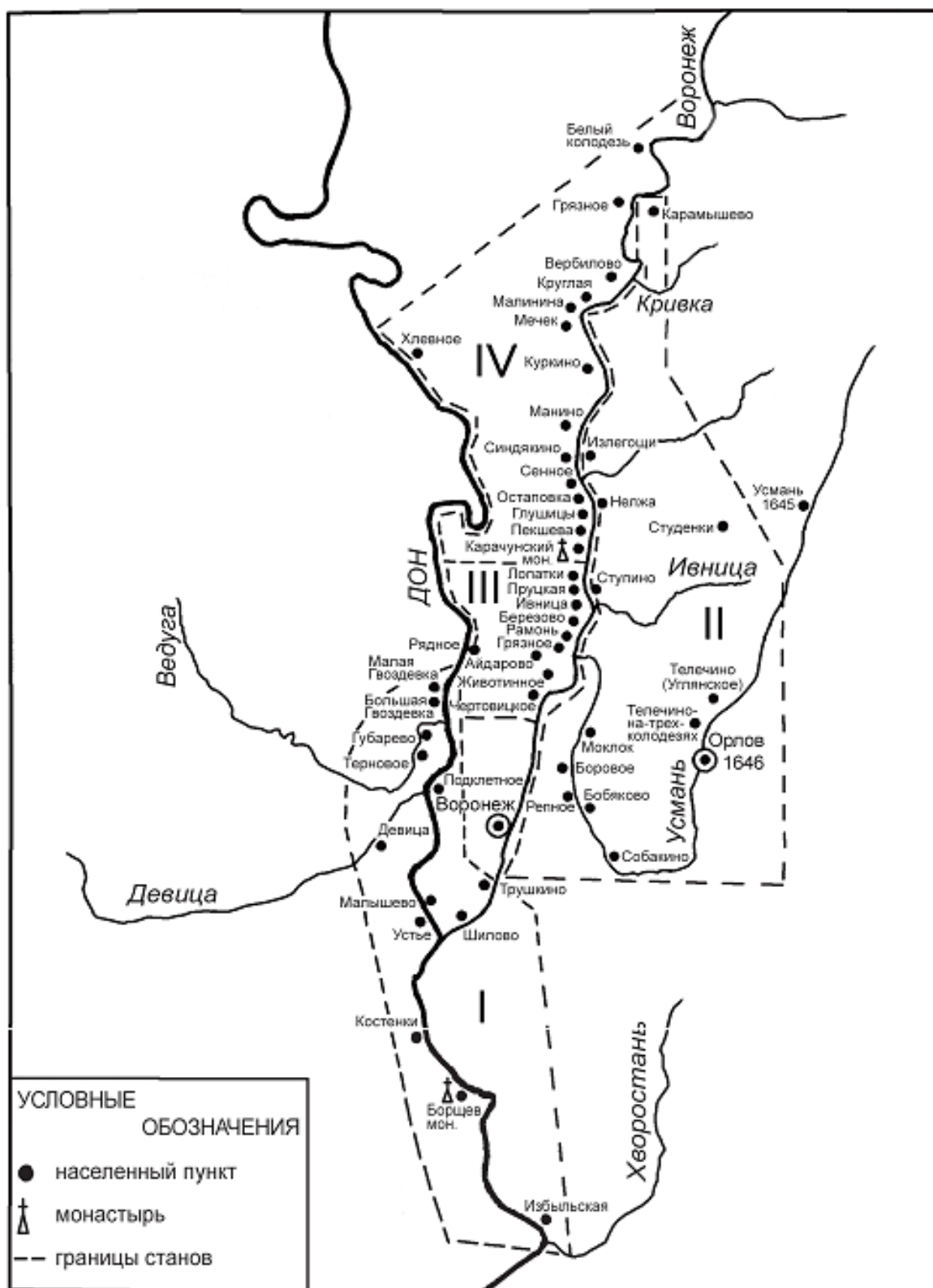
Оформление Воронежского уезда началось со строительства крупного города-крепости Воронеж в 1685-1686 гг. в низовьях Дона. Образование населенных пунктов вокруг города шло медленно из-за частых татарских набегов [7, с. 39-40; 14, с. 27]. Первые поселения в окрестностях Воронежа, по мнению исследователей, появились в конце XVI в., а к середине XVII в. Воронежский уезд становится одним из крупных уездов юга России. Территориально он делился на четыре стана: Борщевский, Усманский, Чертовицкий и Карачунский [10, с. 6-7].

Карта 1. Воронежский уезд в 1646 г. Автор: В. Н. Глазьев. Источник: Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. 208 с.

Станы: I – Борщевский, II – Усманский, III – Чертовицкий, IV – Карачунский.

Map 1. Voronezh district in 1646. Author: V.N. Glazyev. Source: Census book of the Voronezh district of 1646. Voronezh, Voronezh State University, 1998. 208 p.

Stans: I – Borshchevsky, II – Usmansky, III – Chertovitsky, IV – Karachunsky.

В южной части междуречья Дона и Воронежа, на правом берегу Дона, располагался *Борщевский стан*. Такое название он получил благодаря Борщевскому монастырю, находившемуся на территории стана.

В 1646 г. писцы записали крестьян и бобылей в стане общей численностью 709 человек. Благодаря интенсивной колонизации этих мест Борщевским и Алексеевским монастырями к 1678 г. произошло увеличение крестьянского населения в данном стане практически вдвое: 382 крестьянских двора, в которых проживало 1611 человек [13, л.92об].

В *Усманском стане* Воронежского уезда в 1646 году проживало 920 крестьян и бобылей, причем треть из них в селе Собакино [10, с. 56-67]. Такая неравномерная плотность сельского населения имела прямую зависимость от частоты татарских набегов. Так в 1640-х годах северо-восточная часть Усманского стана подвергалась ожесточенным нападениям татар. Некоторые села и деревни полностью прекратили свое существование, а более крупные потеряли часть населения [10, с. 7-8; 3, с.101]. Так, например, в челобитной от ноября 1644 г. атаманы села Ступино отмечали: «Не пашем мы хлеба, ржи и яри не сеем за частыми татарскими приходы четвертой год». Более того 204 человек было взято в плен и 3097 лошадей и скота было угнано татарами [1, с. 52]. В связи с этим по просьбе воронежских детей боярских об укреплении северо-восточной части Воронежского уезда, в 1645 г. в верховьях реки Усмань был построен город Усмань (который стал одним из звеньев Белгородской черты) с образованием уезда. Воронежские крестьяне стали уходить от своих помещиков в Усмань и записываться в стрельцы и казаки. Помещики жаловались правительству на усманских воевод. Но для строительства черты нужны были люди, поэтому жалобы помещиков остались без внимания, а беглые крестьяне становились стрельцами и казаками.

Более того к Усмани отошла часть территорий Воронежского уезда, в том числе крупные села Усманского стана Ступино, Излегощи, Песковатое [10, с.8]. Однако данные села вошли в Переписные книги Воронежского уезда 1646 и 1648 гг. Этот факт в очередной раз доказывает то, что писцы в XVII в. руководствовались прежде всего результатами предшествующих переписей. Но даже несмотря на этот факт, в Усманском стане крестьян стало значительно меньше: в 1678 г. проживало всего лишь 508 человек [13, л. 166об].

На правом берегу реки Воронеж находился *Чертовицкий стан*. Самым крупным его поселением являлось село Чертовицкое. В 1646 году нем проживало 16 землевладельцев, а так же 167 крестьян и бобылей [10, с. 97-102]. Из всех трех станов Воронежского уезда Чертовицкий был самым малочисленным: крестьянское население на протяжении второй половины XVII века варьировалось от 549 (в 1646 году) до 473 человек (в 1678 году) [10, с. 97-124; 13, л. 117-161об].

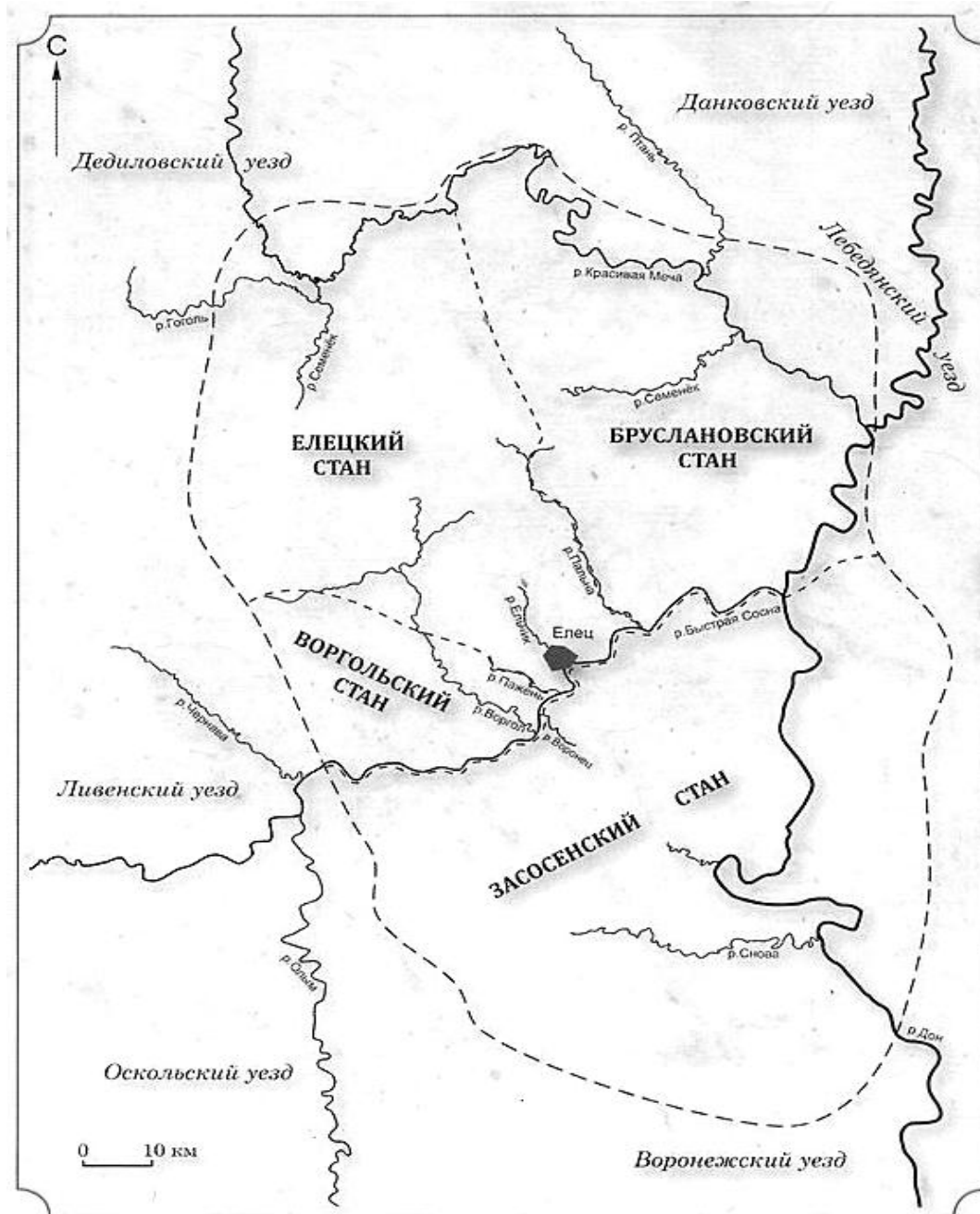
На плодородных землях междуречья Воронежа и Дона, севернее Воронежа, находился *Карачунский стан*. Социальный состав сельских поселений данного стана по результатам переписей 1646 и 1678 гг. был описан В. Н. Глазьевым и Д. А. Ляпиным [10, с.10; 8, с. 142-143].

В 1646 г. общее число крестьян и бобылей в стане составило 1248 человек [10, с. 124-162]. Причем, по замечанию Д. А. Ляпина, крестьянские дворы здесь располагались на землях помещиков неравномерно: 364 крестьянина жили в селе Белый Колодезь, а еще 187 крестьян – у помещиков соседнего села Вербилово, т.е. в обоих селах проживало более 50% всего крестьянского населения стана» [8, с. 143]. Подобная ситуация наблюдается и в 1678 г [13, л. 162-223об].

Перейдем теперь к описанию крестьянского населения Елецкого уезда. Его административные границы впервые оформились к началу XVII в. и включали в себя четыре стана.

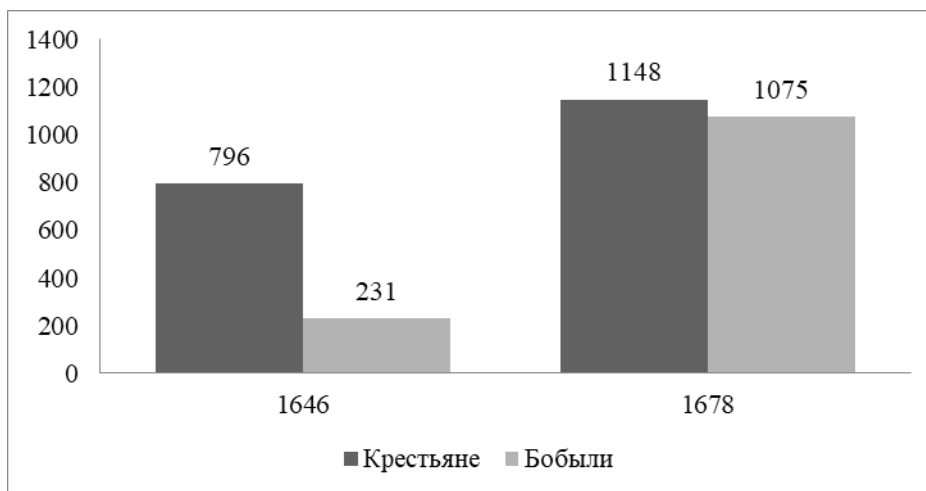
Карта 2. Елецкий уезд в 1678 году. Автор: Н. А. Тропин. Источник: Ляпин, Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. Тула: Гриф и К. 2011. 208 с.

Map 2. Yelets district in 1678. Author: N. A. Tropin. Source: Lyapin, D. A. History of Yelets district at the end of the 16th-17th centuries. Tula, Grif and K. 2011. 208 p.

Большая часть крестьянского населения проживало к северо-востоку от Ельца, в *Бруслановском стане*. В 1646 г. писцы зафиксировали в нем 17 сел и 23 деревни с 1027 крестьянами и бобылями. Через тридцать лет число населенных пунктов стана увеличилось (21 село и 44 деревни), а численность крестьян выросла до 2223 человека (см. диаграмму 1). Успешное освоение данных земель и большая плотность населения в XVII в. была связана с природно-географическими факторами, защищенностью поселений от татарских нападений, а так же, проходящей по территории Бруслановского стана, дороги из Ельца в Лебедянь и Данков.

Диаграмма 1. Численность крестьян и бобылей в Бруслановском стане, чел. Источник: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135; Д. 8830.
Diagram 1. Number of peasants and peasants in the Bruslanovsky camp, people. Source: Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1209. Op. 1. D. 135; D. 8830.

Вторым по численности крестьян и бобылей стал соседний стан, расположенный за рекой Сосной и называемый *Засосенским*. Несмотря на то, что по площади этот стан Елецкого уезда был самым большим (его территория превышала все остальные станы, вместе взятые), однако его заселение и освоение в XVII в. происходила достаточно медленно [9, с. 108-111]. Это было связано, прежде всего, с частой угрозой нападения на данные земли татар. Неслучайно, Засосенский стан иногда назывался «Крымской стороной», т.е. местом, откуда приходят отряды крымских татар [9, с. 108]. Итак, в 1646 г. крестьянское население численностью в чуть менее тысячи человек проживало в 28 населенных пунктах, расположенных группами, вдоль лесных массивов, рек и ручьев. К 1678 г. число крестьян и бобылей увеличилось незначительно: всего лишь на 67 человек.

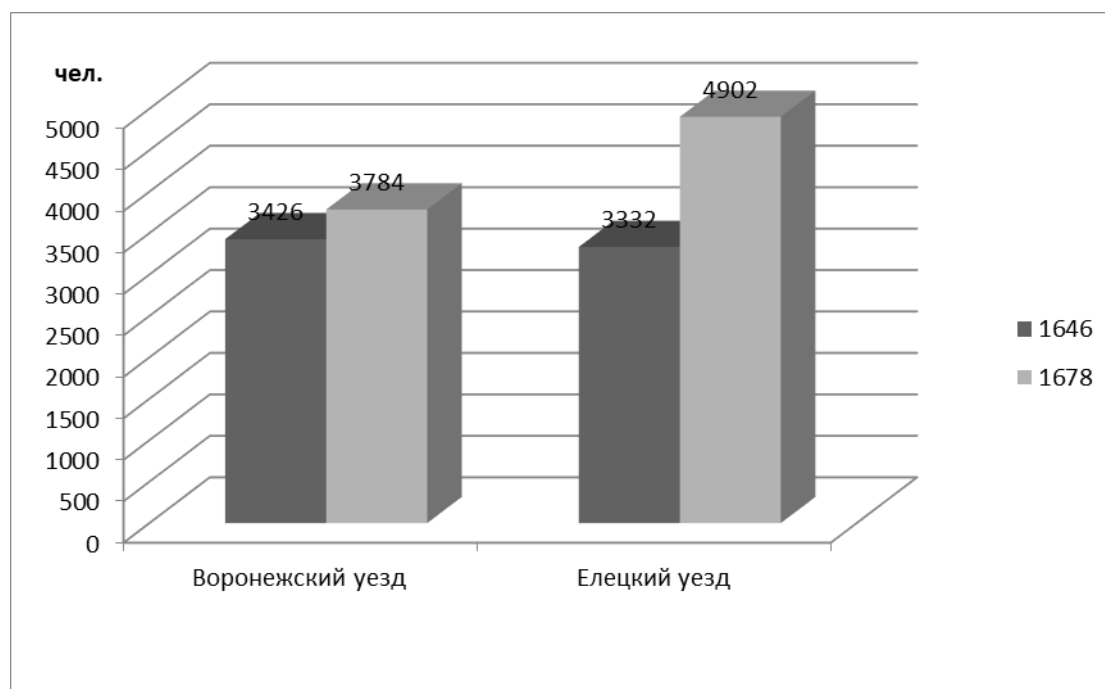
К западу от Ельца находился самый маленький в уезде стан - *Воргольский*, получивший свое название по реке Воргол, протекающей на его территории. Его оформление и хозяйственное освоение начинается с начала XVII в. и ускоряется в 1630-е гг. в связи со строительством Чернавского острога [5, с. 5]. В Писцовой книге 1646 г. отмечено 680 крестьян и 195 бобылей. В 1678 г. количество человек в крестьянских семьях увеличилось, что в общей сложности в 1678 г. в переписную книгу было записано 1045 человек.

Севернее Ельца, тянулся самый малочисленный стан - *Елецкий*. Его площадь практически была равна площади, граничащего с ним, Бруслановского стана. К середине XVII в. крестьянские и сельские дворы согласно переписи 1646 г. немногочисленны, в них проживало 481 человек. Несмотря на рост сельских поселений, который наблюдается во второй половине XVII в. (на 7 деревень больше чем в 1646 г.), в 1678 году писцы зафиксировали в стане всего лишь 372 крестьян и бобылей.

Общая численность елецких и воронежских крестьян и бобылей представлена ниже на диаграмме 2: в 1646 г. согласно переписи крестьян мужского пола в Елецком уезде насчитывалось 3332 человека, а в Воронежском – 3426 человек. Через 32 года, в 1678 году, численность крестьян в Елецком уезде увеличилось до 4902 человек, в Воронежском уезде – до 3784 человек.

Диаграмма 2. Численность крестьянского населения в Воронежском и Елецком уезде по результатам переписей 1646 и 1678 гг. Источник: Переписная книга Воронежского уезда 1646 года. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. 208 с.; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135; Д. 8830; Д. 12286.

Diagram 2. The size of the peasant population in Voronezh and Yelets district according to the results of the censuses of 1646 and 1678. Source: Census book of the Voronezh district of 1646. Voronezh: Voronezh State University, 1998. 208 pp.; Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1209. Op. 1. D. 135; D. 8830; D. 12286.

4. Заключение

Подводя итог, следует заметить, что крестьянское население на протяжении второй половины XVII в. оставались основной массой сельских жителей. Их размещение по территории Воронежского и Елецкого уезда было неравномерным и часто зависело от степени защищенности села и деревни от татарских набегов. Несмотря на то, что численность крестьянского населения непрерывно росла, их все равно катастрофически не хватало для интенсивного развития поместного землевладения, которое было необходимо для защиты уезда от татарских нападений и хозяйственной поддержки города-крепости. Данная ситуация неизбежно привела во второй половине XVII в. к росту однодворческого хозяйства [6, с. 107].

Список литературы и источников

1. Глазьев, В. Н. (2018). *Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII веках*. Воронеж: Издательский дом ВГУ. 270 с.
2. Жиров, Н. А., Ляпин, Д. А. (2023). *Эволюция социально-поведенческой структуры сельского общества региона центрального Черноземья в XVII-XIX вв.* // Научный диалог. Т 12. № 4. С. 432-450.

3. Камараули, Е. В. (2018). *Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда)*//История факты и символы. №3(16). С. 97-105.
4. Ляпин, Д. А. (2020). *Дела о крестьянах на юге России в 20-е годы XVII века.* // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 5. С. 162-171.
5. Ляпин, Д. А. (2011). *История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв.* Тула: Гриф и К. 2011. 208 с.
6. Ляпин, Д. А. (2020). *На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 416 с.
7. Ляпин, Д. А. (2013). *На степном пограничье: Верхний Дон в XV-XVII веках.* Тула: Гриф и К. 208 с.
8. Ляпин, Д. А. (2022). *Социальный состав и динамика численности сельского населения региона белгородской черты во второй половине XVII в.* // Filo Ariadne. № 2. С.136-150.
9. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. (2014). *Колонизация Верхнего Подонья в XVII веке (Засосенский стан Елецкого уезда)* //Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, № 8 (86). С. 108-111.
10. Переписная книга Воронежского уезда 1646 года. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. 208 с.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.
12. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830.
13. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12286.
14. Швейковская, Е.Н. (2012). *Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века.* Москва: Индрик. 368 с.

References

1. Glaz'ev, V. N. (2018). *Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uezda v konce XVI – XVII vekah* [Notes on the history of the city of Voronezh and Voronezh county in the later 16th - 17th centuries]. Voronezh, Izdatel'skij dom VGU. Publ. (in Russian).
2. Zhiron, N. A., Luapin, D. A. (2023). *Jevoljucija social'no-povedencheskoj struktury sel'skogo obshhestva regiona central'nogo Chernozem'ja v XVII-XIX vv.* [Evolution of the socio-behavioural structure of the countryside society in the Central Black Earth Region in the 17th-19th centuries] in *Nauchnyy dialog*, № 12 (4), 432-450. (in Russian).
3. Kamarauli, E. V. (2018). *Formirovanie poselencheskoj struktury v juzhnyh uezdah Rossii v pervoj polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda)* [Formation of the settlement structure in the southern counties of Russia in the first half of the 17th century (on the example of Voronezh county)] in *Istorija fakty i simvoly*, №3(16), 97-105. (in Russian).
4. Ljapin, D. A. (2020). *Dela o krest'janah na juge Rossii v 20-e gody XVII veka* [Cases of peasants in the south of Russia in the 20s of the 17th century] *Vestnik VolGU*, Serija 4, Istorija, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnoshenija, T. 25, № 5, 162-171. (in Russian).
5. Ljapin, D. A. (2011). *Istorija Eleckogo uezda v konce XVI-XVII vv.* [History of the Yelets county at the end of the 16th-17th centuries]. Tula, Grif i K. 2011. Publ. (in Russian).
6. Ljapin, D. A. (2020). *Na okraine carstva: povsednevnaja zhizn' naselenija Juga Rossii v XVII veke* [On the outskirts of the kingdom: everyday life of the population of Southern Russia in the 17th century]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin. Publ. (in Russian).
7. Ljapin, D. A. (2013). *Na stepnom pogranych'e: Verhnij Don v XV-XVII vekah* [On the Steppe Frontier: The Verhnij Don in the 15th-17th centuries]. Tula, Grif i K. Publ. (in Russian).

8. Ljapin, D. A. (2022). *Social'nyj sostav i dinamika chislennosti sel'skogo naselenija regiona belgorodskoj cherty vo vtoroj polovine XVII v.* [Social composition and dynamics of the countryside population in the region of the Belgorod boundary in the second half of the 17th century] in *Filo Ariadne*, № 2, 136-150. (in Russian).

9. Ljapin, D. A., Zhiron, N. A. (2014). *Kolonizacija Verhnego Podon'ja v XVII veke (Zasenskiy stan Eleckogo uezda)* [Colonization of the Upper Don region in the XVII century (Zasenskiy stan of Yelets district)] in *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*, Tambov, Gramota, № 8 (86), 108-111. (in Russian).

10. *Perepisnaja kniga Voronezhskogo uezda 1646 goda* (1998), Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 1998 (in Russian).

11. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* (RGADA), f. 1209, op. 1, d. 135. (in Russian).

12. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* (RGADA), f. 1209, op. 1, d. 8830. (in Russian).

13. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* (RGADA), f. 1209, op. 1, d. 12286. (in Russian).

14. Shvejkovskaja, E. N. (2012). *Russkij krest'janin v dome i mire: severnaja derevnja konca XVI – nachala XVIII veka* [The russian peasant in the home and the world: a northern village of the late 16th-early 18th century]. Moscow, Indrik. Publ. (in Russian).

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ /
TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-89-101>
УДК 94(47) 470.56

**ВЛИЯНИЕ СУДЕБНО-ЖАЛОБНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ОДНОДВОРЦЕВ НА
НАКАЗАНИЯ ЧИНОВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ С НАЧАЛА
XVIII ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

К. Б. Кудланов

*Курская академия государственной и муниципальной службы,
ул. Станционная, д. 9, Курск, 305044, Россия*

Аннотация

Введение. В настоящей статье исследуется установление влияния жалоб и судебных разбирательств однодворцев на наказание отдельных чиновников Центрального Черноземья с нач. XVIII по сер. XIX века. Задачи исследования состоят в изучении различных методов преодоления однодворцами вакуума региональных злоупотреблений и следовавших за ними наказаниями нечестивых чиновников, а также в выявлении совершенствование системы на примере земельного судопроизводства между XVIII и XIX веками. **Материалы и методы.** В процессе работы использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторические методы, а также ретроспективный и историографический анализы. **Результаты.** В исследовании автор показывает попытки однодворцев преодолеть региональный вакуум чиновнических злоупотреблений. Причём освещаются случаи как с безуспешным, так и благоприятным исходом. Вместе с этим в статье приводятся примеры обращений потомков служилых людей по поводу своих земельных споров в различные уровни власти, включая губернатора, министерства, Сенат и даже самого императора. Затем исследователь показывает множество случаев наказания чиновных лиц, которые классифицируются в соответствии со строгостью взысканий. Наконец, автор представляет несколько областей судопроизводства и управления однодворцами, которые со временем явно подверглись совершенствованию. **Заключение.** В ходе работы над статьёй исследователь заключает, что однодворцы нередко выигрывали дела о спорной земле с помещиками и чиновниками, особенно после учреждения Министерства государственных имуществ. Жалобы потомков служилых людей тоже часто достигали своих адресатов. Следствием озвученных процессов являлось то, что наказания предстоящих «у дел» постоянно прослеживались, причём затрагивали практически все уровни власти. В этой связи нельзя свидетельствовать о полной безнаказанности предстоящих «у дел». В целом же со временем перечень методов поддержания вакуума чиновнических злоупотреблений постепенно уменьшался. Одновременно с этим процессом, однако, шло совершенствование и изобретение новых методов преступлений.

Ключевые слова: однодворцы, чиновники, предстоящие «у дел», помещики, захваты, завладение землёй, землевладение, Центральное Черноземье.

Для цитирования: Кудланов, К.Б. (2024). Влияние судебной-жалобной инициативы однодворцев на наказания чиновников Центрального Черноземья с начала XVIII по середину XIX века // История: Факты и символы. № 1 (38). С. 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-89-101>

Статья поступила: 10.11.2023

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Кудланов К., 2024

THE INFLUENCE OF THE JUDICIAL COMPLAINT INITIATIVE OF ONE-COURTYARD PEOPLE ON THE PUNISHMENT OF OFFICIALS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION FROM THE BEGINNING OF THE XVIII-TH TO THE MIDDLE OF THE XIX-TH CENTURY

Konstantin Kudlanov

Kursk Academy of State and Municipal Service,
St. Stationnaya, 9, Kursk, 305044, Russia

Abstract

Introduction. This article explores establishing the impact of complaints and lawsuits of one-courtyard people on the punishment of individual representatives of the bureaucratic apparatus of the Central Chernozem region from the beginning of the XVIII century to the middle of the XIX century. The objectives of the article consist of studying various methods of overcoming the vacuum of regional abuses and the punishment of impious officials that followed them, as well as identifying the improvement of the system using the example of landed justice between the XVIII-th and XIX-th centuries. **Materials and methods.** In the process of working on the study were used analytical-synthetic and comparative-historical methods, as well as retrospective and historiographical analyzes. **Results.** In the study, the author shows the attempts of smallholders to overcome the vacuum of bureaucratic abuses in the regions. Moreover, both unsuccessful and cases with a favorable outcome are covered. At the same time, the article provides examples of appeals by the descendants of service military people about their land disputes to various levels of government, including the governor, ministries, the Senate, and even the emperor. Then the researcher shows many cases of punishment of officials for their abuses, which are classified according to the severity of the penalties. Finally, the author presents several areas of judiciary and administration of one-courtyard people, which have clearly undergone improvement over time. **Conclusion.** In the course of working on the article, the researcher concludes that the smallholders often won disputes over the land with landowners and officials, especially after the establishment of the Ministry of State Property. Complaints of the descendants of military service people also often reached their addressees. The consequence of the latest processes was that the punishments of the upcoming «cases» were constantly monitored, and affected almost all levels of government controlled. In this regard, it is impossible to state the complete impunity of the bureaucracy. On the whole, over time, the list of methods for maintaining the vacuum of bureaucratic abuses gradually decreased. However, at the same time with this process, there was an improvement and the invention of new methods of bureaucratic abuses.

Keywords: one-courtyard people, smallholders, officials, upcoming «in business», landowners, seizures, land acquisition, land ownership, Central Chernozem region.

For Citation: Kudlanov, K. (2024). The influence of the judicial complaint initiative of one-courtyard people on the punishment of officials of the Central Chernozem region from the beginning of the XVIII-th to the middle of the XIX-th century. In *History: Facts and Symbols*, 1 (38), 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-89-101>

Received: 10.11.2023

Revised: 02.08.2024

Published: 15.03.2024

© Kudlanov K., 2024

1. Введение

Вечно злободневный вопрос добропорядочности чиновничьего аппарата в данной статье рассматривается в плане обратной связи правительства с однодворческим сословием, которая в том числе способствовала самоочищению системы регионального управления. В исследовании рассматриваются как безуспешные попытки выхода из вакуума чиновнических злоупотреблений, так и положительный исход подобных предприятий. Помимо этого, довольно-таки много внимания настоящего исследования автор уделяет наказанию злочестивых чиновников, которые проходили не без ходатайства представителей однодворческого сословия.

2. Материалы и методы

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении общих проволочек системы государственного судопроизводства; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (определённые примеры злоупотреблений со стороны предстоящих «у дел» и наказаний за них) в широкий историографический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления способов преодоления вакуума региональных злоупотреблений, а также мер наказаний чиновников. Соединение общих и уникальных явлений позволило выявить особенности оценки эффективности обратной связи правительства и однодворцев. Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения различных примеров как попыток выхода из судебно-жалобной региональной волокиты, так наказаний злочестивых чиновников. Историко-генетический метод раскрывал изменения отношения правительства к одним и тем же явлениям в соседних XVIII и XIX веках. Историко-типологический метод позволил рассмотреть место вакуума региональных злоупотреблений и наказания злонамеренных чиновников в ретроспективе всей истории однодворческого сословия.

3. Результаты

Известно, что с нач. XVIII до середины XIX вв. у отдельных своекорыстных чиновных лиц по некоторым местам ЦЧ получилось создать и поддерживать вакуум региональных злоупотреблений. Следствием этого порока системы являлось то, что довольно-таки справедливые и грамотные постановления из высших государственных инстанций на местах часто не выполнялись. Более того, он же препятствовал честным чиновникам в регионах полноценно исполнять свои обязанности. От него же вышестоящая власть не была полностью осведомлена о происходящем на местах. Таким образом, упомянутый вакуум создавал параллельную реальность, вредную для государственного устройства.

В целом, общая волокита и медленность судопроизводства имела две природы: преднамеренную и естественную. О существовании последней свидетельствует то, что она касалась однодворцев, даже в тех случаях, когда привилегированным сословиям от неё не было никакой пользы. Злонамеренные же лица для своей выгоды дополнительно её усугубляли и часто примешивали к ним ряд преднамеренных проблем. Одним таким пороком

являлся вакуум региональных злоупотреблений. Последняя создавалась на основе умышленного использования строгой иерархии власти, медленности управленческой системы и крепкую социальную связь предстоящих «у дел» и помещиков. Противодействие этому искусственному пороку состояло в том, что упомянутые обстоятельства подталкивали однодворцев искать справедливости в более высоких инстанциях государственного уровня, или хотя бы губернского. Однако, как и земное притяжение местный вакуум нужно было сначала преодолеть, и не у всех это получалось. Ниже приведём несколько примеров подобных безуспешных действий.

Наказ однодворцев Валуйского у. отражает множественные попытки жалоб об «обидах и разорениях» в различные государственные коллегии. Из последних, однако, их челобитные вновь переслали в Белгородскую губернскую канцелярию, которую обязывали провести расследование. Благодаря дурной славе, о судебной волоките и осведомлённости о крепких социальных связях их притеснителя, однодворцы прекрасно осознавали, что в регионе «действительного решения» им не найти. Последняя надежда возлагалась на комиссию, которая должна была, наконец, разобраться в том, что на местах воеводы, секретари, канцелярские служители чинят произвол над однодворцами и не признают ни постановлений «судебных мест», ни «указов» [22, с. 127].

Подобная безуспешная попытка сразу выйти на высшие региональные инстанции представлена и в следующем примере. Так, 18 февраля 1858 г. в курском губернском правлении рассматривали жалобу государственного крестьянина В.Т. Денисова из д. Денисовой Щигровского уезда. В ней указывались неправомерные действия фатежского станового пристава Покатина, который, по их мнению, был виновен «в отдаче по закладной во временное владение» почётному гражданину Николаеву «земли его Денисова с посеянным на оной хлебом и неправильное составление той земли описи». Учитывая, что подобные жалобы по регламенту сначала приносились «земскому суду или исправнику, а потом в губернское правление» дело перенаправили в более низкие инстанции [12, л. 32]. Таким образом, и эта попытка сразу найти беспристрастный суд, только уже в высших эшелонах региональной власти тоже не увенчалась успехом.

Правда, нужно отметить, что силу местного притяжения однодворцам не удавалось пройти не только из-за чьей-либо частной злонамеренной воли, но и общих порядков системы, построенной на строгой иерархии. Следующий пример, хотя и не касается захвата однодворческой земли, но по причине своего внутрисословного характера, ярко подтверждает написанное выше.

2 августа 1857 г. из дома государственного крестьянина Г.Ф. Чернякова с. Веденской Белицы Суджанского у. было «поваровано разного имущества, всего на 81 руб. 38 коп. серебром». Тогда же о происшествии было объявлено сельскому старшине и писарю с целью «учинить по горячим следам розыск». После которого некоторые вещи были найдены в огородах государственных крестьян М. Ковалёва и соседа И. Сухачева. Остальное не было обнаружено, но потерпевший подозревал в их краже своих соседок В. Чернякову, А. Ковалёву и М. Останкову.

6 августа Черняков обратился с просьбой к приставу третьего стана Суджанского у. «и не видя никаких действий его пристава по сему делу» потерпевший в сентябре того же года принёс на него жалобу в уездный суд. Однако, и к 14 февраля 1858 г. она не была рассмотрена, поэтому Черняков подал жалобу уже в губернское правление. В последнем было решено перенаправить дело в более низкую инстанцию, т.к. по регламенту подобные прошения сначала приносились «земскому суду или исправнику». С Чернякова же предписывалось взыскать деньги «за два листа на гербовой бумаге», которые были израсходованы на рассмотрение его дела [12, л. 43].

Таким образом, как представлялось выше, однодворцы, зная о вакууме в среде региональных чиновников, после некоторых попыток, пробовали выйти со своими жалобами

на более высокий и менее пристрастный уровень власти. Однако, часто такие потуги пресекались наверху и жалобщиков отправляли заново пройти все круги судебной волокиты.

Правда, у некоторых представителей однодворческого сословия всё-таки получалось преодолеть вышеозначенную силу регионального притяжения. Известно, что многочисленные жалобы потомков служилых людей потерпевших от захватов своей земли всё-таки доходили до центральных учреждений: Вотчинной коллегии, Военной коллегии, Юстиц-коллегии и Сената. Вотчинная коллегия, по словам однодворцев, решила дела обычно в пользу помещиков. Напротив, Военная коллегия формально держалась за потомков мелких служилых людей.

Для наглядности приведём один характерный пример. В сер. XVIII в. Военная коллегия была встревожена катастрофическим ростом недоимки в Белгородской провинции. В этой связи в 1753 г. она обратилась в Юстиц-коллегию, чтобы последняя подтвердила запрещение на продажу однодворческой земли. Одновременно с этим из фискальных соображений, она, посылая многочисленные указы в Белгородскую губернскую канцелярию о прекращении продажи земель потомков служилых людей, а также о производстве следствий над притеснениями однодворцев. Однако, эти указы, даже подтверждённые Сенатом, на местах не выполнялись [13, л. 60].

Подобный ход дел хорошо описал депутат в Уложенную комиссию 1767 г. от однодворцев Белгородской губ. Маслов. По его словам: «Бедные просители на своих обидчиков писали в Правительствующий Сенат и Военную Коллегию». Из упомянутых учреждений в 1755 г. Белгородскую и Воронежскую губернские канцелярии пришёл Указ, в котором предписывалось удовлетворить просьбу обиженных. И хотя бы дело было решено в пользу потомков мелких служилых людей [24, с. 172], местные власти вовсе не считались с этими указами Сената и Военной коллегии. Захват однодворческих земель продолжался по-прежнему, если не усилился [13, л. 59]. Так проявлялся дополнительный плачевный плод регионального вакуума – неисполнение постановлений свыше.

Следующей инстанцией, где однодворцы искали помощи, являлся сам государь. Этот процесс показательно отражён ниже. Крепостные крестьяне, по указанию своей помещицы, надворной советницы Тургеньевой, незаконно завладели более чем 500 дес. однодворческой земли возле дер. Хотемля Фатежского у., собрали с неё более 1 000 копен ржи и вырубали леса на 5 000 рублей. После разбирательства Фатежский уездный суд признал землю за помещицей, а однодворцы в 1808 г. отправили своего поверенного З. Емельянова с жалобой к императору [18, с. 57–58]. Данный случай ценен тем, что, во-первых, демонстрирует реалистичность однодворцев и нежелание продолжать судебные иски в местных инстанциях. Во-вторых, он хорошо характеризует отношение потомков служилых людей к царственным особам, которые отражены в одном их Наказе сер. XVIII в.: «...хотя государи и «защищали нас безгласных, аки овец, от похищения волков», однодворцы «получили от своих командиров наглое разорение» [3, с. 47]. Другими словами, по мнению потомков мелких служилых людей, местные чиновники не все чисты на руку, а некоторые и совсем «разорители», а вот царь – «заступник». От этого сами Наказы обращены именно к императрице [19, с. 246]. Нужно отметить, что такое мышление не являлось исключительной особенностью лишь однодворцев, но всего российского народа, в целом. Это хорошо отражено у многих исследователей [25, с. 39].

Совместно с нарративом о царе-заступнике в мышлении масс одновременно коренилось мнение о неэффективности женской власти. Например, весной 1739 г. на одном застолье пьяный однодворец Г.И. Истомин отказался выпить за здоровье Анны Ивановны. При этом он сказал: «...я де про бабье здоровье пить не стану, у нас де ныне на царстве царя нет, а баба де что знает, у бабы де волос долог, да ум короток... она де нас разоряет» [2, с. 305]. Общество объясняло преступные действия судей и чиновников тем, что царствовали женщины, которые, по их мнению, были лишены способностей для такого большого и ответст-

венного дела, как управление государством. Это настроение было довольно широко распространено. Особенно непопулярны были Анна Ивановна и её правительство. Крестьяне ругали императрицу «каналей», «собакой» и другими «непочтительными» словами. Староста Ф. Яковлев из с. Шарова Белгородской губ. обругал непечатными словами не только указ Анны Ивановны от 1731 г. о сборе недоимок, но и саму императрицу, за что он и был нещадно бит кнутом [2, с. 304].

Несмотря на такое двойственное отношение к царственным особам им продолжали жаловаться. Более того, просьба об их ходатайстве была настолько действенна, что встречались случаи, когда методы её блокировки доходили и до угроз убийства жалобщика. Наглядно это представлено на следующем примере. Так, в 1805 г. помещик Яцын незаконно завладел землёй однодворца Машкина в с. Машкиной Белицы Дмитриевского уезда. Последний же написал жалобу о случившемся императору. Когда же узнал об этом Яцын, то приказал своим крестьянам убить Машкина. Это обстоятельство побудило однодворца скрываться в г. Курске [7, л. 213]. Последняя реакция очень ярко показывает, что помещик-захватчик боялся правды и особенно наказания за неё. Следовательно, жалобы реально действовали.

Теперь же попробуем описать случаи наказания злочестивых чиновников, в том числе по причине различных судебных решений и дошедших до адресата однодворческих жалоб. И действительно роль последних в высшие государственные инстанции имела неоспоримое влияние на ход судопроизводства, т.к. у однодворцев в этом случае появлялась возможность вынести сведения о происшедшем до лица, которое было бы беспристрастно к его делу. Следствием такого подхода являлись выявление многих злоупотребителей, отстранение их от службы, а порой и арест некоторых из них. Приведём несколько примеров описанного явления. В сер. XVIII в. на ландмилицкого бригадира М.Р. Дивьера было подано 59 челобитных из-за того, что он насильственно захватил 1 633,5 четв. земли и 119 домов, расположенных в четырёх сёлах на Украинской линии, принадлежащих валуйским однодворцам и казакам. Преступление было настолько явным и получило такую большую огласку, что Военная коллегия распорядилась в 1749 г. «те земли со всеми угодьями отдать прежним владельцам буде же (Дивьер – М.Р.) отдавать не станет, за то у него жалование удержать» [23, с. 99–100].

Наказания чиновников распределялись по строгости. За одни от службы отстраняли, а за другие – следовал только выговор. Начнём с представления примеров с первым исходом. Так, после жалоб ливенских однодворцев в Сенат на нападения и притеснения со стороны коллежского асессора Трубицына, последнего отстранили от должности в 1760 году [22, с. 117]. В те же 1760-е годы за злоупотребления в питейных делах лишили чина, без возможности определения к службе, товарища белгородского губернатора П. Безобразова, ранее занимавшего должность воеводы корочанского уезда. Правда, последнему через четыре года гарантировали возврат чина [17, с. 48].

Наконец, нужно отметить освобождение от занимаемой должности воронежского губернатора Пушкина в 1760 г. «по причине оказавшихся подозрений». Последние состояли в том, что воронежская губернская канцелярия не разбирала однодворческих жалоб вследствие дружественных отношений захватчика их земли Трубицына с губернатором. Правда, Пушкина отстранили без всякого штрафа, причём по его челобитной ему даже выдали жалованье, за всё время пока длилось следствие [22, с. 117]. Отстранение было справедливым, т.к. хвост преступлений губернатора тянулся ещё долго. В 1762 г. выяснилось потворство Пушкина валдмейстеру Вельямнову, который за время пребывания на своей должности всякими способами вымучил у однодворцев свыше 23 тысяч руб., из которых более половины перешло в руки главы региона. Сама следственная комиссия должна была признать, что «все те наглости и беззакония Лука Вельяминов с помощью губернатора чинил» [22, с.

118]. Кстати, после следствия валдмейстера Вельяминова тоже отстранили от должности [22, с. 117].

После другого злодеяния чиновнику также запретили дальнейшую службу. Так, в 1797 г. Правительствующий Сенат слушал дело межевой канцелярии о землемере поручике Давыдове осуждённом в «непорядочном снятии земель Козловского уезда однодворческого села Чурилова, и в отмежевании разным лицам проданных им от лица канцелярии казённых земель». После рассмотрения дела Сенат 22 июня 1797 г. приказал: «хотя землемер Давыдов... подлежал присуждённому военным судом наказанию... но поелику всё... было им соделано до... Всемиловитых манифестов судьбу преступников обличающих... и как он... из землемеров исключён и ныне находится без должности, то согласно мнению межевой канцелярии оставя ево въ нынешнем положении, впредь никаким делам не определять» [9, л. 695].

Переходя к следующей категории наказаний, отметим, что при совершении менее значимых ошибок чиновников после выговора всё же оставляли «у дел». Известен случай кон. XVII столетия, когда впоследствии многочисленных жалоб в Разрядный приказ из последнего пронскому воеводе Ракитину была отправлена «послушная грамота», извещавшая его о назначении над ним следствия. Одновременно с этим из Разряда была послана грамота в Тулу стольнику воеводе И.И. Засецкому с указом отправить в Пронск губного старосту или «из отставных дворян и детей боярских, кого пригоже, и с ним подьячего и против отписки Ляпунова пронского воеводу Ракитина расспросить». Ещё в грамоте предписывалось сотскому дать очную ставку, а «после очной ставки выслать его, Дмитрия, в иной город, куда пригоже, а выслав: сыскать про то градскими и жилецкими людьми вправду, а сыскав ехать тому сыщику и подьячему на Тулу, а Дмитрию Ракитину в Пронску велеть быть по прежнему» [15, с. 47]. Иными словами, уже до следствия, не зная его результатов, подозреваемого воеводу из Разрядного приказа предписывали оставить на том же месте. Видимо, его желали только припугнуть.

Другой случай тоже констатирует наказание чиновника с последующим продолжением его деятельности. Так, 24 марта 1746 г. Белгородская губернская канцелярия определила за «ложные за собою слова и дела государева сказывание» подьячего М. Агеева вместо кнута наказать плетью. В 1752 г. Валуйская уездная канцелярия обвиняла того же Агеева в избиении ландмилицкого драгуна Ф. Морозова, а также в грабеже денег. В том же учреждении Агеева обвиняли «в даче приводному вору К. Редкину пашпорта, по которой де вор с указных розысков в том утвердили». Наконец, Агеев был обвиняем в том, что он «валуйской градской Пятницкой церкви з дьячихою Ириною Ивановой дочерью пойман в блудном падении». Несмотря на все упомянутые злодеяния в 1760-х гг. Агеев продолжал свою государственную службу подьячего в Путивльской воеводской канцелярии [14, л. 216–218].

Мягкость наказания подтверждается и в следующем случае. Известно, что «со стороны Рыльского уездного суда имелось упущение по делу о крестьянине Бондареве, при производстве которого Свиблоцкий был секретарём». Последний за свою ошибку отделался выговором, а 9 декабря 1841 г. уже коллежский регистратор И.П. Свиблоцкий просил об утверждении его в должности столоначальника [8, л. 45]. Следовательно все перечисленные случаи относились к той категории преступлений, которая классифицировалась в качестве несущественных. И действительно никто не может работать совершенно без ошибок.

Таким образом, несмотря на мягкость взысканий по отношению к злоупотребителям, нельзя заявить о полной безнаказанности чиновничества. Нужно отметить, что даже представители высшей аристократии при захватах однодворческой земли не были застрахованы от наказаний. Ведь жалобы в столичные инстанции нередко касались и их. Об интересном факте заступничества высшего чиновничества и самого императора за однодворцев во время их земельного конфликта с представителем аристократии написано в статье Н.А. Касинова [16, с. 60]. Автор рассматривает исторический прецедент во второй пол. XVIII в. в од-

ном однодворческом селении Саратовского края, расположенного на стыке границ Тамбовской и Воронежской наместничеств. Случай настолько примечателен, что ему стоит уделить особое внимание.

Во втор. пол. XVIII в. у однодворцев с. Свинухи несправедливо забрали 800 дес. земли, с горячей руки отрезав её фавориту графу А.Р. Воронцову. После длительных жалоб на высочайшее имя от однодворцев за них заступился земляк, выходец из саратовских дворян и просто честный чиновник П.Х. Оболянинов¹. Сторону потомков мелких служилых людей тоже утвердительно занял император Павел I. На этот парадокс, выходящий из материалистических рамок, марксистская теория «борьбы классов» не ответила бы вразумительно, потому что причины описанного явления кроются в совокупности личностного и нечеловеческого факторов [16, с. 62].

К личностному фактору нужно отнести честность Оболянинова, а также общеизвестную любовь Павла I, с одной стороны, к справедливости, а с другой – к щедрости [5, с. 212–216; 21, с. 121]. К фактору промысла Божия в этом деле нужно отнести влияние международной политической конъюнктуры. Ведь если смотреть в данное событие глубже, то именно тогда произошёл разлад между Англией и Россией, сблизивший последнюю с Францией [1, с. 99]. Воронцовы же относились к английской партии [20, с. 224]. Возможно отобрание у графа в пользу однодворцев этих 800 дес. земли, которые высокопоставленному вельможе не были ничем не замещены, являлось для него монаршей немилостью [16, с. 64]. На наш взгляд, такая совокупность обстоятельств вполне могла повлиять на решение дела в пользу однодворцев.

Следовательно, произошедший факт в с. Свинуха доказывает, что случаи, когда чиновники занимали сторону потомков мелких служилых людей в их спорах с «сильными мира сего» имели место исторической действительности [16, с. 65]. В исследовании Н.А. Благовещенского тоже имеется ряд фактов, свидетельствующих о том, что однодворцы довольно-таки часто выигрывали дела о спорной земле с помещиками [4, с. 176, 224, 307]. Особенно увеличилось число этих бюрократических побед после учреждения Министерства государственных имуществ (далее – МГИ). Последнее вело активную политику в направлении уменьшения захватов, в том числе в сфере размежевания государственных земель от частных лиц [6, с. 178]. Косвенные подтверждения данному процессу мы наблюдаем в речах Тургеневского персонажа однодворца Овсянникова. Правда, последний причину этого явления усматривал не в совершенствовании бюрократической системы, а в «обмельчании дворянства» [26, с. 107].

Таким образом, постепенное частное «закручивание гаек» управленческого аппарата, начавшееся при Павле I, доросло до комплексных мер учреждения МГИ. Хорошо это прослеживается на примере несправедливых арестов однодворцев для длительного держания под караулом, отрывающего их от сельскохозяйственных работ. Озвученная мера часто использовалась для того, чтобы склонить потомков мелких служилых людей к решению, которое было желательным для злонамеренных чиновников. Например, в 1840-х гг. для того, чтобы вызвать однодворца Ф.А. Горяинова на дознание к фатежскому окружному начальнику курское губернское правление прежде уведомляло курскую палату государственных имуществ [10, л. 832–833]. Конечно, борьба с несправедливыми задержаниями прослеживалась и ранее, но она в то время всё же имела частный, а не системный характер. Один такой случай нам удалось зафиксировать, когда 11 октября 1760 г. в старооскольскую воеводскую канцелярию был прислан приказ о том, чтобы однодворцев Л. Тетюрева, С. и М. Улубушевых из д. Улыбушевой Старооскольского у. «буде до них таких дел, по коим держать долж-

---

¹ 2 февраля 1800 г. император Павел I назначил Петра Хрисанфовича Оболянинова (1752 – 1841) генерал-прокурором Сената. Последний имел вспыльчивый, грубый и невоздержанный нрав, однако, взяток совершенно не брал.

но, не касается, немедленно ис под караула освободить. А когда состоят в произвождении от них дела, оныя с описми, оставя копии, к рассмотрению прислать в Губернскую канцелярию». В последнюю о потомках служилых людей ходатайствовала однодворческая канцелярия [14, л. 284]. Следовательно, со временем перечень методов поддержания вакуума чиновнических злоупотреблений постепенно уменьшался.

Совершенствование системы прослеживалось и в следующей сфере деятельности. Она отчётливо видна на примере пресечения попытки содействия чиновником помещику во время размежевания с однодворцами, который прослеживался в Рыльском у. во втор пол. XIX века. Там государственные крестьяне из д. Поповы Лежачи через своего поверенного Ф. Князева дали окружному начальнику Шпекину добровольное согласие на размежевание с соседними помещиками. Однодворцы думали, что следствием ожидаемого процесса будет прирезка к их обществу 36 дес. 215 саж удобной земли. Однако, они не предполагали о смене окружного начальника, который в предстоящем размежевании склонился на сторону помещиков. Когда уездный землемер Богуславский на месте показал однодворцам, что из 36 дес. 215 саж. земли, которую им следовало прирезать, только 10 дес. будет удобной, то они в своём прежнем решении попятиться назад. Всем управленческим инстанциям государственные крестьяне начали говорить, что добровольно не соглашались на размежевание, а документы, подтверждающие их согласие – поддельные. В 1843 г. началось расследование, к которому, несмотря на незначительность масштабов дела, для выяснения деталей были привлечены Рыльский уездный суд, Курская палата государственных имуществ, губернское правление, губернатор и даже Сенат. По итогам расследования виновным оказался окружной начальник Могилянский, которому сделали выговор «за нерадение по службе» [11, л. 202–235].

Данный пример поражает своей контрастностью с методологией решения земельных споров с предыдущим XVIII столетием. Здесь для рассмотрения дела о 36 десятинах земли было задействовано множество уровней власти и, главное, в итоге виновным оказался уездный чиновник. Напомним, что в XVIII в. прирезки сотен десятин однодворческой земли ставались наверху незамеченными [3, с. 87].

4. Заключение

Подводя итог настоящей статьи, о пороке системы отметим то, что довольно-таки справедливые и грамотные постановления из высших государственных инстанций часто не исполнялись в среде некоторых злочестивых региональных чиновников. Когда их преступления направлялись в сторону однодворцев, то встречало достойное сопротивление по причине менталитета последних, формировавшегося от воинственного характера и образованности. Поэтому потомки служилых людей довольно-таки часто отстаивали свои интересы в законном, т.е. судебно-жалобном порядке. Чиновники и помещики всячески противодействовали означенной инициативе однодворцев. Рано или поздно последние осознавали малую эффективность местной судебной волокиты и начинали поиск справедливости в высших и беспристрастных инстанциях. Нередко им удавалось преодолеть вышеупомянутый региональный вакуум и их предприятия заканчивались успехом, а обидчика – наказывали.

Однако, дополнительными горькими плодами наличия регионального вакуума являлись как изначальное неисполнение высших постановлений, так и последующее. В этом плане часто встречались случаи, когда изданные в пользу однодворцев указы, подтверждённые Сенатом, на местах не выполнялись. Встречались провалы даже на уровне самой просьбы о заступничестве. В лучшем случае жалобщиков отправляли заново пройти все круги судебной волокиты. В худшем исходе таких разбирательств судящийся и жалующийся однодворец мог потерять значительную часть своего имущества. Выделим и то, что силу местного притяжения однодворцам не удавалось пройти не только из-за чьей-либо частной злонамеренной воли, но и из-за общих порядков системы, построенной на

строгой иерархии. Ей-то вместе с медленностью судопроизводства, а также крепкими социальными связями предстоящих «у дел» с помещиками и прикрывались сторонники регионального вакуума.

Нужно отметить, что разные государственные коллегии и министерства не имели одинакового уровня лояльности к жалобам однодворцев, а руководствовались в основном своими корпоративными интересами. Например, Вотчинная Коллегия решала дела в пользу помещиков, а Военная – в сторону однодворцев. Поэтому более беспристрастное исследование дела можно было найти только в инстанциях, возвышающихся над министерствами. Выделим ещё и двойственное отношение к царственным особам в среде потомков служилых людей, в котором общие надежды на царя-заступника сочетались с мнением о неэффективности женской власти. Несмотря на это просьбы о помощи к царственным особам продолжались. Последнее было вызвано тем, что личные ходатайства за однодворцев свыше являлись наиболее эффективными. Именно они находили самое яростное сопротивление у сторонников вакуума региональных злоупотреблений, что можно считать ярким свидетельством их действительности.

В исследовании мы заметили, что судебной волоките в противоположность ставилась эффективная работа системы управления, индикатором которой являлись наказания злонамеренных чиновников. С помощью жалоб и постоянного судопроизводства с участием однодворцев региональная система управления действительно проходила самоочищение. Этот процесс вполне можно назвать обратной связью высшей власти, правда, которую на местах, часто пытались прервать.

В целом же наказания чиновников в исследуемое время не были суровы. Их можно охарактеризовать как мягкое и бережное отношением к своим кадрам. Несмотря на последнее, нельзя заявить о полной безнаказанности предстоящих «у дел». Наказания постоянно прослеживались, распределялись по строгости меры взыскания с виновного и затрагивали практически все уровни власти. За преступления отстраняли от службы, за ошибки – следовал лишь выговор, а за злоупотребления – конфисковали имущество. Градация прослеживалась и в длительности наказания, т.к. одних чиновников от службы отлучали навсегда, а других – только на некоторое время. Нужно выделить постоянное совершенствование системы управления. Наиболее отчётливо оно прослеживалось при сопоставлении одних и тех же явлений в разных исследуемых временных промежутках.

Однодворцы действительно нередко выигрывали дела о спорной земле с помещиками. Особенно число упомянутых бюрократических побед увеличилось после учреждения Министерства государственных имуществ. В этом плане наиболее ярко выглядит отношение судопроизводства к объёмам захваченной земли. То, что в XVIII столетии оставалось незамеченным, то в XIX в. – уже пристально исследовалось и в случае злоупотреблений наказывалось. В ногу с общим совершенствованием системы шло уменьшение общегубернских земельных наделов на душу населения, которое существенно обостряло ожесточённость конфликтов за захваченные угодья.

Совершенствование системы прослеживалось и в уменьшении роли влияния помещиков на землепользование однодворцев, хотя некоторые причину этого явления находили в «обмельчании самого дворянства». В целом же со временем перечень методов поддержания регионального вакуума постепенно уменьшался. Однако, одновременно с этим процессом шло приспособление и изобретение новых способов чиновнических злоупотреблений.

Список источников и литературы

1. Александренко, В. (1898). *Император Павел I и англичане. (Извлечение из донесений Витворта)* // Русская старина. Т. 96. № 10. с. 93–106.

2. Алефиренко, П. К. (1958). *Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века*. М.: Изд-во Акад. Наук СССР. 421 с.
3. Белявский, М. Т. (1984). *Одноворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767 – 1768 гг.)*. М.: Изд-во Московского университета. 268 с.
4. Благовещенский, Н. А. (1899). *Четвертное право*. М.: Тип-я Тов. Кушнерев и Ко. 538 с.
5. Бошняк, К. К. (1882). *Рассказы старого пажа о времени Павла I, записанные сыном пажа* / Записал А. К. Бошняк // *Русская старина*. Т. 33. № 1. С. 212–216.
6. Дружинин, Н. М. (1946). *Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева*. Т. 1. М.: Изд-во Акад. Наук СССР. 633 с.
7. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9202.
8. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32.
9. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 612.
11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 727.
12. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 938.
13. ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69.
14. ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 143.
15. Готье, Ю. В. (1913). *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*. Т. 2. М.: Изд. Акад. Наук СССР. 308 с.
16. Касинов, Н. А. (2014). *Граф А. Р. Воронцов в истории села Свинухи* // *История Прихоперья и Балашёвского уезда. Сборник статей краеведов*. Вып. 4. Балашов: Николаев. С. 50–65.
17. Колотушкин, А. А. (2014). *История иницируемого государством расследования служебных нарушений белгородского вице-губернатора Б.И. Пассека* // *Приволжский научный вестник*. № 7(35). Ижевск: ООО «ПервопечатникЪ». С. 47–50.
18. Кудланов, К. Б. (2023). *Социальное развитие Курской губернии в первой четверти XIX века*. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2023. 197 с.
19. Лаппо, Ф. И. (1950). *Наказы одноворцов как исторический источник* // *Исторические записки*. Т. 35. М.: Изд-во Акад. Наук СССР. С. 239–259.
20. Минаков, А. Ю. (2013). *Русская партия в первой четверти XIX века*. Москва: Ин-т русской цивилизации. 521 с.
21. Порошин, С. А. (1844). *Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича наследника престола российского*. СПб. 563 с.
22. Проторчина, В. М. (1955). *К истории воронежских одноворцов в XVIII веке* // *Известия Воронежского пединститута*. Вып. XIX. С. 107–133.
23. Рабинович, М. Г. (1976). *Положение одноворцов переселяемых в 30–50-е годы XVIII в. на украинскую пограничную линию* // *Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно)*. Минск. с. 95–104.
24. Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). (1882). Т. XXXVI. СПб. с. 170–420.
25. Сухачевский, О. В. (1995). *Воронежские самозванцы* // *Краеведение. Воронеж и Воронежская область. О предшественниках Пугачёва, самозванцах, выдававших себя за царя Петра III*. Воронеж: Самиздат. С. 37–43.
26. Тургенев, И. С. (1909). *Одноворец Овсянников* // *Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов 1847–1876*. СПб.: тип. Глазунова. 385 с.

References

1. Aleksandrenko, V. (1898). *Imperator Pavel I i anglichane. (Izvlecheniye iz doneseniye Vitvorta)* [Emperor Paul I and the British. (Extract from Whitworth's reports)] in *Russkaya starina*, 96, 10, 93–106. (in Russian).
2. Alefirenko, P. K. (1958). *Krest'yanskoye dvizheniye i krest'yanskiy vopros v Rossii v 30–50-kh godakh XVIII veka* [Peasant movement and the peasant question in Russia in the 30-50s of the XVIII century]. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ. (in Russian).
3. Belyavskiy, M. T. (1984). *Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767 – 1768 gg.)* [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767 – 1768)]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ. (in Russian).
4. Blagoveshhenskij, N. A. (1899). *Chetvernoye pravo* [Quarter right]. Moscow, Kushnerev i Ko. (in Russian).
5. Boshnyak, K. K. (1882). *Rasskazy starogo pazha o vremeni Pavla I, zapisannyye synom pazha* [Tales of an old page about the time of Paul I, recorded by the son of a page] in *Russkaya starina*. 33, 1, 212–216. (in Russian).
6. Druzhinin, N. M. (1946). *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State peasants and the reform of P.D. Kiseleva]. Moscow, I, Akademia Nauk SSSR Publ. (in Russian).
7. State archive of the Kursk region (hereinafter – GAKO), f. 1. op. 1, d. 9202.
8. GAKO, f. 4. op. 1, d. 32.
9. GAKO, f. 33. op. 1, d. 1.
10. GAKO, f. 33, op. 1, d. 612.
11. GAKO, f. 33, op. 1, d. 727.
12. GAKO, f. 33, op. 1, d. 938.
13. GAKO, f. 33, op. 1, d. 69.
14. GAKO, f. 33, op. 1, d. 143.
15. Got'ye, YU. V. (1913). *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Yekateriny II* [History of regional administration in Russia from Peter I to Catherine II]. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ., 2. (in Russian).
16. Kasinov, N. A. (2014). *Graf A.R. Vorontsov v istorii sela Svinukhi* [Count A.R. Vorontsov in the history of the village of Svinukhi] in *Istoriya Prikhoper'ya i Balashovskogo uyezda. Sbornik statey krayevedov*. Balashov, Nikolayev, 4, 50–65. (in Russian).
17. Kolotushkin, A. A. (2014). *Istoriya initsiiruyemogo gosudarstvom rassledovaniya sluzhebnykh narusheniy belgorodskogo vitse-gubernatora B.I. Passeka* [The history of the state-initiated investigation into official violations of the Belgorod vice-governor B.I. Passeka] in *Privolzhsky Scientific Bulletin*, 7 (35). Izhevsk, Pervopechatnik LLC, 47–50.
18. Kudlanov, K. B. (2023). *Sotsial'noye razvitiye Kurskoy gubernii v pervoy chetverti XIX veka* [Social development of the Kursk province in the first quarter of the nineteenth century]. Kursk, Publishing House of University Book (in Russian).
19. Lappo, F. I. (1950). *Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik* [The Orders of the one-courtyard people as a Historical Source] in *Istoricheskiye zapiski*. Moscow, Akademia Nauk SSSR Publ., 35, 239–259. (in Russian).
20. Minakov, A. YU. (2013). *Russkaya partiya v pervoy chetverti XIX veka* [Russian party in the first quarter of the XIX century]. Moscow, Institute russkoy tsivilizatsii. (in Russian).
21. Poroshin, S. A. (1844). *Zapiski, sluzhashchiye k istorii Yego Imperatorskogo Vysochestva blagovernogo Gosudarya Tsesarevicha i Velikogo Knyazya Pavla Petrovicha naslednika prestolu rossiyskogo* [Notes, serving to the history of His Imperial Highness the right-believing Sovereign Tsesarevich and Grand Duke Pavel Petrovich, heir to the throne of Russia]. Sankt-Petersburg. (in Russian).

22. Protorchina V. M. (1955). *K istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke* [On the history of Voronezh one-courtyard people in the XVIII-th century] in *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta*, XIX, 107–133. (in Russian).

23. Rabinovich, M. G. (1976). *Polozheniye odnodvortsev pereselyayemykh v 30–50-ye gody XVIII v. na ukrainskuyu pogranichnuyu liniyu* [The situation of the single-court resettled in the 30–50s years of XVIII century to the Ukrainian border line] in *Problemy agrarnoy istorii (s drevneyshikh vremen do XVIII v.)*. Minsk, 95–104. (in Russian).

24. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. (1882). Sankt-Petersburg, XXXVI, 170–420. (in Russian).

25. Sukhachevskiy, O. V. (1995). *Voronezhskiyе samozvantsy* [Voronezh impostors] in *Krayevedeniye. Voronezh i Voronezhskaya oblast'. O predshestvennikakh Pugachova, samozvantsakh, vydavavshikh sebya za tsarya Petra III*. Voronezh, Samizdat, 37–43. (in Russian).

26. Turgenev, I. S. (1909). *Odnodvoretz Ovsyannikov* [Smallholder Ovsyannikov] in *Zapiski okhotnika. Polnoye sobraniye ocherkov i rasskazov 1847 – 1876*. Sankt-Petersburg, Glazunova Publ. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-102-108>
УДК 94(47)

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА В ЗАРОЖДЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ**

А. М. Ипатов,

А. Н. Меркулов

*Воронежский государственный педагогический университет,
ул. Ленина, д. 86, Воронеж, 394043, Россия*

Аннотация.

Введение. Статья посвящена анализу вклада великого князя Александра Михайловича в зарождение отечественных Военно-воздушных сил. Авторы подчеркивают, что вопреки минимизации роли этого выдающегося государственного деятеля в советской историографии, он самым непосредственным образом благодаря личным способностям и настойчивости сумел добиться важнейшей задачи для обороноспособности Российской империи – создания собственной авиации и системы подготовки авиационных специалистов. Актуальность публикуемых материалов обуславливается как в целом интересом к истории возникновения и первых лет развития отечественной авиации, так и к императорскому дому Романовых, в частности. **Материалы и методы.** Благодаря анализу специальной научной литературы, а также периодических изданий начала XX в., удалось сделать вывод о существенной роли, которую сыграл великий князь Александр Михайлович в становлении российской военной авиации. Этому способствовало и применение историко-генетического метода, позволяющего рассмотреть ранний этап истории Военно-воздушных сил нашей страны. **Результаты.** Как и большинство других представителей династии Романовых, не занимавших престол, Александр Михайлович посвятил свою жизнь служению на благо Отечества. Полученное военное образование и любовь к морю увлекли молодого великого князя к службе в Военно-морском флоте. Интеллектуальные и творческие способности позволили ему сделать ряд открытий, а также оставить после себя несколько научных изысканий в области мореплавания и судоходства. Однако подлинный вклад на государственном уровне великий князь внес в зарождение военной авиации, увлекшись за границей новым видом транспорта. Верно осознав роль ВВС в деле защиты государственных рубежей, на протяжении ряда лет он своей многогранной деятельностью подвел страну к созданию собственного Военного воздушного флота. **Заключение.** На сегодняшний день не вызывает сомнений, что Александр Михайлович проявил самое деятельное участие в становлении российских Военно-воздушных сил, что признано, в том числе, официально, на государственном уровне в 2012 г.

Ключевые слова: великий князь Александр Михайлович, Николай II, Военно-воздушные силы, зарождение, Российская империя, подготовка авиационных специалистов.

Для цитирования: Ипатов, А. М., Меркулов А. Н. (2024) К вопросу о роли великого князя Александра Михайловича в зарождении отечественных военно-воздушных сил // История: Факты и символы. № 1 (38). С. 102-108 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-102-108>

Статья поступила: 10.10.2023

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Ипатов А., Меркулов А., 2024

**ON THE QUESTION OF THE ROLE OF THE GRAND DUKE
ALEXANDER MIKHAILOVICH IN THE BIRTH
OF THE RUSSIAN AIR FORCE**

Alexey Ipatov,

Aleksandr Merkulov

Voronezh State Pedagogical University,

st. Lenina, 86, Voronezh, 394043, Russian Federation

Abstract.

Introduction. The article is devoted to the analysis of the contribution of Grand Duke Alexander Mikhailovich to the birth of the Russian Air Force. The authors emphasize that despite the concealment or minimization of the role of this outstanding statesman in Soviet historiography, he was able to achieve the most important task for the defense capability of the Russian Empire – the creation of his own aviation and the system of training aviation specialists, thanks to his personal abilities and perseverance. The relevance of the published materials is determined both in general to the history of the emergence and the first years of the development of domestic aviation, and to the imperial house of the Romanovs, in particular. **Materials and methods.** Thanks to the analysis of special scientific literature, as well as periodicals of the early 20th century, it was possible to conclude that Grand Duke Alexander Mikhailovich made a great personal contribution to the development of Russian military aviation. This was facilitated by the use of the historical-genetic method, which allows us to consider the early stage of the history of the Air Force of our country. **Results.** Like most other representatives of the Romanov dynasty who did not occupy the throne, Alexander Mikhailovich devoted his life to serving for the good of the Fatherland. His military education and love of the sea attracted the young Grand Duke to serve in the Navy. Intellectual and creative abilities allowed him to make a number of discoveries, as well as leave behind several scientific studies in the field of navigation and shipping. However, the Grand Duke made a genuine contribution at the state level to the birth of military aviation, being carried away abroad by a new type of transport. Having correctly realized the role of the Air Force in protecting state borders, for a number of years, through his multifaceted activities, he led the country to create its own Military Air Fleet. **Conclusion.** To date, there is no doubt about the significant contribution of Grand Duke Alexander Mikhailovich to the birth of the Russian Air Force, which was recognized, including officially, at the state level in 2012.

Keywords: Grand Prince Alexander Mikhailovich, Nicholas II, Air Force, origin, Russian Empire, training of aviation specialists.

For citation: Ipatov A., Merkulov A. (2024). On the question of the role of Grand Prince Alexander Mikhailovich in the emergence of the domestic air force In *History: Facts and Symbols*. No. 1 (38), pp. 102-108 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-102-108>

Received: 10.10.2023

Revised: 02.08.2024

Published: 15.03.2024

© Ipatov A., Merkulov A., 2024.

1. Введение

Начиная с 1998 г. по инициативе занимавшего тогда должность Главкома ВВС генерала армии П.С. Дейнекина ежегодно в Российской Федерации 12 августа отмечается профессиональный праздник военнослужащих и ветеранов Военно-воздушных сил. Дата празднования выбрана отнюдь не случайно – ведь именно в этот день в далеком уже 1912 г.

Военным ведомством Российской империи согласно приказу № 397 Генеральному штабу было поручено начать формирование в стране первого подразделения воздухоплателей [1]. Руководство им было поручено генерал-майору М.И. Шишкевичу. Фактически это событие можно с уверенностью обозначить как зарождение отечественной военной авиации. Однако в силу ряда обстоятельств на протяжении длительного времени был обойден вниманием человек, внесший огромный личный вклад в отделение авиации от воздухоплавания и давший импульс развитию отечественных Военно-воздушных сил. Речь идет о великом князе Александре Михайловиче.

2. Материалы и методы

Несмотря на бесспорные успехи советской эпохи, связанные с развитием ВВС, их совершенствованием, боевым «крещением» в многочисленных вооруженных конфликтах, в которых отечественные авиаторы демонстрировали высочайший уровень летной и конструкторской подготовки, в виду ряда причин (идеологических, политических, конъюнктурных), руководством СССР сознательно замалчивался имперский вклад в зарождение авиации. Более того, в популярных изданиях, равно как и в научной литературе подчеркивалось, что в Российской империи развитие авиационной мысли сознательно тормозилось в силу отсталости государства и стремления правящих верхов максимально сдерживать развитие научно-технического прогресса. Имя человека, внесшего существенный вклад в зарождение и становление российской авиации – великого князя Александра Михайловича – оказалось в данной области фактически вычеркнуто из анналов истории. Весьма спорные клише об отсталости государства и стремлении правящей династии Романовых подавить все научные достижения и сегодня периодически встречаются в различных публикациях [2, с. 387]. Вдумчивый же анализ существующих научных работ и соответствующей периодики начала XX в. позволяет иначе взглянуть на этот вопрос и скорректировать представления о роли представителей царской фамилии в процессе зарождения Военно-Воздушных сил в России.

3. Результаты

Можно смело констатировать, что в последние годы усилился исследовательский интерес к личности и деятельности великого князя Александра Михайловича – дяди последнего российского императора, безусловно, являлся неординарной личностью, масштабы которой не оценены еще по достоинству. Однако в советский период его происхождение, дружба с императором, женитьба на его родной сестре, оппозиция прогрессивному реформаторскому курсу С. Ю. Витте, выезд за границу после прихода к власти большевиков, – явились факторами, приведшими к тому, что имя великого князя фактически было вычеркнуто из скрижалей отечественной истории, либо, если упоминалось, то неизменно в негативном контексте.

Между тем, даже беглый взгляд на биографию Александра Михайловича позволяет судить о нем, как о неординарном человеке, интересы которого простирались далеко за рамки принятых в его кругу общения интересов. Воспитанный в соответствии с традициями царственной династии как военный, он сумел сделать успешную карьеру в военно-морском ведомстве. За годы службы он неоднократно совершал кругосветные путешествия на судах разных типов, активно печатал различные труды политического и научно-технического характера на тему развития торгового и военно-морского флотов. Кроме того, в 1891–1896 гг. по его инициативе издавался ежегодный справочник «Военные флоты иностранных государств и Морская справочная книжка» [7].

Понимание великим князем тенденций развития военно-морских флотов ведущих мировых держав привело его к составлению специальной записки, предназначенной императору, в которой было предсказано, что наиболее вероятным противником Российской империи в ближайшей войне будет Япония. Эта записка была составлена в 1895 г., а предполагаемая дата начала конфликта с дальневосточным соседом – 1903–1904 гг. Поразительная интуиция, или, правильнее сказать, верный анализ сложившейся ситуации и основанный на

этом прогноз. К сожалению, Николай II отклонил данную записку, показавшуюся ему фантастической, за что впоследствии горько поплатился. Дальнейшая деятельность Александра Михайловича была обусловлена противостоянием с уже упоминавшимся влиятельным государственным деятелем С. Ю. Витте. Если Великий князь считал приоритетом развитие военно-морского и торгового флота, особенно на Дальнем Востоке, то Сергей Юльевич все силы вкладывал в расширение сети железных дорог, в реализацию на практике грандиозной задумки Александра III по постройке магистрали Санкт-Петербург-Владивосток [9, с. 56–57]. Несмотря на разногласия, удивительным образом совпадали воззрения этих двух неординарных личностей на необходимость интенсификации азиатского направления внешней политики России. Только великий князь был противником активного привлечения иностранного капитала в российскую экономику, в то время как С.Ю. Витте считал невозможной без этого успешную модернизацию. И еще пример: Александр Михайлович был против посылки на Дальний Восток 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр, ибо считал их недостаточно подготовленными, а Сергей Юльевич в принципе был противником вооруженного конфликта с японцами, подписание непопулярного мирного договора с которыми в американском Портсмуте фактически поставило крест на его дальнейшей карьере [11].

Однако и деятельность великого князя после 1905 г. некоторое время была ограничена Балтийским флотом. В июле 1909 г. он дослужился до звания вице-адмирала. Именно тогда он возглавил Отдел Воздушного Флота, основанный на добровольные пожертвования в Особом комитете по усилению военного флота еще в феврале 1904 г. [10]. Откуда у убежденного мариниста был такой интерес к флоту воздушному? Все началось с поездки во Францию в 1909 г., где в один из июльских дней Александр Михайлович прочел в газетах информацию о перелете французского летчика и авиаконструктора Луи Блерио на разведывательном самолете Блерио XI через Ла-Манш. В своих воспоминаниях великий князь писал, будто он уже тогда понимал, что летательные аппараты тяжелее воздуха станут впоследствии не только популярным средством передвижения, но и эффективным оружием в случае войны [3, с. 191]. Средства Особого комитета (порядка 900 тыс. рублей) составили основную часть финансирования создающегося российского Военного Воздушного Флота (ВВФ). Вслед за своим дядей, авиацией увлекся и брат императора Николая II – Михаил Александрович [14].

После совещания с заинтересованными лицами (в частности, с генералом от кавалерии бароном А.В. Каульбарсом) Александр Михайлович с целью поиска места для организации авиационной школы отправился в Крым, где еще в 1908 г. в Севастополе был построен первый аэродром. Проведя необходимые подготовительные работы, 21 ноября 1910 г. здесь начала свою деятельность Севастопольская офицерская школа авиации. Первоначально местом ее дислокации было так называемое Куликово поле, однако в 1912 г. она была переведена на новое просторное место за рекой Качей в окрестностях Севастополя, давшей название прославленному неоднократно впоследствии военному летному училищу. Вокруг открывшейся авиационной школы вырос целый поселок с одноименным названием – Кача [4]. К 1914 г. школой было подготовлено 174 летчика, из них 21 происходил из низших армейских чинов, ибо в то время обучение пилотажу было скорее офицерской привилегией. Яркие воспоминания об учебе в Севастопольской военно-авиационной школе оставил российский генерал от авиации, участник Первой мировой и Гражданской войн (на стороне белых), эмигрант, после ареста СМЕРШ 10 лет проведенный в местах лишения свободы, В. М. Ткачев [13, с. 79–148]. Крупный отечественный специалист по истории подготовки авиационных кадров в России, доктор исторических наук, профессор А. В. Карташев справедливо отмечает, что в рамках формационного подхода, господствовавшего долгие годы в советской науке, было принято отсчитывать историю Качинского училища летчиков с 1920 г., то есть со времени перехода Крыма под власть большевиков. Иными словами, вклад имперских деятелей, в первую очередь великого князя Александра Михайловича, сознательно вы-

черкивался из истории [6]. Отметим, что сам великий князь лично присутствовал на торжественном открытии школы.

Благодаря настойчивости Александра Михайловича в течение нескольких лет Отделом воздушного флота на собранные средства (в том числе, выделенные лично из фонда великого князя) были приобретены за границей порядка 50 аэропланов, переданных для подготовки летных кадров в России. Параллельно его стараниями во Францию была отправлена для обучения группа летчиков, которые по возвращении должны были передать полученный опыт соотечественникам. Немного ранее открытия авиационной школы в поселке Кача первая школа по подготовке военных летчиков была организована на базе Учебного воздухоплавательного парка недалеко от Гатчины. Ее начальником был назначен генерал-майор А.М. Кованько.

Возвращаясь к заслугам Александра Михайловича перед отечественной авиацией, отметим, что во многом благодаря его усилиям в 1911 г. в Российской империи впервые на одном из аэропланов был установлен пулемет, а позднее проведен опыт аэрофотосъемки местности. В воспоминаниях в эмиграции он очень эмоционально обращался к этому эпизоду, когда Николай II в 1912 г. в ходе военных маневров с участием офицеров Качинской школы одобрил все же инициативу великого князя по созданию авиационных частей [3, с. 194].

Государственная Дума в мае 1912 г. принимает закон «Об отпуске средств на формирование авиационных отрядов и укомплектования их материальной частью», в результате чего становится возможным приступить к размещению заказов на изготовление военных самолетов [5, с. 10–12]. В следующем же году Александр Михайлович представил правительству «Общий план организации воздухоплавания и авиации в России». После того, как 1 марта 1913 г. он был одобрен императором Николаем II, авиация отделяется от воздухоплавания и становится самостоятельной структурой ВВФ. К тому моменту, когда началась Первая мировая война, отечественные военно-воздушные силы насчитывали «39 авиотрядов: 30 корпусных, 8 крепостных и полевой (армейский). Самолетный парк насчитывал 263 аппарата, воздухоплавательный – 15 дирижаблей и 46 привязных змейковых аэростатов» [12].

В годы Первой мировой войны Александр Михайлович Романов заведовал организацией авиации Юго-Западного фронта, впоследствии – всех фронтов. С 7 декабря 1916 г. он являлся полевым генерал-инспектором ВВФ [8, с. 244]. После отречения Николая II великий князь подал в отставку и отправился в Крым, откуда впоследствии выехал из России. Как оказалось – навсегда.

4. Заключение

Таким образом, приведенные выше факты убедительно свидетельствуют о выдающемся вкладе великого князя Александра Михайловича в зарождение отечественных Военно-воздушных сил. Долгие годы забвения закончились в последние десятилетия, свидетельством чему явилось открытие в Санкт-Петербурге в 2012 г. памятника-бюста «шефу Воздушного флота России», а также появление первых публикаций, посвященных различным аспектам его многогранной деятельности на благо Отечества. Думается, обращение к ранней истории отечественных ВВС будет способствовать более тщательному и верному пониманию того вклада, который вносили представители правящей династии, в том числе великий князь Александр Михайлович, в служение Отчизне.

Список источников и литературы

1. *12 августа – День Военно-воздушных сил России* (2021) // Военное обозрение. 12 августа 2021. URL: <https://topwar.ru/185848-12-avgusta-den-voenno-vozdushnyh-sil-rossii.html> (дата обращения 28.07.2023).

2. Болотова, О. В., Воложанина, Е. И, Сидоров, И. Т. (2013). *Политика в развитии авиации в дореволюционной России в конце XIX в. – начале XX в.* // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. № 9. Т. 2. С. 387–388.
3. Великий князь Александр Михайлович (1991). *Книга воспоминаний* / Предисл. и коммент. А. Виноградова. Москва: Современник. 270 с.
4. *Великий князь А. М. Романов – организатор русской военной авиации* (2008) // «Слава Севастополя». URL: <https://slavasev.ru/2008/01/09/velikiy-knyaz-am-romanov-organizator-russkoy-voennoy-aviacii/> (дата обращения 30.07.2023).
5. *История отечественной авиационной промышленности. Серийное самолетостроение, 1910–2010 гг.* (2010) / Под общ. ред. Д. А. Соболева. Москва: Русское авиационное общество (РУСАВИА). 432 с.
6. Карташев, А. В. (2007). *История подготовки военных авиационных специалистов в России*. Ставрополь: Сервисшкола, 2007. 65 с
7. Лашков, А. *Романов Александр Михайлович* // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=12354175@cmsArticle>. (дата обращения 01.08.2023).
8. Лебедев, В. Д. (2011). *Вклад великого князя Александра Михайловича в развитие Военно-морского флота и авиации России* // Вестник архивиста. № 2. С. 226–247.
9. Лебедев, В. Д. (2016). *Документы ГАРФ о государственной деятельности великого князя Александра Михайловича* // Отечественные архивы. № 1. С. 56–64.
10. Прасников, В. Б. (2006). *Отечественный опыт постройки кораблей на добровольные пожертвования* // Судостроение. № 5. С. 36–40.
11. Сагинадзе, Э. О. (2017). *Реформатор после реформ: С. Ю. Витте и российское общество, 1906–1915*. Москва: Новое литературное обозрение. 280 с.
12. *Создание Военного Воздушного Флота России и его развитие* // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://structure.mil.ru/structure/forces/air/news/more.htm?id=11225520%40cmsArticle> (дата обращения 05.08.2023).
13. Ткачев, В. М. (2007). *Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910–1917 гг.* Санкт-Петербург: ГИЦ «Новое культурное пространство». 640 с.
14. Хрусталева, В. М. (2020). *Великий князь Михаил Александрович и авиация (по архивным материалам ГАРФ)* // Первые Пермские научно-образовательные чтения «История Императорского Дома Романовых». Материалы научной конференции. 13 июня 2019 г. / Под ред. А. В. Громовой, С. В. Неганова. Пермь: АО «ИПП «Уральский рабочий». С. 204–217.

References

1. *12 avgusta – Den' Voенno-vozdushnyx sil Rossii* (2021) [August 12 - Day of the Russian Air Force] in *Военное обозрение*. 12 avgusta 2021. URL: <https://topwar.ru/185848-12-avgusta-den-voенno-vozdushnyh-sil-rossii.html> (date accessed 28.07.2023). (in Russian).
2. Bolotova, O. V., Volozhanina, E. I, Sidorov, I. T. (2013). *Politika v razvitii aviatsii v dorevoljucionnoj Rossii v kontse XIX v. – nachale XX v.* [Politics in the development of aviation in pre-revolutionary Russia in the late XIX century – early XX century] in *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki*. 9. 2. 387–388. (in Russian).
3. Velikij knyaz' Aleksandr Mikhajlovich (1991). *Kniga vospominanij* [The Book of Memories] Ed. A. Vinogradov, Moscow, Sovremennik. (in Russian).
4. *Velikij knyaz' A. M. Romanov – organizator russkoj voennoj aviatsii* (2008) [Grand Duke A.M. Romanov – organizer of Russian military aviation] in «*Slava Sevastopolya*». <https://slavasev.ru/2008/01/09/velikiy-knyaz-am-romanov-organizator-russkoy-voennoy-aviacii/> (date accessed 30.07.2023). (in Russian).

5. *Istoriya otechestvennoj aviapromyshlennosti. Serijnoe samoletostroenie, 1910–2010 gg.* (2010) [The history of the Russian aviation industry. Serial aircraft construction, 1910–2010.] Ed. D. A. Soboleva. Moscow: Russkoe aviatsionnoe obshchestvo (RUSAVIA). (in Russian).
6. Kartashev, A. V. (2007). *Istoriya podgotovki voennykh aviatsionnykh spetsialistov v Rossii* [History of Military Aviation Specialists training in Russia]. Stavropol, Servisshkola. (in Russian).
7. Lashkov, A. *Romanov Aleksandr Mikhajlovich* [Romanov Alexander Mikhailovich] in *Ministerstvo oborony Rossijskoj Federatsii*. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=12354175@cmsArticle>. (date accessed 01.08.2023). (in Russian).
8. Lebedev, V. D. (2011). *Vklad velikogo knyazya Aleksandra Mikhajlovicha v razvitie Voенно-morskogo flota i aviatsii Rossii* [Contribution of Grand Duke Alexander Mikhailovich to the development of the Russian Navy and aviation] in *Vestnik arkhivista*. 2. 226–247. (in Russian).
9. Lebedev, V. D. (2016). *Dokumenty GARF o gosudarstvennoj deyatel'nosti velikogo knyazya Aleksandra Mikhajlovicha* [Documents of the GARF on the state activity of Grand Duke Alexander Mikhailovich] in *Otechestvennye arkhivy*. 1. 56–64. (in Russian).
10. Prasnikov, V. B. (2006). *Otechestvennyj opyt postrojki korablej na dobrovol'nye pozherstvovaniya* [Domestic experience of building ships on voluntary donations] in *Sudostroenie*. 5. 36–40. (in Russian).
11. Saginadze, Eh. O. (2017). *Reformator posle reform: S. Yu. Vitte i rossijskoe obshchestvo, 1906–1915* [The Reformer after the Reforms: S. Y. Witte and Russian Society, 1906–1915]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).
12. *Sozdanie Voennogo Vozdushnogo Flota Rossii i ego razvitie* [Creation of the Russian Military Air Fleet and its development] in *Ministerstvo oborony Rossijskoj Federatsii* URL: <https://structure.mil.ru/structure/forces/air/news/more.htm?id=11225520%40cmsArticle> (date accessed 05.08.2023) (in Russian).
13. Tkachev, V. M. (2007). *Kryl'ya Rossii. Vospominaniya o proshlom russkoj voennoj aviatsii. 1910–1917 gg.* [Wings of Russia. Memories of the past of Russian military aviation. 1910–1917]. Saint Petersburg, GITS «Novoe kul'turnoe prostranstvo». (in Russian).
14. Khrustalev, V. M. (2020). Velikij knyaz' Mikhail Aleksandrovich i aviatsiya (po arkhivnym materialam GARF) [Grand Duke Mikhail Alexandrovich and aviation (based on archival materials of the GARF)] in *Pervye Permskie nauchno-obrazovatel'nye chteniya «Istoriya Imperatorskogo Doma Romanovykh». Materialy nauchnoj konferentsii. 13 iyunya 2019 g.* Ed. A. V. Gromovoj, S. V. Neganova. Perm, Ural'skij rabochij, 204–217. (in Russian).

Вклад авторов

Алексей Ипатов: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи.

Александр Меркулов: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи.

Authors' contributions:

Alexey Ipatov: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained, writing the text of the manuscript, reviewing publications on the topic of the article.

Aleksandr Merkulov: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained, writing the text of the manuscript, reviewing publications on the topic of the article.

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-109-116>

УДК 9.930.85

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЯРОСЛАВЛЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ТРАМВАЙНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОРОДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Я. В. Пуневский

*Государственный университет просвещения, Московская область,
Мытищи, ул. Веры Волошиной, д.24, 141014, Россия*

Аннотация.

Введение. Статья посвящена изучению деятельности ярославской городской думы и управы по устройству городского трамвая в конце XIX-начале XX века, период наиболее активного развития городского хозяйства российских городов. **Материалы и методы.** Исследование основано на анализе опубликованных и неопубликованных источников: отчетов ярославской городской управы и журналов ярославской городской думы, периодической печати, делопроизводственной документации и фондов Государственного архива Ярославской области. В работе использовались хронологический, сравнительно-исторический, историко-системный методы. **Результаты.** Открытие ярославского трамвая относится к 1900 г., хотя во многих губернских городах трамвай к этому времени трамвай уже существовал. Контракт на устройство ярославского трамвая был заключен с бельгийским обществом франко-русских мастерских. О значимости трамвая для органов городского самоуправления свидетельствует существование и активная деятельность трамвайной комиссии при городской управе. Члены комиссии занимались проведением осмотров состояния вагонов, решение вопросов о проведении новых трамвайных линий, модернизации старых. **Заключение.** Открытие ярославского трамвая в 1900 г. стало важным событием городской жизни. Несмотря на то, что собственниками трамвая были бельгийские предприниматели органы городского самоуправления играли значительную роль в его организации и работе. С самого начала появления трамвая действия бельгийского общества были поставлены под контроль трамвайной комиссии городской управы. Существенным недостатком ярославского трамвая в рассматриваемый в работе период стало то, что прибыль от его эксплуатации аккумулировали частные предприниматели, а выдвигавшиеся в городской думе инициативы выкупа трамвая в городскую казну так и остались не реализованными.

Ключевые слова: трамвай, самоуправление, городская дума, городская управа, Ярославль, строительство, расходы

Для цитирования: Пуневский Я.В. (2024) Деятельность городского самоуправления Ярославля по организации трамвайного движения в городе в конце XIX-начале XX века // История: Факты и символы. № 1 (38). С. 109-116 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-109-116>

Статья поступила: 10.09.2023

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Пуневский Я. 2024

ACTIVITIES OF THE YAROSLAVL CITY GOVERNMENT ON THE ORGANIZATION OF TRAM TRAFFIC IN THE CITY IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Yaroslav V. Punevsky

*State University of Education, Moscow region, Mytishchi,
Vera Voloshina str., 24, 141014, Russian Federation*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the activities of the Yaroslavl City Duma and the city council on the construction of a city tram in the late XIX-early XX century, during the most active development of the urban economy of Russian cities. **Materials and methods.** The research is based on the analysis of published and unpublished sources: reports of the Yaroslavl City Council and journals of the Yaroslavl City Duma, periodicals, office records and funds of the State Archive of the Yaroslavl region. Chronological, comparative-historical, historical-system methods were used in the work. **Results.** The opening of the Yaroslavl tram dates back to 1900, although in many provincial cities the tram already existed by that time. The contract for the construction of the Yaroslavl tram was signed with the Belgian society of French-Russian workshops. The importance of the tram for city self-government bodies is evidenced by the existence and active activity of the tram commission under the city government. The members of the commission were engaged in carrying out inspections of the condition of the cars, resolving issues on the implementation of new tram lines, modernization of old ones. **Conclusion.** The opening of the Yaroslavl tram in 1900 was an important event of city life. Despite the fact that the owners of the tram were Belgian entrepreneurs, the municipal authorities played a significant role in its organization and operation. From the very beginning of the appearance of the tram, the actions of the Belgian society were put under the control of the tram commission of the city council. A significant disadvantage of the Yaroslavl tram during the period under consideration in the work was that private entrepreneurs accumulated profits from its operation, and several initiatives put forward in the city Duma to buy the tram to the city treasury remained unfulfilled.

Keywords: tram, self-government, city Duma, city council, Yaroslavl, construction, expenses

For citation: Punevsky Y.V. Activity of Yaroslavl city self-government on the organization of tram traffic in the city at the end of the XIX-beginning of the XX century In *History: Facts and Symbols*. No. 1 (38), pp. 109-116 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-109-116>

Received: 10.09.2023

Revised: 02.08.2024

Published: 15.03.2024

© Punevsky Y. 2024

1. Введение

Цель настоящей статьи – изучить деятельность органов городского самоуправления Ярославля по организации трамвайного движения в городе. Для освещения этого вопроса необходимо выяснить условия появления ярославского трамвая, уровень расходов на его устройство и содержание со стороны городской управы, показать участие городской управы в деле расширения и модернизации трамвайного движения, определить степень участия городской управы в управлении предприятием, формы и методы контроля. Хронологические рамки исследования охватывают период от введения в действие «Городового положения» 1870 г., которое значительно увеличило права и сферу компетенции городского самоуправления в России до начала первой мировой войны, когда

самоуправление, городское и сельское, было поставлено в совершенно новые условия, а старые задачи модернизации городского хозяйства вынужденно отходили на второй план [17, с. 141–148; 20, с. 118–119].

2. Материалы и методы

Исследование выполнено на основе изучения опубликованных и неопубликованных источников. Среди опубликованных источников значительное место занимает периодическая печать, как официальная – «Ярославские губернские ведомости», так и газеты либеральной ориентации («Северный край», «Голос», «Родной край»). Кроме того, в исследовании были использованы опубликованные отчеты ярославской городской управы и журналы ярославской городской думы. Неопубликованные источники, использованные в работе, были извлечены из фондов Государственного архива Ярославской области. Преимущественно, это делопроизводственная документация ярославской городской управы, посвященная вопросам устройства городского трамвая, а в дальнейшем контроля и надзора за ним. В работе использовались хронологический, сравнительно-исторический, историко-системный методы.

3. Результаты

Появление электрического трамвая в российских городах относится к 1890-м годам. К 1898 г. электрические трамваи уже существовали в Киеве, Elizavetgrade, Екатеринославе, а строились – в Орле, Москве, Одессе и Курске [29]. Как установила Л.В. Кошман, к началу XX в. трамвай существовал в 15 губернских городах (в т.ч. в Ярославле) и 6 уездных. Однако протяженность линий обычно была небольшой: в Москве 4 версты, в среднем 9 верст, лишь в Казани 24 версты, в Ярославле – 13.2 версты [19, с. 89]. Открытие ярославского трамвая произошло в декабре 1900 года [27]. Всего в рассматриваемый нами период в Ярославле было открыто 4 трамвайных линии [18, с. 16].

Соглашение о строительстве трамвая с бельгийским обществом франко-русских мастеров было заключено еще в мае 1897 года. В соответствии с соглашением существенную часть доходов от трамвая аккумулировало бельгийское общество, с другой стороны, оно же несло основные расходы по содержанию трамвая. Лишь только через 42 года все предприятие трамвая должно было перейти в ведение города. Исследователи отметили, что предприятие по эксплуатации трамвая оказалось не таким уж выгодным. Так, при средней дневной выручке в 240 рублей, только на содержание трамвайного парка требовалось не менее 300 рублей в день [30, с. 187].

Лишь в начале XX в. городское самоуправление смогло компенсировать некоторую часть расходов на устройство трамвая. Согласно данным газеты «Родной край» в 1908 г. трамвай дал доход городу 4000 рублей, по смете 1909 г. предполагается получить от трамвая 7000 рублей «считая в том числе даровое освещение 25 электрическим фонарями, принятое на свой счет управлением трамвая» [26]. Анализ опубликованных отчетов ярославской городской управы начала XX в. показывает несколько иную картину. Так, с 1903 г. управление трамвая платило городу 500 р. за снабжение электроэнергией частных зданий, которые, к слову, в городской смете причислялись к разделу «другие доходы», а не «доходы с городских предприятий» [21, с. 32]. По сути, это пособие являлось выплатой 2% с валовой доходности, полученной бельгийским обществом при снабжении электричеством зданий, принадлежащих городскому управлению [22, с. 28]. С 1906 г. пособие, получаемое городом от управления трамвая, увеличилось до 2200–2500 рублей, за счет платы за право прокладки железнодорожных путей [23, с. 30; 24, с. 22; 25, с. 42].

Управление трамвая занималось и освещением улиц и площадей города дуговыми фонарями [13, с. 165]. Договор на освещение города электрическими дуговыми фонарями был заключен 2 декабря 1908 года [15, с. 49]. Кроме того, бельгийское общество получило ряд льгот и преференций в других отраслях городского хозяйства Ярославля. Например, в 1904 г. общество получило разрешение на устройство водопровода из реки Которосли с

безвозмездным отводом места под водокачку и правом прокладки водопроводных труб по Любимской улице [13, с. 165].

Отношения органов городского самоуправления и собственников городского трамвая подчас были сложными. Например, в 1913 г. существовал спор о размере участка городской земли отведенному Бельгийскому анонимному обществу трамваев и применений электричества, который был связан с желанием общества приступить к расширению трамвая [4, л. 14]. Статья по поводу разногласий города и управления трамвая по поводу расширения электрической станции в газете «Голос» назвали «Война с трамваем» [10].

По случаю открытия ярославского трамвая 17 декабря 1900 г. состоялся молебен в машинном отделении главной электрической станции, на который явились почетные гости во главе с городским головой И.А. Вахромеевым [1, с. 37]. Безусловно, трамвай занимал значимое место в городском хозяйстве. Для контроля за состоянием трамвая при ярославской городской думе функционировала трамвайная комиссия, которая состояла из городского головы, двух членов управы, пяти гласных, губернского инженера, инженера технолога, инженера механика и электротехника [4, л. 15об.–16.; 8].

Трамвайная комиссия ярославской городской думы разрешала жалобы жителей города на нарушения, допущенные управлением трамвая [9]. Например, в 1913 г. в городской думе обсуждалось ходатайство извозчиков о прекращении посыпки трамвайных путей солью с целью очищения от снега. «Такой способ очистки варварски калечит наших лошадей и приносит нам громадные убытки», отмечалось в документе. Городская управа настаивала на привлечении управления трамвая к уголовной ответственности за причиненные убытки и даже предоставила бесплатные услуги юриста извозчикам [5, л. 1–3]. В свою очередь, трамвайная комиссия ярославской городской думы 14 января 1913 г. обратила внимание на необходимость издания обязательных правил, запрещающих посыпку трамвайных путей солью. Соответствующее постановление было утверждено на заседании ярославской городской думы 7 марта 1913 года [5, л. 5–7об.].

Городская управа Ярославля была вынуждена контролировать состояние городского трамвая посредством проведения осмотров. Например, в 1914 г. осмотр трамвайной сети Ярославля, произведенный по распоряжению ярославского губернатора, выявил следующие факты: «вагоны трамвая, как с внешней стороны, так и по конструкции крайне неудовлетворительны, они грязны, краски вылиняли, оконные перелеты вставлены непрочны и т.п., ручные тормоза во всех вагонах неудовлетворительны, электрические тормоза в некоторых вагона также плохи». По результатам осмотра управлению трамвая бельгийским предпринимателям был дан шести месячный срок на устранение неисправностей [16, с. 124].

В акте по результатам другого осмотра состояния трамвая, проведенного городской управой, подчеркивалось, что вагоны недавно подвергались капитальному ремонту. В то же время был выявлен ряд проблем. «Со стороны внешнего вида вагоны не отвечают самым скромным требованиям. Они грязны, краски вылиняли, потрескались. Полировка скамеек исчеркана. Оконные переплеты вставлены не плотно. Полы в некоторых вагонах имеют щели ... вообще вагоны содержатся неопрятно», отмечалось в отчете трамвайной комиссии [4, л. 5об.]. Серьезные проблемы были выявлены с тормозами. Комиссия обратила внимание на то, что администрация местного управления трамвая должна проводить испытания вагоновожатых, «с занесением результатов в специально заведенную книгу». Осознавалась и необходимость издать отдельное обязательное постановление по этому вопросу [4, л. 8–9об.]. Контроль со стороны трамвайной комиссии подвергалось не только состояние вагонов трамвая. В 1911 г. газета «Голос» сообщала, что ярославский трамвай часто отклоняется от расписания [6]. Врачебный совет, собравшийся в 1911 г. при губернском правлении обратил внимание ярославской городской управы на тот факт, что трамвай может являться переносчиком заболеваний и рекомендовал управе наладить процесс дезинфекции вагонов, а также «следить чтобы в трамваях не плевали на пол» [7].

В ведении трамвайной комиссии также находилось решение вопроса о расширении и модернизации трамвайных линий. В 1900 г. было санкционировано изменение маршрута городского трамвая с Казанской улицы на Большую постовую линию [12, с. 98–100]. В 1910 г. обсуждалось проведение трамвая на Соборную площадь [2, л. 1–3]. 11 мая 1907 г. было решено расширить линию городского трамвая от Сенной площади по правой стороне Мологской улице, а также по правой стороне Дворянской улицы по направлению к Романовской заставе [14, с. 184].

Постепенно в городском управлении стали осознавать необходимость взять под контроль города заведывание городским трамваем, поскольку в перспективе это был хороший способ пополнить городской бюджет. 17 марта 1914 г. на заседании ярославской городской думы гласный В.Н. Шкатов в качестве пути недопущения финансового краха города советовал «сосредоточить в своих руках доходы от прибыльных предприятий: трамвай, электрическое освещение, перевоз, скотобойни, ассенизационный обоз и прочее» [11]. В 1902 г. поступления в бюджеты всех городов империи от эксплуатации городских трамваев составили 812 217 руб. из – 3 147532 руб. доходов с других сооружений и предприятий, т.е. 25,8% всех доходов с городских предприятий. Общая сумма доходов городов в том же году составила 102 412 504 рублей [28].

С другой стороны, бельгийское общество, заведовавшее городским трамваем, также стремилось модернизировать свое предприятие для получения наибольшей прибыли. В частности, в 1912 г. был поставлен вопрос о переустройстве и расширении трамвайных линий. В своем заявлении в управу уполномоченный Бельгийского общества обуславливал эту необходимость развитием промышленности и торговли в городе, а также увеличением населения. Намеченные изменения были весьма масштабными. Предполагалось расширение Власьевской линии, устройство трамвайных путей под Знаменской башней, некоторое переустройство канализации и изменение профиля улиц, увеличение числа вагонов, строительство прямой линии между театральной площадью и ярославской большой мануфактурой [3, л. 1–4]. После разрешения комиссией по общим вопросам думы проведения линии под знаменской башни этим делом заинтересовался ярославский совет общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В своем обращении в управу совет общества указывал на тот факт, что: «башня является почти единственным в Ярославле памятником гражданского зодчества XVII века» [3, л. 7–9об.].

В связи с поставленной управлением трамвая проблемой необходимости существенной модернизации трамвайной сети города на заседании ярославской городской думы 13 декабря 1912 г. городской голова А.И. Вахромеев указывал на необходимость предложить обществу управления трамваем подумать о путях обхода знаменской башни. Прения затянулись, в итоге решено заняться решением вопроса о выкупе городом предприятия трамвая [3, л. 9об.]. Гласный думы А. П. Преображенский заметил «если хотим выкупать – не выгодно расширять предприятие в таком крупном размере». Однако, в рассматриваемый нами период планы некоторых городских деятелей по выкупу предприятия городского трамвая в городскую казну так и не осуществились.

4. Заключение

Открытие трамвайного движения, последовавшее в конце XIX-начале XX вв., стало важным событием городской жизни и для Ярославля. О его значимости для городских властей свидетельствует присутствие городского головы А.И. Вахромеева на церемонии открытия трамвая, существование и активная деятельность при городской управе специальной трамвайной комиссии. Деятельность трамвайной комиссии городской управе концентрировалась на разрешении жалоб обывателей на недостатки городского трамвая, проведении осмотров состояния вагонов, в том числе и в санитарном отношении, решении вопросов расширения и модернизации трамвайных линий. Существенным недостатком ярославского трамвая был тот факт, что контроль над ним принадлежал исключительно бельгий-

скому обществу франко-русских мастерских. А город получал лишь некоторые компенсации от общества. Планы по расширению контроля и даже выкупу всего предприятия на городской счет периодически возникали в ярославской городской думе, но, к 1914 г. так и не были реализованы.

Список источников литературы

1. Велитченко Н.С. Деятельность И.А. (2000). *Вахромеева на посту городского головы в 1881–1887 гг.* // VIII Золотаревские чтения: тезисы докладов научной конференции (16-17 октября 2000 г.). К 90-летию Рыбинского музея. /под ред. А.М. Селиванова. Рыбинск: Рыбинское подворье. С. 37–39.
2. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 509. Оп. 1. Д. 1405.
3. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1562.
4. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1634.
5. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1636.
6. Голос. 1911. 1 февраля.
7. Голос. 1911. 15 декабря.
8. Голос. 1912. 15 марта.
9. Голос. 1912. 23 марта.
10. Голос. 1913. 30 апреля.
11. Голос 1914. 19 марта.
12. *Журналы Ярославской городской думы за 1900 год.* (1901). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы. 301 с.
13. *Журналы Ярославской городской думы за 1904 год.* (1905). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы. 267 с.
14. *Журналы Ярославской городской думы за 1907 год.* (1908). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы. 468 с.
15. *Журналы Ярославской городской думы за 1909 год.* (1910). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы. 402 с.
16. *Журналы Ярославской городской думы за 1914 год.* (1915). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы. 316 с.
17. Забелин П.В. (2017). *Местное самоуправление в годы Первой мировой войны: новые направления деятельности (на материалах Смоленской губернии).* Смоленск: Маджента (Библиотека историко-литературного журнала «Странник»). 176 с.
18. Кабанова Н.В. (2017). *И.А. Вахромеев – городской голова Ярославля* // Вахромеевские чтения: сборник материалов научной конференции (Ярославль, 7 декабря 2006 года). Ярославль: МУБиНТ. 109 с. С. 13-18.
19. Кошман Л.В. (2008). *Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты.* М.: РОССПЭН. 446 с.
20. Красовская Ю.В. (2018). *Ярославская городская дума и Первая мировая война* // 17 Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 30 октября 2018 г. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник. 342 с. С. 118-122.
21. *Отчет Ярославской городской управы за 1903 год.* (1904). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы. 127 с.
22. *Отчет Ярославской городской управы за 1904 год.* (1905). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1905. 107 с.
23. *Отчет Ярославской городской управы за 1906 год.* (1907). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы. 192 с.
24. *Отчет Ярославской городской управы за 1907 год.* (1908). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы. 104 с.

25. *Отчет Ярославской городской управы за 1908 год.* (1909). Ярославль: изд-во Ярославской городской управы. 264 с.
26. Родной край. 1909. 23 января.
27. Северный край. 1900. 11 декабря.
28. Северный край. 1902. 2 ноября.
29. Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1898. 11 июля.
30. *Ярославль и ярославцы: сюжеты повседневной жизни губернского города* коллективная монография. (2013). / М. В. Александрова, А. В. Бородкин, Н. В. Дутов. Ярославль: Взд-во ЯГПУ. 276 с.

References

1. Velitchenko N.S. Dejatel'nost' I.A. (2000). *Vakhromeeva na postu gorodskogo golovy v 1881–1887 gg.* [Vakhromeyev as mayor in 1881-1887] in VIII Zolotarevskie chteniya: tezisy dokladov nauchnoj konferencii (16-17 oktjabrja 2000 g.). K 90-letiju Rybinskogo muzeja. /pod red. A.M. Selivanova. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e Publ., 37–39. (in Russian)
2. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti (GAJaO) [State Archive of the Yaroslavl Region], f. 509, op. 1, d. 1405. (in Russian)
3. GAIaO [GAYAO], f. 509, op. 1.1, d. 1562. (in Russian)
4. GAIaO [GAYAO], f. 509, op. 1.1, d. 1634. (in Russian)
5. GAIaO [GAYAO], f. 509, op. 1.1, d. 1636. (in Russian)
6. Golos [Voice newspaper]. 1911, 1 fevralia. (in Russian)
7. Golos [Voice newspaper]. 1911, 15 dekabria. (in Russian)
8. Golos [Voice newspaper]. 1912, 15 marta. (in Russian)
9. Golos [Voice newspaper]. 1912, 23 marta. (in Russian)
10. Golos [Voice newspaper]. 1913, 30 aprelija. (in Russian)
11. Golos [Voice newspaper]. 1914, 19 marta. (in Russian)
12. *Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1900 god.* (1901). [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1900]. Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravы publ.. (in Russian)
13. *Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1904 god.* (1905). [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1904]. (1905). Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravы publ.. (in Russian)
14. *Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1907 god.* (1908). [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1907]. (1908). Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravы publ.. (in Russian)
15. *Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1909 god.* (1910). [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1909]. (1910). Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravы publ.. (in Russian)
16. *Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1914 god.* (1915). [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1914]. (1915). Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravы publ.. (in Russian)
17. Zabelin P.V. (2017). *Mestnoe samoupravlenie v gody Pervoi mirovoi voyny: novye napravleniia deiatel'nosti (na materialakh Smolenskoj gubernii)* [Local self-government during the First World War: new directions of activity (based on the materials of the Smolensk Province)]. Smolensk: Madzhenta (Biblioteka istoriko-literaturnogo zhurnala «Strannik) publ.. (in Russian)
18. Kabanova N.V. (2017). *I.A. Vakhromeev – gorodskoi golova Iaroslavlia* [I.A. Vakhromeev – Mayor of Yaroslavl] in *Vakhromeevskie chteniia: sbornik materialov nauchnoi konferentsii* (Iaroslavl', 7 dekabria 2006 goda). Iaroslavl', MUBiNT Publ., 13-18. (in Russian)
19. Koshman L.V. (2008). *Gorod i gorodskaja zhizn' v Rossii XIX stoletii: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [The city and urban life in Russia of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ. (in Russian)
20. Krasovskaia Iu.V. (2018). *Iaroslavskaja gorodskaja дума i Pervaia mirovaia vojna* [Yaroslavl City Duma and the First World War] in *17 Zolotarevskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, 30 oktiabria 2018 g.* Rybinsk, Rybinskii muzei-zapovednik, 118-122. (in Russian)

21. *Otchet Iaroslavskoi gorodskoi upravy za 1903 god* [Report of the Yaroslavl City Council for 1903]. (1904). Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravy publ.. (in Russian)
22. *Otchet Iaroslavskoi gorodskoi upravy za 1904 god* [Report of the Yaroslavl City Council for 1904]. (1905). Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravy publ., 1905. (in Russian)
23. *Otchet Iaroslavskoi gorodskoi upravy za 1906 god* [Report of the Yaroslavl City Council for 1906]. (1907). Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravy publ.. (in Russian)
24. *Otchet Iaroslavskoi gorodskoi upravy za 1907 god* [Report of the Yaroslavl City Council for 1907]. (1908). Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravy publ.. (in Russian)
25. *Otchet Iaroslavskoi gorodskoi upravy za 1908 god* [Report of the Yaroslavl City Council for 1908]. (1909). Iaroslavl', Iaroslavskoi gorodskoi upravy publ.. (in Russian)
26. *Rodnoi krai* [Native land newspaper]. 1909. 23 ianvaria. (in Russian)
27. *Severnyi krai* [Northern Territory newspaper]. 1900. 11 dekabria. (in Russian)
28. *Severnyi krai* [Northern Territory newspaper]. 1902. 2 noiabria. (in Russian)
29. *Iaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naia* [Yaroslavl provincial vedomosti. The unofficial part]. 1898. 11 iiulia. (in Russian)
30. *Iaroslavl' i iaroslavtsy: siuzhety povsednevnoi zhizni gubernskogo goroda kollektivnaia monografiia* [Yaroslavl and Yaroslavtsy: plots of everyday life of the provincial city]. (2013). M. V. Aleksandrova, A. V. Borodkin, N. V. Dutov. Iaroslavl', IaGPU Publ. 276 s. (in Russian).

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134>
УДК 316.61: 355.292.3

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ФРОНТОВИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Д. А. Сафонов

*Тамбовский государственный технический университет
ул. Советская, 106/5, помещение 2, Тамбов, 392000, Россия*

Аннотация

Введение. Советская историография традиционно видела в фронтовиках сторонников большевистской партии, активных участников установления советской власти на местах. Подобный подход убедительно подкреплялся свидетельствами из мемуаров участников событий. Специальных воспоминаний о мировой войне почти нет – участие в ней не являлось предметом гордости; в основном о пребывании на фронте сообщалось в связи с последующими революционными событиями. Современная историография рассматривает фронтовиков более вариативно, но по сути использует ту же источниковую базу. Поскольку с фронта вернулись миллионы, а мемуары оставили тысячи, то выводы, сделанные на основе этих источников, достаточно уязвимы, особенно если исследователи настаивают на всеобщности таковых. Многие суждения – о нежелании солдат воевать, желании получить дома землю и т.п. – сделаны не на основе источниковедческих фактов, но логических рассуждений. **Материалы и методы.** В данной статье предпринята попытка анализа источников личного происхождения фронтовиков одного региона – Оренбургской губернии. Полная коллекция воспоминаний, автобиографий и т.п., отражена в каталоге, изданном в 2021 г. и включает в себя материалы архивов Оренбургской области (государственные архивы, архивы музеев) и архивов сопредельных территорий (Самары, Уфы, Челябинска) – всего 160 авторов, а также автобиографии из личных дел номенклатуры отдела кадров Оренбургского обкома КПСС – 245 текстов. Суммарно эти 405 источников можно допустить как естественную выборку, позволившую создать социальный портрет фронтовиков юго-востока европейской части страны с фиксацией вариантов тех или иных аспектов. Полученные данные в отдельных случаях не согласуются с общепринятыми суждениями общероссийского масштаба. **Результаты.** Процесс возвращения с фронтов затянулся до 1919 года. Принятый в историографии тезис, что солдаты-крестьяне торопились домой, чтобы успеть получить землю по декрету о земле, не находит подкрепления в источниках. Не находит поддержки и тезис о массовых революционных настроениях фронтовиков и их готовности и желании сражаться за новую власть. Абсолютное большинство вернувшихся с войны стремились устроить нормальную мирную жизнь. В Красную Гвардию (а затем и Красную Армию) добровольцами сразу ушли те, кто не смог найти работу – служба в Красной гвардии была альтернативным источником средств к существованию. **Заключение.** Значительное число крестьян вернулось к хозяйствованию на земле, и оказались втянуты в противостояние гражданской войны только через мобилизации 1919 г.

Ключевые слова: поколение фронтовиков, социальный портрет, Южный Урал, источники личного происхождения, автобиографии, мотивы возвращения с фронта, участие в гражданской войне.

Для цитирования: Сафонов Д. А. (2024). Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны: информационные возможности // История: факты и символы. № 1 (38). С. 117-134 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22 -18 – 00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Статья поступила: 10.10.2023

Статья принята в печать: 27.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Сафонов Д., 2024

SOCIAL PORTRAIT OF VETERANS OF THE FIRST WORLD WAR: INFORMATION OPPORTUNITIES

Dmitriy Safonov

Tambov State Technical University

st. Sovetskaya, 106/5, room 2, Tambov, 392000, Russia

Abstract

Introduction. Soviet historiography has traditionally seen the front-line soldiers as supporters of the Bolshevik Party, active participants in the establishment of Soviet power in the localities. This approach was convincingly supported by evidence from the memoirs of participants in the events. There are almost no special memories of the World War - participation in it was not a matter of pride; mainly about staying at the front was reported in connection with subsequent revolutionary events. Modern historiography considers front-line soldiers more variably, but essentially uses the same source base. Since millions have returned from the front, and thousands have left memoirs, the conclusions drawn from these sources are quite vulnerable, especially if researchers insist on their universality. Many judgments are about the unwillingness of soldiers to fight, the desire to get land at home, etc. - made not on the basis of source facts, but logical reasoning. **Materials and methods.** This article attempts to analyze the sources of personal origin of the front-line soldiers of one region - the Orenburg province. A complete collection of memoirs, autobiographies, etc., is reflected in the catalog published in 2021 and includes materials from the archives of the Orenburg region (state archives, museum archives) and archives of adjacent territories (Samara, Ufa, Chelyabinsk) - a total of 167 authors, as well as autobiographies from the personal files of the personnel department of the Orenburg Regional Committee of the CPSU - 240 texts. In total, these documents can be considered as a natural sample, which made it possible to create a social portrait of front-line soldiers in the southeast of the European part of the country with fixation of variants of certain aspects. The data obtained in some cases do not agree with the generally accepted judgments of the all-Russian scale. **Results.** The process of returning from the fronts dragged on until 1919. The thesis accepted in historiography that the peasant soldiers were in a hurry to get home in order to have time to receive land under the decree on land, does not find any support in the sources. The thesis about the mass revolutionary moods of the front-line soldiers and their readiness and desire to fight for the new government does not find support either. The vast majority of those who returned from the war sought to arrange a normal peaceful life. Those who could not find work immediately left for the Red Guard (and later the Red Army) as volunteers - service in the Red Guard was an alternative source of livelihood. **Conclusion.** A significant

number of peasants got back to farming on land, and were drawn into the confrontation of the civil war only through the mobilization of 1919.

Keywords: Generation of front-line soldiers, social portrait, Southern Urals, sources of personal origin, autobiographies, motives for returning from the front, participation in the civil war

For citation: Safonov D. A. (2024). Social portrait of front-line soldiers of the First World War: information opportunities In History: facts and symbols, 1 (38), 117-134 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134

Acknowledgments: The study has been realized with support of Russian Science Foundation grant no. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Received: 10.10.2024

Revised: 27.02.2024

Published: 15.03.2024

© Safonov D., 2024

1. Введение

Идея «поколенческой истории», т.е. постижения истории через историю конкретных поколений, озвученная в свое время Т. Шаниным [59], в настоящее время разрабатывается достаточно активно, и по многим направлениям [16, 15, 55, 13]. Среди таковых «поколение революции» как объект изучения представляет собой несомненный интерес. Как известно, единого критерия для определения «поколения» нет; оно может включать в себя всех, живущих в определенный временной период; «активных» участников происходившего и условных «жертв», тех, кто был вынужден существовать в новых условиях; только формирующихся как личности и уже сформировавшихся и т.п. Авторы «теории поколений» Н. Хау и В. Штраус предлагали идентифицировать поколение по трем критериям: одна историческая эпоха, представители одного поколения сталкиваются с одинаковыми ключевыми историческими событиями; разделяют определенные общие убеждения и модели поведения и разделяют чувство принадлежности к данному поколению [60]. Принимая эту точку зрения, мы все же склонны видеть как бы «внутри» каждого такого поколения наличие субпоколений (термин создан по аналогии с суб-культурами). Так что в «поколении революции» видны различия между теми, кто начал работать до революции и теми, кто начал трудовую деятельность уже при советской власти; между фронтовиками первой мировой и теми, кто по возрасту не был призван. В последнем случае рубежом становится конкретный год: более 600 тысяч, родившихся в 1898 г., были призваны в 1917 г.; рожденные в 1899 г. на фронт не попали. Ментально они безусловно отличались друг от друга. Впрочем, и «фронтовики» не были едины: факт призыва на военную службу в условиях военного времени объединял всех, а вот срок и место службы могли серьезно различаться: призванный еще в 1912 г. и демобилизованный в итоге в 1918-м; призванный в мае 1917 г. и демобилизованный (самодемобилизовавшийся) осенью; находившиеся непосредственно на фронтах и в тыловых частях в Средней Азии или на Дальнем Востоке; оказавшиеся в плену; подхитившие по годам призыва, но имевшие «бронь» и т.д. Это не противопоставляет одну группу другой; более того, со временем возрастные и иные различия внутри поколения, ощутимо присутствующие поначалу, в дальнейшем как бы скрадываются, оставляя основное – в данном случае – призыв в армию во время войны.

Изучение фронтовиков как особой социальной группы предпринималось достаточно давно. Другое дело, насколько эффективным можно полагать это изучение: с войны вернулись миллионы. При таком исходном количестве свидетельства сотен, тысяч, и даже десятков тысяч человек не могут быть гарантированно приняты как реальное отражение взглядов

всех фронтовиков, их мировоззрения и проч. Но этого и не требовалось; видение вопроса в советской историографии подчинялось строгой схеме, причем, что немаловажно, с достаточно убедительным обоснованием. Сама схема и само видение вопроса сегодня очевидны: первая мировая война была важной предпосылкой революции 1917 года; большевизация армии нарастала с каждым годом, в итоге именно фронтовики оказались той подлинно революционной силой, обеспечивших в итоге победу красных в гражданской войне¹. Иными словами, результат объясняет причины. Есть масса свидетельств мемуаристов, о том, как они становились на фронте большевиками, как возвращались в родные края, как боролись за советскую власть. Наличие подобных свидетельств, чье происхождение никоим образом не ставится под сомнение, лишь подкрепляет логику рассуждений. И действительно, свидетельств иного рода, полярно противоположных, практически нет.

В пост-советскую эпоху стали появляться работы, естественным образом выходящие за жесткие рамки прежде доминирующей историографии. Но при этом они достаточно закономерно использовали наработки предшествующего времени; можно даже сказать, что авторы следовали историографической традиции – в итоге тема революционирования фронтовиков и их вовлечения в гражданскую войну оставалась (и остается) преобладающей, разве что с выделением в качестве приоритетных отдельных аспектов: степень участия фронтовиков в революции (И. В. Грибков) [17], участие их в февральской революции и самоорганизация фронтовиков (А. В. Посадский) [52], армия как революционная школа (С. В. Кистанов) [20], роль фронтовиков в политической динамике 1917-1918 гг. (Д. А. Сафонов) [53], организация фронтовиков в «союзы» (Н. А. Заяц, А. В. Посадский) [19,52].

Самая серьезная проблема, которая встает перед исследователем, ставящим тот или иной вопрос этой обширной темы, это аргументированность выводов, особенно всеобщего характера. Следует признать, что достаточно часто таковые подкреплялись либо иллюстрациями из различных свидетельств, либо основывались на логических рассуждениях. Роберт Воль заявлял темой исследования «поколение 1914 года», европейский менталитет, как коллективный, так и индивидуальный – но в реальности предлагал читателю свое видение менталитета элиты среднего класса пяти европейских стран, излагая, подробно и детально, историю нескольких молодых людей [61]. Французский историк А. Сумпф писал, что общество не обеспечило фронтовикам «адаптацию к мирной жизни и не приняло во внимание их военный опыт. Зато бой, плен, увечье, болезни глубоко изменили мировоззрение вчерашних солдат» [58, с. 498]. Последняя фраза абсолютно не вызывает споров – здравый смысл говорит, что перечисленные факторы, разумеется, никак не могли пройти для вчерашних солдат бесследно. Но напрасно искать у автора доказательства; их нет. Данная работа вообще построена в нетрадиционной манере сообщения не итогов исследования, но намерений автора исследовать те или иные аспекты. Гипотетическое суждение, что «самый перспективный подход — создать социальную микро-историю одной части (полка) с момента мобилизации до момента возвращения последних солдат домой» [58, с. 498] остается лишь красивым рассуждением; любой, сведущий в теме, сразу укажет на невозможность отследить возвращение домой каждого солдата любой части в условиях дезертирства и массовой демобилизации.

Сходные примеры обязывающих, но не доказываемых, утверждений у иностранных авторов приводит В. С. Коновалов: «Дж. Хоскинг пишет, что к этому времени многие солдаты

---

¹ Типичный пример: «В апреле был разрешен отпуск солдат сорока лет и старше на полевые работы. Это усилило приток солдат в деревню. Они внесли в крестьянскую среду революционные антивоенные настроения. Многие из них, включаясь в борьбу крестьян за землю, оказывали на своих земляков революционизирующее влияние. Нередко солдаты-отпускники не возвращались в свои части, а оставались жить в деревне» [57, с.62.]

уже твердо решили, что им нет никакого смысла защищать чью-то Россию. Вместо этого они стремились как можно скорее вернуться домой и принять участие в распределении отнятой у помещиков земли. Недавно взлелеянный патриотизм мгновенно исчез, а на смену ему пришло чувство «малой родины», пораженной жестоким кризисом» [Хоскинг Дж. Россия и русские: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2. – 493 с.]; «Анализ солдатских писем, проведенный В. Барнетом, показывает, что прежде всего волновало и беспокоило солдат-крестьян состояние собственного хозяйства»; «Тот факт, что солдаты к тому времени стали шаткой и неустойчивой массой, восприимчивой для революционного воздействия, отмечают многие историки (П. Холквист)» [Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis 1914–1921. – Cambridge (Mass.), 2002. – 359 p.] [21]

В итоге мы наблюдаем у отечественных авторов более скромные по заявкам, но более информационно подкрепленные работы без претензий на всеобщность выводов, зато имеющие более убедительную источниковую базу. В качестве примеров отметим источники уже названных выше авторов: материалы Литературного фонда Музея-заповедника «Дмитровский Кремль» (И. В. Грибков, 2014), мемуарные свидетельства «красных» в коллекции Истпарта и дела Саратовского революционного трибунала (А. В. Посадский, 2014), коллекция воспоминаний о революции и гражданской войне в Оренбургском крае (Д. А. Сафонов, 2014), публикации в центральной республиканской газете «Советская Мордовия» за 1964–1968 гг., и районных газетах МАССР за 1967 год (С. В. Кистанов, 2018).

Рассмотрение темы прежде всего на региональных уровнях представляется нам наиболее результативным; это позволяет с большой долей вероятности очертить рамки источниковой базы и тем самым аргументировать свои выводы и наблюдения; хотя, разумеется, не гарантирует всеобщности наблюдений и выводов. Последние, на наш взгляд, успешно восполняются как раз уже приведенными общими суждениями о влиянии войны на психику воевавших, последствиях войны и т.п.

Предпримем попытку представить социальный портрет фронтовика одного региона – в данном случае, Южного Урала – юго-восточной окраины европейской части России.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы возьмем коллекцию воспоминаний о революции и гражданской войне на юго-востоке¹. В изданном в 2021 г. каталоге отражены все имеющиеся источники личного происхождения, связанные с рассматриваемым периодом². Основной массив мемуаров создан во второй половине 1950-х гг. Тогда, в преддверии 40-летия Октября, была развернута кампания по сбору мемуаров о гражданской войне. Одновременно с инициативными авторами партийные органы побуждали ветеранов записать собственные воспоминания. В итоге образовались личные источники двух типов: собственно воспоминания (с названиями типа «Незабываемые годы», «Записки красногвардейца», «Воспоминания участника» и т.п.) и «автобиографии». В последнем случае авторы излагали сведения о себе, о своей жизни, с основным акцентом на событиях гражданской. Рассказ об участии в мировой войне не был главным; порой автор ограничивались несколькими фразами.

Эти источники личного происхождения имели свои недостатки – как традиционно свойственные этому типу источников, так и predetermined исходными целями собирателей текстов и авторов. В первом случае речь идет о субъективном восприятии происхо-

¹ В статье 2014 г. нами были использованы данные коллекции, включавшей на тот момент около 400 текстов, из них 44 автора-фронтовика. К настоящему времени в каталоге учтены 2836 текстов, из них участников мировой войны - 160. [54]

² В каталоге отражены все источники личного происхождения, имеющиеся в архивохранилищах Оренбургской области (архивы, их филиалы, архивы музеев Оренбурга и Орска), а также имеющиеся в хранилищах за пределами области – в Самаре, Уфе, Челябинске. Кроме того, отмечены все книжные и газетные публикации, в том числе районных газет и многотиражек.

дившего и описании его авторами, в массе своей не очень грамотными, и описывающих события почти полувековой давности. Во втором случае авторы в абсолютной массе своей использовали принятую тогда лексику и стилистические формулы; существующая оценка мировой войны как «империалистической» исключала возможность гордиться своим участием в ней, поэтому все авторы были крайне скупы на детали, уделяя более внимание тяготам службы, тупости царских офицеров, и массовому нежеланию трудящихся воевать «за царя». Также некоторые, опять-таки по понятным мотивам присочиняли себе революционные заслуги (или то, что они под этим понимали)¹. Есть некоторое количество опубликованных мемуаров в сборниках и газетных публикаций. Тексты в этом случае подвергались серьезной редактуре². В рукописных мемуарах авторы по понятным причинам старались приукрасить свое участие в происходившем: например, К. Я. Пермяков утверждал, что в 1917 г. он «ушел» с фронта в с. Петровское, где якобы организовал отряд Красной Гвардии в 350 сабель, и был назначен приказом стачечного комитета начальником этого отряда [25, л. 87]. В текстах встречаются показательные лакуны, позволяющие замечать намеренные замалчивания отдельных эпизодов: так, тот же К. Я. Пермяков указывал, что начал работать только с 17 лет батраком, вплоть до ухода на действительную службу в 1914 г., когда ему исполнилось 22 года. А. Г. Томский сообщал, что его призвали 15 мая 1916 г., и сразу же – что в мае 1918 г. в их село вошли белые казаки [4, л. 3].

Документы личного характера можно определить условно как источники группы «А».

Также нами привлечена другая группа источников с информацией о фронтовиках - назовем ее условно группа «Б». Это личные дела номенклатурных работников обкома партии. В данном случае – это фонд 371 бывшего областного архива КПСС (в настоящее время - Объединенный государственный архив Оренбургской области); фонд личных дел по учету кадров. Личные дела включали информацию о приеме, передвижении и увольнении номенклатурных работников, и что важно для наших целей – автобиографию и позицию 21 в личном листке по учете кадров: «Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)». Фонд достаточно обширный, включает в себя тысячи личных дел периода 1935-1958 гг. Он понемногу начинает изучаться, в 2019 г. был издан справочник о «лидерах Оренбуржья» «советской эпохи» - за 1919 -1991 гг. В книге были даны био-данные 562 партийных руководителей Оренбургского губернского, окружного, областного, районного и городского уровней [22]. Поскольку мы ставили перед собой иные исследовательские цели, то из общего количества дел были выбраны те, которые были начаты во временном интервале 1935 (область создана в конце 1934 г.) – 1939 гг., и где работники по возрасту попадали в годы призыва первой мировой. В итоге было определено 245 личных дел.

Буквально сравнивать источники группы «А» и группы «Б» не смысла – назначение текстов было различным. Дублированных – т.е. случаев, когда один и тот же человек написал мемуары и у него было личное дело – не наблюдается. Сразу бросается в глаза, что все авторы группы «Б» точно приводят число и месяц своего ухода с фронта. Из авторов группы «А» точно так же написал только один – Д. М. Хвалев: призван 20.7.1914 г.; до

---

¹ П. Прокопенко утверждал, что в 1914 г. в Сызрани в запасном полку «проводил активную политическую работу среди солдат», распространял нелегальную литературу, прокламации, «работу подкреплял прямым невыполнением приказаний офицеров и саботажем», за что и был подвергнут аресту, избиениям и пыткам и осуждением на 5 лет арестантских рот [2, л. 65]. И. В. Софенков: В 1916 г. за участие в забастовке с требованиями повысить зарплату «был отправлен надзирателями в царскую армию как бунтарь [7, л. 4]. М. П. Попов: В 1916 г. устроился переписчиком в уездном по воинской повинности присутствии, украл бланки белобилетников и скрылся [46, л. 3]. Федоров Г. С.: в 1916 г. «поступил в кружок во фракцию большевиков на конспиративно-подпольной организации слушателем и выполнял секретные поручения и приобретения финансовых денежных средств и экспроприаций [так в тексте] снабжения крупных политических работников» [5, л. 1.]. Гуршин М. С.: «из царской армии был отчислен за то, что был склонен к большевикам» [39, л. 1 об.]. Кобяков А. К.: учился в воскресной школе у Н. К. Крупской [51, л. 1].

² Подробнее см.: [54, с. 38-40].

1.5.1917 г. служил в полковой плотнично-столярской мастерской, до 2.12.1917 г. столяр в авиапарке [10, л.1]. Авторы группы «Б» просто сообщали о своей службе по призыву, спокойно отмечая изменения по службе – только единственный автор в своей автобиографии допустил примерно полстраницы текста эмоционального изложения армейских тягот¹.

Имеющиеся источники можно рассматривать как естественную выборку.

3. Результаты

Социальный портрет южноуральского фронтовика включает в себя обязательные элементы, с некоторой вариативностью по отдельным позициям.

Происхождение. Преобладали по понятным причинам крестьяне. В воспоминаниях группы «А» почти обязательны упоминания о нескольких моментах: бедности семьи, низкооплачиваемом труде отца, вынужденного содержать большое семейство (от 4-х до 14-ти детей), ранняя смерть отца, реже – матери, невозможность получить образование. Некоторые обороты достаточно показательны: «батрацко-крестьянская семья», «в семье крестьянина, как раньше называли (мещанина)», в семье «городского хлебороба», «сын бедного чернорабочего из Оренбурга», «сын крестьянина из Оренбурга», отец – «бедняк фактически», «незначительное состояние», «в семье вечного батрака»; в семье мещан, отец занимался летом сельским хозяйством, зимой - извозом. Некоторые авторы добавляли впечатляющие детали: мать ходила по миру с 6 детьми (Тугов), даже хаты не было (Данилов), работал за еду и одежду (Коротов), жили в землянке (Кейлик), без права на надел (Кузнецов), 2 надела на 8 детей (Немчинов), имелась только хата (Третьяков), «работал с малых лет на орских буржуев» (Мордвинов). Авторы стремились по возможности подчеркнуть свое рабочее происхождение: Березовский Г.В. писал, что он из семьи рабочего - отец был шорником у помещика; К.Я. Пермяков в одной биографии писал, что он сын рабочего из деревни Оренбургского уезда, в другой – что его отец был в селе рыбаком.

Несколько особняком стоят свидетельства казаков. От Оренбургского казачьего войска на фронт было отправлено около 40 тысяч чел. В 1918 г. красными были начаты жесткие карательные действия против казаков, обострившие военное противостояние в крае. Объявление кого-либо «казак» превращалось в обвинение. Все же некоторая часть казаков-фронтовиков в итоге перешла на сторону советской власти. По понятным причинам те немногие фронтовики казачьего происхождения, которые дожили до сбора мемуаров в 1957 году (10 чел.), были очень осмотрительны в своих повествованиях, принадлежность к казачеству старались не акцентировать. Так, например, из воспоминаний И.С. Еюкина практически невозможно понять, что он был казаком, поскольку писал о себе как о крестьянине-бедняке, если бы не один нюанс – он упоминал, что служил в Оренбургском казачьем полку [24, л. 20-27]. Сходным образом Ф. И. Усков называл себя сыном рабочего, но затем упоминал, что в 1915-1916 гг. служил в запасном полку Астраханского казачьего войска [34, л. 5.]. Или: Ф. Г. Губанов сообщал о своем призыве 1.1.1913 г. и сразу переходил к своему пребыванию в рядах Красной армии [24, л. 95-96 об.]. Авторы-казаки также подчеркивали свое бедняцкое происхождение.

Семейные и бытовые тяготы имели следствием раннее привлечение к труду. Большинство мемуаристов упоминали о своей работе по найму с 7-8-9 лет (двое – с шести лет). Отсюда - неквалифицированный труд, низкая зарплата, отсутствие профессионального опыта, разные сменяющие друг друга виды деятельности: батрак, стрелочник, подсобный рабочий кухни в чайной, ремонтный рабочий железнодорожных путей (И. Я. Кулагин); землекоп, ямщик, возчик, каменщик (И. Н. Гоголюк); батрак, в булочной, кочегар (С. С. Барышев); слесарь, библиотекарь (Т. С. Герасимов); ветеринар, стражник, мальчик в магазине

---

¹ Н. Г. Тетенин жаловался на грубое обращение с ним фельдфебеля. Суть конфликта: последний отдал приказ, на что рассказчик ему ответил: «вот попьем чайку, согреемся и сделаем», за что и был наказан. [32, л. 13.].

(П. В. Кузнецов); ученик наборщика, ученик продавца плотник поденно, столяр поденно (Д. М. Хвалев); на бойне, телеграфе, литографе (Е. Е. Легостаев).

Теперь о призыве в армию. Здесь возникает первое расхождение в судьбе одногодков: призванные и не подлежащие призыву. Среди первых есть призванные после начала войны, и призванные ранее, еще в мирное время, на срочную службу. Согласно материалам призыва были: в 1911 г. – 8 чел., 1912 г. – 15 чел., 1913 г. – 10 чел., 1914 г. – 72, 1915 г. – 89 чел., 1916 г. – 51 чел., в 1917 г. – 33 чел.¹ Не указали времени своего призыва 150 авторов.

Есть небольшое количество добровольцев – их четверо. И. А. Милованов (1900 г.р.), работавший в столярной мастерской отца, в возрасте 16 лет бежал на фронт². С. Д. Блудов, ранее работавший на Новоорской железной дороге, в возрасте 19 лет 7.02.1917 г. ушел добровольцем³. Мотивы решения не отмечены. Только третий – Ф. С. Султанов – объяснял свой выбор дальнейшими планами: пойти охотником на военную службу, «прослужить полтора года и пойти учиться» [50, л. 14]⁴.

Относительно тех, кто не был призван с нужным возрастом. Сюда можно отнести работавших как бы по «брони» – хотя нам не знаком ни один нормативный документ, определявший бы категории лиц, освобождаемых от призыва. Отталкиваясь от фактов, можно определить следующие: работающие на железной дороге, в паровозосборочном цехе, машинист, работающие в депо, стрелочники, рабочие железнодорожных путей, на строительстве дороги⁵. Кроме того: бурильщик на нефтепромыслах Нобеля в Баку; работающие на оборонных предприятиях (уволенный с оборонного завода сразу призывался). В то же время, наблюдались и исключения – работавший в 1908-1914 гг. в железнодорожных мастерских Г. П. Хорохорин был в 1914 г. призван⁶. Не подлежали призыву учителя, но в 1916 г. их стали призывать – М. А. Шалин упоминал о досрочной мобилизации в мае 1916 г. [3, л. 3]. Практически все пятеро мемуаристов-учителей были направлены на обучение в военные училища. Н. Л. Масютин уточнял, что в 1917 г. учителей стали раньше многих отпускать в отпуск, а потом приказом Главковерха Н. Дыбенко их стали демобилизовывать в первую очередь [40, л. 24].

Для полноты картины отметим несколько человек, ранее осужденных за политические преступления, и потому не призываемых. В то же время, М. М. Краснощеков, судимый и сосланный за участие в первой революции, был призван в августе 1916 г. – «стали призывать ссыльных» [2, л.2].

Собственно о пребывании на фронте почти никто ничего не сообщал⁷ – за исключением дежурных фраз о трудностях и своем революционизировании: «Наша ненависть, воспитанная жизнью к старому буржуазному строю и глубоко проникшее в нас революционное настроение в армии сразу же преопределило нашу позицию» (И. В. Березовский) [2, л. 3 об.].

¹ Последним, призванным в 1917 г., был Ф. А. Предко – в декабре. Но он на фронт не уехал, т.к. «фронт был распущен» [8, л. 1.]

² Прошел обучение в Оранниенбаумской пулеметной школе. [45, л. 114.]

³ Служить был оставлен в Оренбурге [47, л. 8.]

⁴ Ушел добровольцем в 1913 г. Служил в лейб-гвардии конно-драгунском полку в Петергофе, затем на румынской фронте. Это согласно автобиографии 1965 г. В другой автобиографии, 1928 г., он писал, что «в 1914 году был ошибочно взят на военную службу (я должен был призываться в 1916 году)» [50, л. 20.].

⁵ С другой стороны, работавший на строительстве Оренбургской железной дороги И. А. Кривцов был в сентября 1915 г. призван и до конца войны служил в автомобильной части в Петрограде [48, л. 17.].

⁶ Исключительно на уровне предположения – в литературе и воспоминаниях встречались намеки на призыв в 1914 г. отдельных лиц, неугодных администрации.

⁷ В качестве примера: С.В. Рогожкин был призван в 1911 г. В воспоминаниях он больше всего рассказывал о своей работе в советский период: до 1930-х годов в сельсовете, счетоводом, зав. складом, мастером по переработке. И только в конце биографии упоминал, что является полным георгиевским кавалером [28, л. 9.].

Только один И. Ф. Логинов откровенно заявлял о своем стремлении продвинуться по службе [49, л. 5]¹.

Некоторая часть оренбургских призванных – около полутора десятка человек – отслужила все военные годы в тылу. География различна: Термез, Самарканд, Ташкент, Порт-Перовский, Асхабад, Казалинск, Верный, Владивосток, Орск, Самара, Харбин, Сарапул, Тамбовская губ.

Некоторое количество призывников попало на флот. Сколько их было призвано – данных нет. В нашем распоряжении тексты только 9 авторов. На деле, моряков было немало. П. К. Гордеев, рассказывавший о своем возвращении домой, упоминал, что в Самаре, рядом с их эшелонами, стояли три эшелона с матросами Черноморского флота, возвращавшимися домой, на Оренбург [6, л. 6].

И еще одна особая группа – это военнопленные. Они есть только в группе «Б». Пребывание в плену: с 1914 по 1918 гг. трое, 1914-1919 гг. – двое, 1915-1918 гг. – 4 чел., 1915-1921 гг. – трое, и по одному в 1916-1918 гг., 1917-1919 гг., 1918-1919 гг. А. Сумпф со ссылкой на работу Н. Жданова 1920 г. [18] утверждал, что российские военнопленные вернулись после Брестского мира двумя волнами: март-апрель и ноябрь-декабрь 1918 г. [58, л. 503]. По нашим данным, 8 чел. вернулись в 1918 г., трое – в 1919-м, 4 чел. в 1921 г.² Самый первый в мае 1918 г., последний – в феврале 1921 г.³

Большинство просто сообщало о пребывании в плену и последующем возвращении. Среди вариантов – возвращение в декабре 1918 г. по обмену, побег из плена в июне 1918 г. и попадание домой в октябре, уход домой в декабре 1918 г., в условиях начавшейся революции в Германии. Несколько необычна судьба С.С. Усачева, попавшего в плен в феврале 1918 г., когда немцы, прервав переговоры в Брест-Литовске, перешли в наступление. Возвращен был на родину после заключения мира с Германией [37, л.5].

И, вероятно, самый важный момент – возвращение с фронта. С. Н. Базанов выделял два этапа демобилизации действующей армии: 1) неорганизованной самочинной демобилизации, проводимой местными солдатскими комитетами (ноябрь-декабрь 1917 г.); 2) организованной демобилизации по срокам призыва, руководимый Советским правительством (январь-апрель 1918 г.) [12, с. 180]. При этом он особо подчеркивал заслуги советского правительства, якобы осуществившего все «планомерно». Судя по всему, термин «неорганизованная самочинная демобилизация» придумал сам автор⁴. Есть еще одно определение – «стихийная демобилизация» – от названия картины художника Георгия Савицкого «Стихийная демобилизация царской армии в 1917 г.» -, написанной в 1928 г. Вообще термин «демобилизация» имеет четкое определение: «перевод вооружённых сил и народного хозяйства страны с военного положения на мирное» [56, с. 84.]. Этот процесс перевода включает в себя ряд мероприятий. Элегантный эвфемизм «неорганизованная самочинная» скрывает менее привлекательное понятие – дезертирство⁵. С. Н. Базанов завершает демобилизацию апрелем 1918 г. Обратимся к рассматриваемым источникам. По группе «А»: в 1916 году – 6 чел., 1917 г. - 79 (февраль – 4, март -3, май- 2, август – 3, осень – 9, ноябрь-декабрь – 30); 1918 г. – 38 чел., не указали – 42 чел. По группе «Б»: в 1917 году – 58 (январь -1, март -1, апрель – 2, весна -1, июль 2- , август -1, сент. - 3, октябрь - 8, «после октябрьской рево-

¹ Происхождением из бедной крестьянской семьи, он окончил в Оренбурге железнодорожное училище, служил в управлении Ташкентской ж.д. В армии окончил школу прапорщиков. Войну завершил штабс-капитаном.

² Двое не указали, когда и откуда они вернулись из плена.

³ П. П. Улищев попал в плен под Новогеоргиевском в июле 1915 г.; попытка побега, два месяца заключения и лагерь штрафников: «Поэтому не смог уехать с первыми партиями военнопленных, затем наехали агенты белых производить вербовку». Домой возвратился в феврале 1921 г. [34, л. 4.]

⁴ Поисковик Интернета выводит на его статьи.

⁵ «Дезертир – самовольно покинувший свою часть с целью освободиться от военной службы». [14, с. 20.]

люции» – 2, ноябрь – 6, декабрь – 21; просто в 1917 г. – 10 чел.). В 1918 г. 38 чел. (просто в этом году – 12 чел., в январе – 10, феврале – 7, марте – 3, мае – 2, октябре – 1, ноябре – 1, декабре – 2). В 1919 г. – 9 чел. (из них в первой половине года – 7). Итого в 1917 году – 137 чел., 1918-м – 118 чел., 1919 г. – 9 чел.

Анализ текстов позволяет определить следующие варианты причин возвращения домой. Прежде всего – не по инициативе рассказчика; он только исполняет приказ. Сюда относится отпуски по ранению и болезни – на излечение, а затем отпуск по состоянию здоровья. Судя по источникам, в 1916 г. имели место случаи, когда после госпиталя солдата отправляли домой, для окончательного излечения, после чего он возвращался на службу, как правило, в запасные части (3 чел.). После Февраля из полутора десятков отправленных домой по этой причине, на службу вернулся только один: «Февральские дни 1917 года застали меня в госпитале, где я находился по случаю заболевания тифом. По выздоровлению получил трехмесячный отпуск и уехал домой в с. Петропавловку... Меня после отдыха зачислили в 170-й запасной полк, что размещался в г. Бузулуке, в учебную команду»¹. Сходно у И. Т. Заплатина: ««вскоре я заболел, обморозил левую ногу в ботинке и через госпиталь был отпущен на поправку на три месяца домой»². Но отпуск по болезни активно использовался для окончательного возвращения³. Болезнь, казалось бы исключавшая военную службу, не мешала быстро определиться в мирной жизни. Показательно, что почти никто из «болевших» не называет, чем именно он был болен; исключений крайне мало – обморожение ноги и два случая тифа; во всех прочих – обтекаемые объяснения типа «я тяжело заболел и меня отпустили»⁴. По прибытии домой болезнь «исчезала»: «был отпущен по болезни, но вскоре вступил в Красную гвардию»⁵, «я заболел и прибыл в Оренбург ... Тут же по прибытию, я вступил в ряды Красной Гвардии» [43, л.12-13]; «Я лег в лазарет, пролежал там месяц, после этого комиссия меня назначила на месяц на поправку домой, в город Оренбург. Прибыл в Оренбург, ... поступил в главные Оренбургские мастерские»⁶; И.А. Сорокин прибыл на лечение в июле 1917 г. и сразу устроился на рудник [31, л.5.]; «в декабре месяце 1917 года, по состоянию здоровья, отпущен в отпуск. Прибыл я домой в село Пронькино ... принялся за организацию бедняцкого и батрацкого населения»⁷; «осенью по болезни был отпущен и прибыл в Оренбург. В поисках работы я уехал на ст. Бляево»⁸; «при оставлении фронта в 1917 году он по болезни вернулся домой; ... поступил работать в паровозное депо рассыльным»⁹ [4];

Когда мемуаристы сообщали о получении отпусков, они, в основном обходили важный момент – кто именно давал подобные разрешения. В источниках мы встречаем следующие варианты: решения полковых комитетов, а также комитетов других уровней¹⁰; инициатива солдат - мемуарист, находившийся на турецком фронте в сентябре 1917 г. был отправлен домой солдатами: «солдаты хотят больше узнать о большевиках и вот меня солдаты отправляют в сентябре месяце в отпуск. Мне было дано задание привезти большевистскую литературу, узнать настроение народа»¹¹; в пятой кав. дивизии на германском фронте после замены командования начальником штаба дивизии стал старший писарь дивизии, начавший систематически освобождать солдат¹²; встречается формулировка «демобилизован в бес-

¹ Слащинин И. [43, л. 71-84.]

² Заплатин И. Т. [26, с. 37-52.]

³ Из всех только два человека были «по чистой отставке» и «в бессрочный отпуск».

⁴ Чекурин, Л. Ф. В степях Оренбургских // Советская степь (Кваркенский район) 1957. 13 октября.

⁵ А. П. Кейлик [2, л. 2.]

⁶ Г. П. Хорохорин [44, л. 14-21.]

⁷ Веретников П. И. [45, л. 90-93.]

⁸ Татаркин И. Н. [23, л. 24-25.]

⁹ Гирин А. С. [43, л. 10-11.] Написано о себе в третьем лице.

¹⁰ Отмечены два случая, когда члены комитетов оформляли себе отпуска сами.

¹¹ Завалишин Н. П. [42, л. 79.] Он вернулся на фронт с литературой.

¹² Савельев А. Я. [43, л. 60.]

срочный отпуск» [33, л. 4]. Есть и путанные объяснения - И. С. Солдаткин: «я был отпущен на распоряжение военкомата, военкомат отпустил до особого распоряжения» [30, л. 4 об.]. Достаточно показательное следующее свидетельство: «Но поскольку была объявлена, хотя небольшая свобода, тем более свобода говорить, а свободу действовать это мы сами стали брать...»¹.

Другой вариант – также не инициативный, но под воздействием внешних факторов: разоружение солдат грузинскими меньшевиками «по дороге из Батуми в Туапсе» [42, л. 79]; разоружение немцами: «Спустя два дня немцы предприняли наступление. Наш полк был достигнут войсками неприятеля у Двинска. Все мы были разоружены и отпущены на все четыре стороны»²; разоружение гайдамаками: «Офицеры нас покинули, ушли к гайдамакам, остались с нами только младший комсостав, среди солдат дисциплина окончательно нарушена, нас здесь оренбургских солдат 13 человек, договорились бежать домой... в декабре месяце 1918 г. уезжаем, не доехав один пролет до города Ровно, нас встречает гайдамакская рота солдат, с ними наш бывший офицер Одарченко, предлагают нам сдать оружие но мы отказываемся, тогда они начали отнимать силой» [6, л. 4]; уход с территории Румынии: «В Румынии мы задержались до конца декабря 1917 года. Солдатам надоело бесцельное пребывание на чужбине. ... Но выехать из Румынии было трудно... Большевикам было предложено любыми способами добираться до России, где пешком, где поездом, где вступая в мелкие стычки с неприятелем на станциях, где обходя их, пробирались мы на родину. Многие, конечно, погибли в лапах красновских офицеров и румын»³.

Третий вариант – инициативный, но под воздействием внешних обстоятельств. А. М. Даутов писал: «Октябрьская революция застала нас в окопах, после братания с немцами через них получили информацию о внутренних событиях в России и готовились к выезду в Россию, когда началось самоопределение народов на самостоятельную республику, тогда на фронте началось формирование национальной части... Создали мусульманский батальон 1000 штыков, с 10 пулеметами, башкир, татар и мещеряков вывели с фронта до Пензы и расформировали. Старших по возрасту распустили по домам, а молодых к формируемой Красной Армии» [2, л. 14.].

И, наконец, самовольные действия: «мы не пошли за Керенским и уехали в г. Стерлитамак», «после братания с Германскими солдатами в октябре 1917 года разъехались по домам». Ф. И. Усков в 1917 г. был членом полкового комитета, в сентябре самовольно уехал домой. В ноябре 1917 г. по его словам, «казачьей секцией Царицинского губревкома был демобилизован и направлен на свою старую работу в депо» [36, л. 5 об.].

Стоит указать, что оценки своих действий и мотивов таковых могли меняться и меняться в зависимости от современных реалий. Это хорошо видно на примере Ф. Султанова. В биографии середины 1920-х гг. он писал, что «после октябрьской революции приехал домой в отпуск, где и остался до роспуска старой армии». В автобиографии декабря 1928 г.: «после Октябрьской революции я самовольно ушел из полка и приехал домой в 1917 году, в декабре месяце». В автобиографии 1965 г.: «в январе 1918 г. демобилизовался и приехал домой» [50, л. 1, 14].

Нам интересны не столько способы возвращения с фронта, сколько взгляды на это самих фронтовиков. Понимание ими того, что сделано и отношения к этому их самих и окружающих. Согласно ст. 136 Воинского устава о наказаниях [Спб. 1868 г.] «за побег во время войны в районе военных действий в первый раз назначались наказания не выше 5 лет в исправительных арестантских отделениях, во второй раз - каторга до 20 лет, а в третий раз - смертная казнь». Мы убеждены, что все военнослужащие были знакомы с «Воинским уста-

¹ Сучков С. Д. [27, л. 16.]

² Небайкин, А. Из воспоминаний очевидца // Коллективная мысль (Люксембургский район). 1957. 6 октября.

³ Г. С. Конарев [1, л. 86.]. Речь идет о генерале Краснове.

вом», и потому каждый «уходивший» не мог не понимать возможных плачевных последствий: уголовная норма установлена государством – нарушение нормы – наказание. Достаточно изъять из логической цепочки исходное звено – поставить под сомнение легитимность власти, издавшей норму, как исчезает угроза третьего элемента. Однако, возникает резонный вопрос: действительно ли солдаты на фронте после Февраля стали воспринимать Временное правительство как нечто незаконное, и уж точно не как легитимную власть? Советская историографическая традиция в этом была убеждена. Как уже отмечалось, в советской историографии дезертирство оценивалось дифференцированно: как нечто положительное – из царской армии до октября, и как воинское преступление – после Октября.

В казачьей среде возвращение с войны воспринималось однозначно. Так, Д. Я. Лемясов писал: «В конце 1917 и начале 1918 гг., как известно, в станицах и поселках было уже много казаков, вернувшихся с фронта по разным причинам: одни по ранению или болезни, а другие просто самовольно бросив оружие, ушли с фронта вообще ввиду разложения царской армии. Но придя в родной дом, положение этого казака не улучшалось. Большая часть стариков и тех, кто не был на фронте, не давали житья казакам, вернувшимся с фронтов. Их называли предателями царя, отечества и больше всего предателями казачества. На этой почве происходили повсюду недоразумения. Старики вместе с атаманами, кулаками и священнослужителями, не доверяли им, считая их изменниками. Эта нетерпимая обстановка вынуждала некоторых казаков-фронтовиков покинуть родные станицы и поселки и обитать на полулегальном положении, укрываясь от стариков в станицах» [37, л. 294-295].

Специально никто из авторов свои действия не объяснял, но по косвенным признакам можно получить некоторые представления. Обратим внимание на формулировки в источниках, где авторы сообщают о своем возвращении с фронта. В одном случае инициатива принадлежала рассказчику: «решили по домам», «вернулся», «ушел», «возвратился домой», «приехал в отпуск», «демобилизировался», «демобилизуюсь», «В 1917 году после демобилизации пришел домой, как надоело быть у царской армии». Другой вариант – решение принималось другими: «демобилизован», «уволен в запас», «отчислен из армии», «были возвращены из армии», Предоставление отпуска по здоровью и просто отпуска было своеобразной легитимацией содеянного, выводило из-под определения «дезертир». Однако, последующее сообщение о том, что прибыв на родину, мемуарист сразу устроился на работу – это тоже дезертирство. Показательно, что некоторые авторы прибегали к нарочитой неопределенности: «по возвращении», «придя домой» и т.п.

Налицо различное ощущение легитимированности действий. Попытка закрепиться в тылу сочеталась с определенным страхом перед возмездием. Одной из «законных» лазеек стало привлечение фронтовиков на службу в милицию. Можно предположить, что своеобразный надлом в сознании произошел летом 1917 года. До этого времени фронтовики законопослушны. В качестве примера, свидетельство Г. В. Савельева, весной 1917 г. отпущенного в отпуск домой; по окончании отпуска он вернулся к месту службы. В октябре 1917 г. он вновь получает отпуск домой, уже по ранению – и теперь остается дома¹. Если говорить о человеческих качествах тех, кто возвращался в первой половине года, то это, несомненно, были люди решительные, с авантюрной жилкой. Вероятно, поэтому летом отмечены случаи участия отпускных в погромах. Своеобразный прорыв произошел в октябре – когда с фронтов люди пошли потоком.

Информации о том, каковы были желания и намерения фронтовиков, источники не дают. Утверждения советских авторов, что солдаты, будучи крестьянами в шинелях, торопились к переделу земли в рамках Декрета о земле, более построены на логических рассуждениях (возможны единичные примеры из мемуаров). В нашем случае о декрете упоминал только один автор, Конарев Г. С., служивший в Румынии, что в конце декабря 1917 г. по-

¹ Завалишин Н. П. [29, л. 4.]

шли слухи, что в России делят помещичью землю, но кто не будет дома, ее не получит. Это еще больше взбудоражило солдат, они стали самовольно уходить с фронта» [1, л. 88]. Применительно к рассматриваемому региону не отмечено ни одного заявления или даже намека. Проблема для Южного Урала неактуальна – много земли, мало помещичьих владений.

Определенную информацию может дать анализ конкретных действий возвращающихся фронтовиков. Но при этом важно учитывать специфику региона. Сюда можно отнести два важных момента. Прежде всего – обостренное противостояние «рабочей» власти и «казачьей». А также то, что регион был связан с центральной Россией через единственную железную дорогу Москва-Самара-Оренбург-Ташкент. От Самары до Оренбурга было однопутное полотно, и кто его контролировал, тот контролировал поток возвращающихся с фронта. Державшие в конце 1917 г. – начале 1918 г. дорогу «красные» фильтровали возвращающихся (отмечены расстрелы офицеров), вербовали к себе сторонников, и, главное, разоружали фронтовиков. По свидетельству П. Н. Уварова: «К эшелону подошли несколько парламентариев. Недолго длились беспорядочные переговоры, т.к. приезжие требовали пропустить поезд в Оренбург, а заградительный отряд Красной Гвардии требовал сдать все оружие, которое найдется в поезде у солдат. Дело кончилось тем, что по поезду было произведено несколько залпов, пассажиры были загнаны в вагоны, и был произведен тщательный обыск провозимого багажа. Обнаруженное у солдат огнестрельное и холодное оружие было изъято, и после чего наш поезд через 30-40 минут остановился на перроне ст. Оренбург. В Оренбурге в это время существовала советская власть» [9, л. 5.].

Какой выбор делали возвращающиеся с войны фронтовики? С. Н. Базанов заключал, что «совершенно очевидно, что миллионные массы фронтовиков, оставленных без средств к существованию и долгое время считавших винтовку чуть ли не единственным средством обеспечения себя и своей семьи, как раз и явились тем «горючим материалом», который длительное время питал полыхавший по городам и весям факел гражданской войны» [11, с. 37.]. Позволим себе сомнение, относительности того, что это «совершенно очевидно». Очевидным является то, что фронтовики вне событий гражданской войны остаться не могли и не остались; очевидно, что они были в армиях обеих противоборствующих сторон, Но сомнительно, что миллионы оставшихся «без средств к существованию» не увидели для себя иного выхода, кроме военного насилия. Разумеется, какая-то часть сделала такой выбор. Отдельные мемуаристы сообщали, что по возвращении они сразу или почти сразу пошли в Красную Гвардию. По понятным мотивам это выдавалось за революционность. Следует учитывать заданность мемуаров; цель повествования – о своем участии в гражданской войне. Отсюда достаточно логично, что рассказчик вернулся и сразу окунулся в борьбу: «В декабре 1917 года возвращаясь с фронта первой мировой войны я твердо решил вступить в красногвардейский отряд, чтобы отстоять завоевания Великой Октябрьской Социалистической революции»¹. Разумеется, мы допускаем наличие подобных идейных борцов, но выражаем сомнение в массовости. Анализ биографических данных показывает, что это были исключительно те, кто был до призыва батраком или занимался неквалифицированным трудом. Им нужно было на что-то жить. Это потом была создана легенда о Красной гвардии, как опоре большевистской партии; заявление мемуариста себя красногвардейцем гарантировало увеличение «революционного» стажа с последующими материальными благами. Красная гвардия была прежде всего военизированным отрядом, где за службу платили жалование. Об этом не писали, но Е. П. Белова-Грызлова вспоминала, как в апреле 1918 г. было решено создать в селе Петровском Красную гвардию. В нее записалось 75 чел. Общим сходом было решено оплачивать по 5 руб. в месяц со двора» [38, л. 4].

Некоторая часть городских, с определенными навыками и профессиональной подготовкой предпочли найти работу, но столкнулись с трудностями. В городе при «казачьей» вла-

¹ Испанюк Ф. В. [41, л. 11.]

сти рабочим было плохо; советская власть продержалась в Оренбурге с января 1918 г. по июнь, после чего город был оставлен и часть работающих предпочла покинуть город с отступающими красными. Собственно, это вторая группа фронтовиков, вынужденно втянутых в вооруженное противостояние обстоятельствами.

Третья группа – крестьяне, вернувшиеся в свое хозяйство (хозяйство отца, брата) и занявшиеся сельским трудом. Практически все мемуаристы группы «Б» принадлежали к этой категории. Часть крестьян также оказалась втянута помимо своей воли в гражданскую войну: председатели сельсоветов, работники волкомов, вынужденно уходили из своих сел, когда туда приближались казаки, и уходили они к красным. Кроме того, обе стороны прибегали к мобилизациям: основной призыв пришелся на апрель-июль 1918 г. – здесь и в красную армию, и в белую. Еще одна мобилизация в красную армию была в декабре 1918 г. – готовились к последнему штурму Оренбурга, занятому в итоге в январе 1919 г. Затем мобилизация лета 1919 г. Все авторы группы «Б» были мобилизованы в 1918-1919 гг., среди них нет ни одного добровольца¹. Но именно эти люди состояли в номенклатуре обкома партии в 1930-е гг.

4. Заключение

На основе имеющихся источников личного происхождения можно констатировать, что фронтовики первой мировой войны действительно являются поколением (суб-поколением «поколения революционного перелома») с особой судьбой и особым, только ими полученным социальным опытом. Определяющим в их представлениях было все-таки не участие в гражданской войне (как и в любой иной войне) и борьба за светлое будущее, но тяга к мирной жизни, желание как-то компенсировать потерянные годы; не случайно двое авторов особо подчеркивали, что почти сразу по возвращении женились. Полученный ими социальный опыт участия в мировой войне в дальнейшей жизни был малоприменим; в своеобразный зачет шло только участие в войне гражданской, и именно на «красной» стороне. Полученная частью фронтовиков профессиональная подготовка (автомобильные войска, фельдшера и т.п.) способствовали определенному продвижению по социальной лестнице, но в целом абсолютное большинство не было востребовано новой властью, мало для кого сработал социальный лифт. Для этого нужно было не только участие в гражданской войне и членство в партии, но обязательная причастность к особым структурам – ЧК и ЧОН. Коммунистическая власть делала ставку на следующее за фронтовиками суб-поколение – поколение первых комсомольцев.

Список источников и литературы

1. Архив Бузулукского краеведческого музея. Т.2.
2. Архив Орского краеведческого музея (АОКМ). Д. 1/49.
3. АОКМ. Д. 3/40.
4. АОКМ. Д. 3/41.
5. АОКМ. Д. 3/49.
6. АОКМ. Д. 10/31.
7. АОКМ. Д. 13/51.
8. АОКМ. Д. 24/9.
9. АОКМ. Д. 99/31.
10. АОКМ. Д. 101/31.
11. Базанов, С. Н. (1998). *Демобилизация русской армии* // Военно-исторический журнал. № 2. С. 27-37.

---

¹ Есть несколько примеров, когда людей мобилизовывали в белую армию, но они скрывались и потом приходили к красным. Есть несколько случаев, когда до полугода служили в белой армии, а потом переходили к красным.

12. Базанов, С. Н. (2002). *Борьба за русскую армию в послеоктябрьский период* // Труды Института российской истории РАН. 1999-2000. Вып. 3. С. 157-185.
13. Безгин, В. Б., Якимов, К. Я. (2002). *Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома»* // Вестник архивиста. № 4. С. 1235-1247.
14. *Военная энциклопедия*. (1912). Т.IX. СПб.: Т-во И.Д. Сытина. 322 с.
15. Вязинкин, А. Ю. (2022). *Поколение "революционного перелома" в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии* // Вопросы истории. № 7 (2). С. 153-165.
16. Вязинкин, А. Ю., Якимов, К. Я. (2022). *Крестьянский традиционализм в годы "революционного перелома"* // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 27. № 5. С. 1296-1303.
17. Грибков, И. В. (2014). *Фронтовики на историческом переломе 1917-1918 гг. в условиях провинции (Дмитровский уезд Московской губернии)*. // От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. М.: «АИРО-XXI». С. 503-508.
18. Жданов, Н. М. (1920). *Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг.* М.: [б.и.].376 с.
19. Заяц, Н. А. (2014). *«Союзы фронтовиков» в 1917-1918 гг. и их роль в революции и гражданской войне*. // От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. М: АИРО-XXI. С. 509-547.
20. Кистанов, С. В. (2018). *Для них армия стала революционной школой* // Научное обозрение: электрон. журн. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dlya-nih-armiya-stala-revoljutsionnoy-shkoloy> (дата обращения 1.08.2023)
21. Коновалов, В. С. (2007). *Крестьянство России в годы войны и революции (обзор)*. // 1917 год. Россия революционная. Сборник обзоров и рефератов. Сер. "История России". М.: Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел отеч. и заруб. Истории. С. 112-161.
22. *Лидеры Оренбуржья советской эпохи. Биографический справочник*. (2019). Самара: ООО «Слово», 2019. 344 с.
23. Научный архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (НА ОГИКМ). Ф. 2554. Оп. 1. Д. 956.
24. НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп.1. Д. 958.
25. НА ОГИКМ. Ф.2554. Оп.1. Д. 969.
26. НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп. 1н. Д. 996.
27. НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп.1. Д. 1003.
28. НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп. 1. Д.1009.
29. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 28. Д. 436.
30. ОГАОО. Ф. 371. Оп.28. Д. 1254.
31. ОГАОО. Ф. 371. Оп.28. Д. 1333.
32. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 1796.
33. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 2064.
34. ОГАОО. Ф. 371. Оп.28. Д. 2205.
35. ОГАОО. Ф.371. Оп.28. Д. 2248.
36. ОГАОО. Ф. 371. Оп.28. Д. 2255.
37. ОГАОО. Ф. 2554. Оп.1. Д. 958.
38. ОГАОО. Ф. 2554. Оп.1. Д. 1031.
39. ОГАОО. Ф. 2837. Оп.1. Д. 65.
40. ОГАОО. Ф. 2857. Оп.1. Д. 167.
41. ОГАОО. Ф. 2900. Оп.1. Д. 167.

42. ОГАОО. Ф. 2900. Оп.1. Д. 168.
43. ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 169.
44. ОГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.170.
45. ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 172.
46. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 76.
47. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 93.
48. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д.223.
49. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 240.
50. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 305.
51. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 363.
52. Посадский, А. В. (2014). *Солдат в тыловой губернии в 1917-19181 гг. (на материалах Саратовской губернии)*. // От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. М.: «АИРО-XXI». С. 548-570.
53. Сафонов, Д. А. (2014). *«Фронтвики» как социальное явление в 1917-1918 гг.* // От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. М.: «АИРО-XXI», С. 480-502.
54. Сафонов, Д. А. (2021). *Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников: оренбургские источники: монография*. Оренбург: ОГУ. 311 с.
55. Слезин, А. А. (2022). *Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей* // Вопросы истории. № 8-2. С. 106-128.
56. *Словарь военных терминов*. сост. А. М. Плехов, С. Г. Шапкин. М.: Воениздат, 1988. 335 с.
57. Смирнов, А. С. (1976). *Большевики и крестьянство в Октябрьской революции*. М.: Политиздат, 1976. 232 с.
58. Сумпф, А. (2012). *Политическая мобилизация и военная демобилизация ветеранов как общественный и личный опыт великой войны в России, 1914-1921 гг.* // Человек и личность в истории России, конец XIX — XX век: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года). СПб.: Нестор-История. С. 493-510.
59. Шанин, Т. (2005). *История поколений и поколенческая история* // Человек. Сообщество. Управление. № 3. С. 6-25.
60. Neil H., Strauss W. (1991). *Generations: the history of America's Future. 1584 to 2069*. New York: Quill, 600 p.
61. Wohl R. (1979). *The Generation of 1914*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 307 p.

References

1. Arkhiv Buzulukskogo kraevedcheskogo muzeya [Archive of the Buzuluk Museum of Local Lore] (ABKM). v. 2.
2. ABKM. T.2. Л. 88. ABKM. v. 2.
3. Arkhiv Orskogo kraevedcheskogo muzeya [Archive of the Orsk Museum of Local Lore] (АОКМ), d. 1/49.
4. АОКМ. d 3/40.
5. АОКМ. d. 3/41.
6. АОКМ. d. 3/49. №25.
7. АОКМ. d. 10/31.
8. АОКМ. d. 13/51.
9. АОКМ. d. 24/49.
10. АОКМ. d.99/31.
11. АОКМ. d.101/31.

12. Bazanov, S. N. (1998). *Demobilizatsiya russkoi armii*. [Demobilization of the Russian army] In *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 27-37. (in Russian).
13. Bazanov, S. N. (2002). *Bor'ba za russkuyu armiyu v posleoktyabr'skii period* [The struggle for the Russian army in the post-October period.] In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*. 3. 2002. 157-185. (in Russian).
14. Bezgin, V. B., Yakimov, K. Ya. (2022). *Sotsial'no-demograficheskii portret politkatorzhan pokoleniya «revolyutsionnogo pereloma»* [Socio-Demographic Portrait of Political Prisoners of the “Revolutionary Turning Point” Generation.] In *Vestnik arkhivista*, 4, 1235-1247. (In Russian)
15. *Voennaya entsiklopediya* (1912). [Military encyclopedia]. T.IX. Petersburg: publishing house T-va I.D. Sytina. 322. (In Russian)
16. Viazinkin, A. Y. (2022). *Pokoleniye "revolyutsionnogo pereloma" v sudbe russkoy derevni pervoy treti XX v.: problemy istoriografii* [Generation of “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography.]. In *Voprosy istorii*. 7-2. 153-165. (in Russian).
17. Viazinkin, A. Y., Yakimov, K. A. (2022). *Krest'yanskiy traditsionalizm v gody «revolyutsionnogo pereloma»* [Peasant traditionalism during the era of the “revolutionary turning point”.] In *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 27. 5. 1296-1303. (in Russian).
18. Gribkov, I. V. (2014). *Frontoviki na istoricheskom perelome 1917-1918 gg. v usloviyakh provintsii (Dmitrovskii uezd Moskovskoi gubernii)* [Front-line soldiers at the historical turning point of 1917-1918. in provincial conditions (Dmitrovsky district, Moscow province) In *Ot «germanskoi» k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty*. Moscow: «AIRO-XXI». 503-508. (in Russian).
19. Zhdanov, N. M. (1920). *Russkie voennoplennye v mirovoi voine 1914-1918 gg.* [Russian prisoners of war in the world war 1914-1918.] Moscow. (in Russian).
20. Zayats, N. A. (2014). *«Soyuzы frontovikov» v 1917-1918 gg. i ikh rol' v revolyutsii i grazhdanskoi voine*. [“Unions of front-line soldiers” in 1917-1918. and their role in the revolution and civil war.] In *Ot «germanskoi» k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty*. Moscow: «AIRO-XXI». 509-547. (in Russian).
21. Kistanov, S. V. (2018). *Dlya nih armiya stala revolyutsionnoi shkoloй [Elektronnyi resurs]* [For them, the army has become a revolutionary school [Electronic resource].] / In *Nauchnoe obozrenie: elektron. Zhurn.* 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dlya-nih-armiya-stala-revolutsionnoy-shkoloy> (1.08.2023) (in Russian).
22. Konovalov, V. S. (2007). *Krest'yanstvo Rossii v gody voiny i revolyutsii (obzor)*. [Peasantry of Russia during the years of war and revolution (review). In Russ.] In *1917 god. Rossiya revolyutsionnaya. Sbornik obzorov i referatov. Ser. "Istoriya Rossii"*, Moscow: Tsentr sotsial'nykh nauch.-inform. Issled. 112-161. (in Russian).
23. Lidery Orenburzh'ya sovetской epokhi. Biograficheskii spravochnik (2019).. [Leaders of the Orenburg region of the Soviet era. Biographical guide]. Samara: ООО «Slovo». (in Russian).
24. Nauchnyi arkhiv Orenburgskogo gubernatorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Scientific archive of the Orenburg Governor's Museum of History and Local Lore] (NA OGIKM). f. 2554. op. 1. d. 956.
25. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 958.
26. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 969.
27. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 996.
28. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 1003.
29. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 1009.
30. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region] (OGA OO). f. 371. op. 28. d. 436.
31. OGA OO, f. 371, op. 28, d. 1254.
32. OGA OO, f. 371, op. 28, d. 1333.

33. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 1796.
34. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 2064.
35. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 2205.
36. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 2248.
37. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 2255.
38. OGAOO, f. 2554, op. 1, d. 958.
39. OGAOO, f. 2554, op. 1, d. 1031.
40. OGAOO, f. 2837, op. 1, d.65.
41. OGAOO, f. 2837, op. 1, d. 167.
42. OGAOO, f. 2900, op. 1, d. 168.
43. OGAOO, f. 2900, op. 1, d. 169.
44. OGAOO, f. 2900, op. 1, d. 170.
45. OGAOO, f. 2900, op. 1, d. 172.
46. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 76.
47. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 93.
48. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 223.
49. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 240.
50. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 305.
51. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 363.
52. Posadskii, A. V. (2014). *Soldat v tylovoi gubernii v 1917-1918 gg. (na materialakh Saratovskoi gubernii)*. [Soldier in the rear province in 1917-1918. (on the materials of the Saratov province).] In *Ot «germanskoi» k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty*. Moscow, «AIRO-XXI», 548-570. (in Russian).
53. Safonov, D. A. (2014). «*Frontoviki*» kak sotsial'noe yavlenie v 1917-1918 gg. ["Front-line soldiers" as a social phenomenon in 1917-1918.] In *Ot «germanskoi» k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty*. Moscow, «AIRO-XXI», 480-502. (in Russian).
54. Safonov, D. A. (2021). *Epoha revolyucionnykh peremen pervoj chetverti XX veka v vospominaniyah sovremennikov: orenburgskie istochniki: monografiya* [The era of revolutionary changes in the first quarter of the XXth century in the memoirs of contemporaries: Orenburg sources: monograph.] Orenburg, Orenburg state. University Publ. (in Russian).
55. Slezin, A. A. (2022). *Selskaya molodezh pervoy treti XX v. i eye vliyaniye na sotsium v otsenkakh sovremennykh issledovateley* [Rural youth in the first third of the 20th century. and its impact on society in the assessments of modern researchers.]. In *Voprosy istorii*, 8-2, 106-128. (in Russian).
56. Slovar' voennykh terminov (1988). [Dictionary of military terms.] Moscow, Military Publishing House. (in Russian).
57. Smirnov, A. S. (1976). *Bol'sheviki i krest'yanstvo v Oktyabr'skoi revolyutsii*. [Bolsheviks and the peasantry in the October Revolution]. Moscow, Politizdat. (in Russian).
58. Sumpf, A. (2012). *Politicheskaya mobilizatsiya i voennaya demobilizatsiya veteranov kak obshchestvennyi i lichnyi opyt velikoi voiny v Rossii, 1914-1921 gg.* [Political mobilization and military demobilization of veterans as a social and personal experience of the great war in Russia, 1914-1921.] In *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX — XX vek* Sankt-Petersburg, Nestor-Istoriya, 493-510. (in Russian).
59. Shanin, T. (2005). *Istoriya pokolenii i pokolencheskaya istoriya* [History of generations and generational history] In *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 3, 6-25. (in Russian).
60. Neil H., Strauss W. (1991). *Generations: the history of America's Future. 1584 to 2069*. New York, Quill. (in English).
61. Wohl R. (1979). *The Generation of 1914*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. (in English).

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ / HISTORY OF EUROPE

УДК 94 (44/99)

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-135-142>**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ XX В.: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ***И. В. Крючков**А. А. Кудрявцев**Северо-Кавказский федеральный университет
ул. Пушкина, Ставрополь, 1355017, Россия***Аннотация**

Введение. Статья посвящена истории отношений Болгарии и России в начале XX в. Автор отмечает, что два государства были заинтересованы в совместной торговле и развитии экономики. Этому вопросу уделялось большое внимание в российской периодической печати, указывая на большие выгоды со стороны экономических отношений двух государств. Болгария в это время была страной с быстро развивающейся экономикой. Это государство вызвало интерес у многих европейских держав. Главное место в оценке возможностей русского проникновения в Болгарию занимали дипломатические миссии. **Материалы и методы.** Источники, послужившие основой для статьи, связаны с дипломатическими материалами начала XX в.: донесения секретарей дипломатического агентства в Софии, донесения вице-консула в Бургасе, дневники и воспоминания. Главным образом внимание уделяется оценке торговых возможностей. При анализе источников автор использовал традиционные методики объективности и критического подхода, учитывал субъективный характер материалов. **Результаты.** Дипломаты были единодушны в том мнении, что российские торгово-промышленные круги в условиях быстрого развития внутреннего рынка проявляли слабый интерес к развитию внешней торговли, в том числе с Болгарией. Российские предприниматели не имели четких представлений о запросах болгарского потребителя, о болгарских фирмах с которыми они могли вести торговые операции, об их кредитоспособности. В отличие от представителей других стран, особенно Австро-Венгрии, российский бизнес не предпринимал усилий для развития торговли с болгарскими в кредит, то есть, когда последние получали товар под последующую реализацию. Российские предприниматели не имели собственных коммивояжеров, которые разъезжали по Болгарии, изучая спрос местного населения, знакомя его с образцами товаров из России, принимая заказы и снабжая товарами болгарских торговцев. Все это самым негативным образом сказывалось на развитии двухсторонней торговли. **Заключение.** В создавшихся условиях не Россия, а Австро-Венгрия играло главную роль в развитии экономики Болгарии. Это определило и политические симпатии болгарских властей. В Санкт-Петербурге понимали эту проблему. Однако политические осложнения на полуострове и начала первой мировой войны не позволили довести до конца эту созидательную работу, которая могла бы привести к значительному увеличению объемов экономических связей России и Болгарии.

Ключевые слова: Болгария, Австро-Венгрия, Российская империя, Балканы, Первая мировая война, дипломатия России

Для цитирования: Крючков И. В., Кудрявцев А. А. (2024). Перспективы развития экономических отношений России и Болгарии в начале XX в.: взгляд российских дипломатов // История: факты и символы. № 1 (38). С. 135-142 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-135-142

Статья поступила: 10.09.2023

Статья принята в печать: 27.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Крючков И., Кудрявцев А., 2024

THE FUTURE OF ECONOMIC RELATIONS RUSSIA AND BULGARIA IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: THE VIEW OF RUSSIAN DIPLOMATS

Igor Kryuchkov,

Alexander Kudrevtsev

*North Caucasus Federal University
st. Pushkin, Stavropol, 1355017, Russia*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the history of relations between Bulgaria and Russia at the beginning of the 20th century. The two states were interested in joint trade and economic development. This issue received a lot of attention in Russian periodicals. The press pointed out great benefits from the economic relations of the two states. Bulgaria at this time was a country with a rapidly developing economy. This state aroused the interest of many European powers. Diplomatic missions occupied the main place in assessing the possibilities of Russian penetration into Bulgaria. **Materials and methods.** The sources of the article are related to diplomatic materials from the beginning of the 20th century: reports of secretaries of the diplomatic agency in Sofia, reports of the vice-consul in Bulgaria, diaries and memoirs. The main focus is on assessing trading opportunities. When analyzing sources, the author used traditional methods of objectivity and a critical approach, taking into account the subjective nature of these materials. **Results.** Diplomats believed that Russian commercial and industrial circles, given the rapid development of the domestic market, showed little interest in Bulgaria. Russian entrepreneurs did not have a clear idea of the needs of the Bulgarian consumer, of the Bulgarian companies with which they could conduct trade operations, or of their creditworthiness. Unlike representatives of other countries, especially Austria-Hungary, Russian business made no efforts to develop trade with the Bulgarians. Russian entrepreneurs did not have their own traveling salesmen who traveled around Bulgaria studying the demand of the local population. Interest in Bulgaria was weak because Russian business was associated with domestic economic development. All this had a very negative impact on the development of bilateral trade. **Conclusion.** In the current conditions, it was not Russia, but Austria-Hungary that played the main role in the development of the Bulgarian economy. This also determined the political sympathies of the Bulgarian authorities. St. Petersburg understood this problem. However, political complications on the peninsula and the outbreak of the First World War did not allow this creative work to be completed, which could have led to a significant increase in the volume of economic relations between Russia and Bulgaria.

Keywords: Bulgaria, Austria-Hungary, Russian Empire, Balkans, World War I, Russian diplomacy

For citation: Kryuchkov I. V., Kudrevtsev A. A. (2024). The future of economic relations Russia and Bulgaria in the beginning of the XX century: the view of russian diplomats) In History: facts and symbols, 1 (38), 20-31 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-135-142

Received: 09.10.2023

Revised: 27.02.2024

Published: 15.03.2024

© Kryuchkov I., Kudrevtsev A. 2024

1. Введение

В начале XX в. в российском обществе растет интерес к проблемам экономического развития Болгарии, несмотря на сложные дипломатические взаимоотношения двух стран. Особую роль в данном процессе играла периодика России [4].

Однако основным источником сбора информации об экономическом развитии Болгарии в начале XX в. являлись российские дипломатические миссии, находившиеся в стране. На их сообщения ориентировалась политическая и деловая элита страны в оценке экономических процессов, происходивших в Болгарии и в определении перспектив развития двухсторонней торговли. Российские дипломаты были далеки от радужных оценок народного хозяйства Болгарии, основу которого составляло аграрное производство.

2. Материалы и методы

Источники, послужившие основой для статьи, связаны с различными дипломатическими материалами начала XX в. Это донесения секретарей дипломатического агентства в Софии, донесения вице-консула в Бургасе, дневники и воспоминания. Главным образом в статье внимание уделяется оценке торговых возможностей Болгарии и общей экономической ситуации в стране. При анализе источников автор использовал традиционные методики объективности и критического подхода, учитывал субъективный характер материалов.

3. Результаты

Российские дипломаты подчеркивали его отсталость и низкую производительность. Российский консул в Бургасе в 1903 г. по этому поводу писал: «Обработка земли производится крайне примитивным способом, а усовершенствованные земледельческие орудия и машины мало известны» [3, с. 287]. В качестве подтверждения отсталости сельского хозяйства Болгарии традиционно отмечались низкая агрокультура земледельцев страны, в частности отсутствие применения удобрений в болгарском селе, где этот процесс заменялся сжиганием травы во время сухой погоды, полученный пепел был единственным удобрением. Использование других видов удобрений в Болгарии только начинало распространяться в начале XX в.

Дипломаты отмечали доминирование в сельском хозяйстве Болгарии двуполья, что так же самым негативным образом сказывалось на производительности болгарских крестьян. Все это тормозило развитие аграрного сектора страны, хотя страна имела для успешного ведения земледелия самые благоприятные условия (чернозем и хороший климат), которым российские крестьяне могли только завидовать. Поэтому в условиях патриархального земледелия болгарские крестьяне полностью зависели от погодно-климатических условий, и даже незначительная засуха приводила к катастрофическим результатам. Отсюда на рубеже XIX – XX вв. Болгария постоянно сталкивалась с неурожаями, после хорошего урожая 1896 г., следующим урожайным годом стал 1902 г.

Российские дипломаты выделяли социальные и ментальные факторы, тормозившие развитие болгарского села. Среди них выделялась косность мышления болгарских земледельцев, их негативное отношение к новшествам и инновациям. Эта черта была присуща даже зажиточным болгарским крестьянам, которые отличались низким уровнем предприимчивости. Отсутствие крупного капиталистического производства в сельском хозяйстве страны стало серьезной проблемой Болгарии. Болгарские крестьяне страдали и от других

бед, в том числе отсутствие хорошей транспортной инфраструктуры, неразвитостью мелкого кредита и перерабатывающей промышленности.

Нелицеприятными являлись оценки российскими дипломатами состояния дел в животноводстве страны. Болгария имела хорошие пастбища, но этот объективный фактор так же не использовался в полной мере болгарскими крестьянами. «Несмотря на существование хороших пастбищ нужно сказать, что скотоводство здесь также ведется примитивно и даже небрежно», – отмечал Г. Брандт [3, с. 289]. В стране мало делалось для улучшения пород крупного и мелкого рогатого скота, селекционная работа находилась на очень примитивном уровне. Болгарские крестьяне в основном производили скот в качестве тягловой силы, поэтому мясомолочное производство в Болгарии делало только первые шаги. Кстати дипломаты не раз подчеркивали низкое качество болгарской сельскохозяйственной продукции в частности мяса и вина.

Показателем отсталости болгарского животноводства являлось слабое развитие в стране коневодства, несмотря все усилия болгарского правительства активизировать эту сферу в условиях отсутствия частной инициативы. Однако возможности правительства Болгарии были очень ограничены. Несколько иное положение дел наблюдалось в овцеводстве. По мнению российских дипломатов, болгарские крестьяне здесь проявляли больше инициативы, так как от овцеводства они получали весомые доходы. Шерсть и мясо овец отличались довольно высоким качеством, что вело к их обширному сбыту в Стамбуле.

Стратегической задачей Болгарии в начале XX в. являлась ее индустриализация. В стране постепенно развивались текстильная, пищевая, горнодобывающая промышленность [2, с. 20]. Однако эти успехи, на взгляд российских дипломатов были очень скромными. Стране не хватало инвестиций, а незначительные зарубежные инвестиции не могли переломить ситуацию к лучшему, в стране отсутствовали высококвалифицированные кадры, а самое главное Болгария имела узкий внутренний рынок. Болгарское крестьянство, составлявшие основу болгарского общества, располагало незначительными денежными ресурсами, к тому же оно, по-прежнему ориентировалось на полунатуральное производство.

В качестве примера, можно провести анализ, вице-консулом в Бургасе состояния дел в местной промышленности. В Бургасском округе в основном развивалась переработка шерсти центром которой являлся г. Сливен, где находилось 14 частных фабрик, кстати, государственная фабрика простаивала. На всех этих фабриках работало всего 496 чел., в качестве источника энергии фабрики использовали реки [3, с. 291]. Около 60% произведенной продукции шло на удовлетворение потребностей армии и полиции, а оставшаяся часть вывозилась в Османскую империю, то есть внутренний рынок не выступал в качестве стимула для развития болгарской промышленности. Техническое оснащение данных фабрик, не выдерживало ни какой критике, они находились в малоприспособленных помещениях, не соответствовавших даже элементарным представлениям о трудовой гигиене. При этом рабочие полностью зависели от работодателей. Болгарии были незнакомы успехи европейского социального законодательства начала XX в.

Большим тормозом в развитии болгарской экономики являлось неразвитость транспортной инфраструктуры. Шоссеиных дорог было очень мало, многие из них из-за недостатка средств были не достроены. В тоже время в начале XX в. в этом секторе отмечались некоторые успехи, строились железные дороги, главным образом иностранными инвесторами, модернизируются порты Варна и Бургас, что закладывало основы для экономического развития страны, в том числе ее внешней торговли.

К сожалению, для российского дипломатического корпуса Россия во внешней торговле Болгарии занимала второстепенные позиции. В 1890-1894 гг. Австро-Венгрия ввезла в Болгарию товаров на 32,5 млн франков, Великобритания на 18,8 млн франков, Османская империя на 8,2 млн франков, а Россия по этому показателю находилась только на 5-м месте с 4,4 млн франков. В дальнейшем ситуация усугублялась. В 1900-1904 гг. Австро-Венгрия

ввезла товаров в Болгарию на 21,8 млн франков, Великобритания на 14 млн. франков, Османская империя на 11 млн франков, а Россия на 4,1 млн. франков, скатившись по этому показателю на 7-е место [5, с. 386].

После фактического получения независимости Болгарией в России возникает интерес к развитию торговли с Болгарией. В 1882 г. группа московских предпринимателей направляет в Болгарию специальную экспедицию для изучения потребностей болгарского рынка. Однако деятельность этой экспедиции не имела практического результата. Торговля России с Болгарией практически не развивалась. Возникал вопрос, что тормозило развитие двухсторонней торговли? Россия также могла поставлять Болгарии шерстяные и хлопчатобумажные ткани, металлические изделия, включая сельскохозяйственный инвентарь – основу болгарского импорта. По качеству и цене российские товары не уступали аналогичным товарам из других европейских государств.

Причины такого неудовлетворительного состояния дел заключались в отсутствии отлаженной системы торговли России с Болгарией. Россия и Болгария не имели удобного транспортного сообщения друг с другом, в частности в начале XX в. на Дунае России принадлежало всего 12 пароходов и 30 барж, в то время как под австрийским флагом в низовьях Дуная плавало 180 пароходов и более 900 барж. К тому же российские суда уступали австрийским, венгерским и румынским судам в комфортабельности и скорости. В 1900-1904 г. из вошедших в болгарские порты судов иностранных государств на Австро-Венгрию приходилось 65%, в то время как на России всего 14%. В Болгарии отсутствовали финансовые учреждения, которые занимались бы кредитованием болгаро-российской торговли. Более того, отсутствовало прямое почтово-телеграфное сообщение между Россией и Болгарией.

Однако самая главная причина, по мнению дипломатов, заключалась в том, что российские торгово-промышленные круги в условиях быстрого развития внутреннего рынка проявляли слабый интерес к развитию внешней торговли, в том числе с Болгарией. Российские предприниматели не имели четких представлений о запросах болгарского потребителя, о болгарских фирмах с которыми они могли вести торговые операции, об их кредитоспособности. В отличие от представителей других стран, российский бизнес не предпринимал усилий для развития торговли с болгарскими в кредит, то есть, когда последние получали товар под последующую реализацию. Российские предприниматели не имели собственных коммивояжеров, которые разъезжали по Болгарии, изучая спрос местного населения, знакомя его с образцами товаров из России, принимая заказы и снабжая товарами болгарских торговцев [5, с. 392]. Все это самым негативным образом сказывалось на развитии двухсторонней торговли.

Среди причин, тормозивших развитие экономических связей России и Болгарии, являлся дипломатический и политический конфликт, который разразился между двумя государствами с 80-х гг. XIX в. Это привело к длительному замораживанию политических и экономических контактов между Россией и Болгарией [6, с. 214].

Даже в этих условиях в начале XX в. российские предприниматели добивались определенных успехов. Ново-Кострамская льняная мануфактура довольно успешно продавала в Болгарии льняные ткани, постоянно расширяя рынок сбыта, завод «Поссель и К» увеличивал сбыт металлических изделий в стране, в том числе кос, причем они ценились местным населением выше, чем косы штирийских заводов Австрии, более 90% керосина, поступавшего в Болгарию производилось в России. Ежегодно более 10 тыс. болгар выезжало на сельскохозяйственные работы в южные регионы России. Однако это были локальные успехи, которые не могли коренным образом изменить положение дел.

В качестве примера для российских предпринимателей, наши дипломаты приводили австро-венгерский опыт. Активное экономическое проникновение Дунайской империи в Болгарию начинается с 40-х гг. XIX в. с организации четкого речного и морского сообще-

ния империи Габсбургов с Болгарией, при этом австрийские и венгерские судоходные компании получили от болгарского правительства ряд привилегий. В последней четверти XIX в. австрийский капитал начинает проникать в Болгарию в виде железнодорожных концессий, с 1887 по 1894 гг. австрийский «Landerbank» выделил на строительство железных дорог в Болгарии 200 млн. франков, что так же вело к развитию экономических связей Болгарии с Австро-Венгрией. Империя Габсбургов после ухода России из Болгарии охотно предоставляла займы болгарскому правительству [7, с. 264].

Вся Болгария была наводнена коммивояжерами австро-венгерских фирм, которые распространяли их товары по всей стране. С 1886 по 1899 гг. ввоз австро-венгерских товаров в страну увеличился почти вдвое. Коммивояжеры проникали даже в отдаленные уголки Болгарии, они детально изучали вкусы и запросы местного населения, охотно кредитуют болгарских торговцев. Они информировали торговцев о ценах и качестве австро-венгерских товаров, демонстрируя их образцы. Болгарские торговцы получали товар непосредственно от производителя на ближайшем таможенном пункте Болгарии, в случае необходимости товар поставлялся прямо в магазины болгар. При этом объемы закупок не влияли на качество обслуживания болгарских торговцев. Австрийцы, четко усвоили специфику болгарской торговли – ориентация на мелкую торговлю.

Австро-венгерские банки охотно кредитовали торговые операции империи Габсбургов с Болгарией, в частности для облегчения операций банки Австро-Венгрии предоставляли кредиты болгарским банкам. Болгарские торговцы, как правило, брали товар под векселя на 3-4 месяца, которые признавались банками Австро-Венгрии.

Венская и Будапештская торговые палаты собирали всю необходимую информацию о Болгарии, которая могла заинтересовать представителей бизнеса империи, включая сведения обо всех фирмах и предпринимателях Болгарии. Более того, с конца XIX в. в Софии на немецком и болгарском языках издавалась газета «*Bulgarische Handelszeitung*», которая ориентировалась на освещение проблем и перспектив экономических связей Болгарии и Австро-Венгрии, при чем газета издавалась за счет средств торговых палат Австрии и Венгрии [5, с. 397].

Следует отметить, что предприниматели империи Габсбургов проявляли большие усилия для развития торговли с Болгарией и другими государствами Балкан и Ближнего Востока. Для этой цели в 1904 г. в Вене создается «Общество для поощрения торговли с Востоком». Общество издавала книги, периодические издания, посвященные экономике, политике и культуре стран Балканского полуострова и Ближнего Востока. В регион общество отправляла специальные исследовательские экспедиции. Общество имело свое представительство в Софии, в нем каждый болгарский предприниматель мог получить исчерпывающую информацию об австро-венгерских товарах, о таможенных пошлинах, условиях кредитования, фирмах и т.д. Представительство оказывало услуги бесплатно, переводя всю информацию на болгарский язык.

Большую роль в развитии экономических связей Австро-Венгрии с Болгарией играл, созданный в 1875 г. «Австрийский торговый музей». Необходимо отметить, что это не был музей в общепринятом смысле слова. Это был аналитический центр, который собирал и обрабатывал всю информацию, поступавшую из стран Балканского полуострова и Ближнего Востока, снабжая ее политическую и деловую элиты страны [1, с. 519-521]. После 1867 г. Венгрия получает широкую автономию в составе империи Габсбургов, поэтому она предпринимает самостоятельные попытки выхода на болгарский рынок. «Венгерский торгово-промышленный музей» открывает свои представительства в Пловдиве, Ращуке и Варне. Музей снабжал венгерских предпринимателей сведениями необходимыми для развития венгеро-болгарской торговли.

Четкая система организации торговли, уважительное отношение к болгарским партнерам служили основой для развития экономических связей Австро-Венгрии с Болгарией.

Поэтому Н. Дьяченко писал: «Пример Австро-Венгрии может во многих отношениях быть поучителен для нас, а приведенные результаты торговой политики этой державы на Ближнем Востоке служить доказательством того, что австрийский метод верен в самой своей основе и достоин серьезного внимания и изучения» [5, с. 398]. Думаю, что российские дипломаты, кроме этого, стали осознавать, что укрепление политических позиций России на Балканах невозможно без активного экономического проникновения в регион. К этому выводу несколько раньше в конце XIX в. пришли представители политической и экономической элиты Австро-Венгрии [10, р. 216].

4. Заключение

Следует подчеркнуть, что накануне первой мировой войны Россия, опираясь на австро-венгерский опыт предпринимает первые серьезные усилия по развитию экономических связей с Болгарией. В 1913 г. в Софии на ул. Искер №14 создается «Русский торговый музей», который копировал деятельность аналогичных структур из Австро-Венгрии [9, с. 27]. В 1913 г. «Русская экспортная палата» принимает решение об открытии своих отделений в Балканских государствах, в том числе в Болгарии. Однако политические осложнения на полуострове и начала первой мировой войны не позволили довести до конца эту созидательную работу, которая могла бы привести к значительному увеличению объемов экономических связей России и Болгарии.

Список источников и литературы

1. *Австрийский торговый музей* (1902) // Вестник финансов, промышленности и торговли. № 10. С. 519-521.
2. *Болгария в XX веке: Очерки полит. истории* (2003) / Редкол.: Е. Л. Валева (отв. ред.) и др. М.: Наука. 463 с.,
3. Брандт, Г. (1904). *Бургасский округ. Донесения вице-консула в Бургасе* // Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. IV. СПб.: Т-во Художественной печати. С. 283-298.
4. Весов, В. (1913) *25 лет Германии на Ближнем Востоке* // Торгово-промышленный Юг. № 14. С. 22-27.
5. Дьяченко, Н. (1908). *Торговля России с Болгарией. Донесение секретаря дипломатического агентства в Софии* // Сборник консульских донесений за 1907 г. Вып. V. С. 383-403.
6. Косик, В. И. (2003). *Из «семейной хроники славянства» (Болгария в международных отношениях 1879-1896 гг.)* // В «пороховом погребе Европы» 1878-1914. М.: Индрик, 2003. С. 191-216.
7. Ламздорф, В. Н. (1991). *Дневник 1886-1890*. М.: Международные отношения. 456 с.
8. *Наша хроника* (1913) // Торгово-промышленный Юг. № 19. С. 67.
9. Торгово-промышленный Юг. (1913). № 19. С. 27. (отдел рекламы)
10. Barany G. (1998) *Political Culture in the Lands of the Former Habsburg Empire: Arthurian and Parliamentary Traditions* // *Austrian Yearbook Historian*. Vol. XXIX. P. 195-249.

References

1. *Avstriyskiy torgovyy muzey*. (1902). [Austrian Trade Museum] in *Vestnik finansov, promyshlennosti i torgovli*, 10, 519-521. (in Russian).
2. *Bolgariya v XIX veke: Ocherki polit. istorii* (2003) [Bulgaria in the twentieth century: Essays on politics. History] / E. L. Valeva. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

3. Brandt, G. (1904). *Burgasskiy okrug. Doneseniya vitse-konsula v Burgase* [Burgas district. Reports of the vice-consul in Burgas] in *Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1903 g.*, IV. Sankt-Petersburg, Khudozhestvennoy pečati Publ., 283-298. (in Russian).
4. Vesov, V. (1913). *25 let Germanii na Blizhnem Vostoke* [25 years of Germany in the Middle East // Commercial and Industrial South] in *Torgovo-promyshlennyy Yug*, 14, 22-27. (in Russian).
5. D'yachenko, N. (1908). *Torgovlya Rossii s Bolgariyey. Donesenie sekretarya diplomatičeskogo agentstva v Sofii* [Trade between Russia and Bulgaria. Report of the secretary of the diplomatic agency in Sofia] in *Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1907 g.*, V, 383-403. (in Russian).
6. Kosik, V.I. (2003). Iz «semeynoy khroniki slavyanstva» (Bolgariya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh 1879-1896 gg.) [From the “family chronicle of the Slavs” (Bulgaria in international relations 1879-1896)] in *V porokhovom pogrebe Evropy. 1878-1914*. Moscow, Indrik, 2003, 191-216. (in Russian).
7. Lamzdorf, V.N. (1991). *Dnevnik 1886-1890* [Diary 1886-1890]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russian).
8. *Nasha khronika* (1913). [Our chronicle] in *Torgovo-promyshlennyy Yug*, 19, 67. (in Russian).
9. *Torgovo-promyshlennyy Yug* (1913) [Commercial and industrial South], 19, 27 (otdel reklamy) (in Russian).
10. Barany, G. (1998). *Political Culture in the Lands of the Former Habsburg Empire: Arthurian and Parliamentary Traditions* [Political Culture in the Lands of the Former Habsburg Empire: Arthurian and Parliamentary Traditions] in *Austrian Yearbook Historian*, XXIX, 195-249. (in Russian).

Вклад авторов:

И. В. Крючков: разработка концепции статьи, анализ полученных данных, написание текста рукописи.

А. А. Кудрявцев: получение данных для анализа, обзор публикаций по теме статьи.

Authors' contributions:

Igor Kryuchkov: writing the text of the manuscript; review of publications on the topic of the article;

Alexander Kudryashev: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-143-147>
УДК 947.07 (093)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л. М. ЛЯШЕНКО
«ДВА БРАТА НА РОССИЙСКОМ ПРЕСТОЛЕ» (Москва: Вече, 2023. 496 с.)**

А. Н. Долгих
Липецкий государственный педагогический
университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского
ул. Ленина, д. 42, Липецк, 398020, Россия

Для цитирования: Долгих А. Н. (2024). Рецензия на книгу Л. М. Ляшенко «Два брата на российском престоле» (Москва: Вече, 2023. 496 с.) // История: факты и символы. № 1 (38). С. 143-147 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-143-147

Статья поступила: 20.12.2023

Статья принята в печать: 27.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Долгих А., 2024

**REVIEW OF THE BOOK BY L. M. LYASHENKO
“TWO BROTHERS ON THE RUSSIAN THRONE” (Moscow: Veche, 2023. 496 pp.)**

Arkady Dolgikh
Lipetsk State Pedagogical
Semenov-Tyan-Shansky University
st. Lenina, 42, Lipetsk, 398020, Russia

For citation: Dolgikh A. (2024). Review of the book by L. M. Lyashenko “Two Brothers on the Russian Throne” (Moscow: Veche, 2023. 496 pp.) in History: facts and symbols, 1 (38), 143-147 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-143-147

Received: 20.12.2023

Revised: 27.02.2024

Published: 15.03.2024

© Dolgikh A., 2024

Данное издание является заключительной книгой в серии работ данного автора, посвященной истории России первой половины XIX в. [7; 9; 10], своеобразным итогом его размышлений над нею. Нельзя не отдать должного взвешенности оценок внутренней и внешней политики обоих монархов – Александра I и Николая I, даже ряда сторон общест-

венного движения эпохи, что является заслугой автора, имея в виду многополярность современных взглядов на сей счет, сильно сегодня политизированных и, как отмечал Л.М. Ляшенко, в том числе и «в зависимости от тех не всегда надежных источников, на которые ученые вынуждены опираться» [8, с. 5]. Отметим и читабельность книги и для профессионалов-историков, и для обычных граждан. Вместе с тем в работе нет глубокого анализа источников по данной тематике. Автору нет дела до историографии по данной проблематике последних лет [1; 4; 5; 6; 12]. Если бы работа носила только популярный характер, это было бы понятно. Но в том-то и дело, что в ней даются в ряде случаев и ссылки на некоторые, преимущественно мемуарные источники, и на старую литературу; новой литературы ее автор, видимо, не знает или не желает ее использовать. В силу этого оценка автора этой книги известным педагогом Е.А. Ямбургом как «крепкого профессионала» [8, с. 485] выглядит несколько преувеличенной.

Наконец, в ряде случаев его выводы не учитывают всей совокупности явлений выбранной им темы. Так, например, верно отмечая, что «традиции установления диалога с обществом у Романовых отсутствовали, да они и не выказывали особого желания учиться вести подобный диалог», а сам Николай I после выступления декабристов «навсегда отказался от какой бы то ни было помощи трону со стороны общества» [8, с. 3, 401], автор не приводит иных свидетельств на сей счет, например, факта известной встречи Николая I со смоленскими дворянами в конце 1840-х гг. и беседы с ними насчет крестьянского вопроса, приведшей к определенным, пусть и не столь обширным на практике последствиям [3; 12, с. 150, 198-199]. В ряде случаев, с нашей точки зрения, устарелой выглядит и терминология, имеющая место в книге, скажем использование термина «либерализм» для крепостнической эпохи, термина «царь» в отношении Николая I (лучше «император», так как он также именовался и «царь Польский»), «крепостные крестьяне» (лучше в данном отношении и контексте – «владельческие» или «помещичьи»); кстати, сюжет об арендных, да и удельных крестьянах практически опущен.

Выделим, тем не менее, наиболее интересные и, с нашей точки зрения, продвинутые пассажи данного исследования. Мы бы особенно здесь отметили сюжет автора о теории «официальной народности» министра народного просвещения при Николае I С. С. Уварова. Здесь автор придерживается традиционной позиции, противостоящей модному и весьма оригинальному сегодня мнению некоторых современных историков. Так, например, А. Ю. Минаков высказался недавно о формуле Уварова «православие-самодержавие-народность» как гениальной [11, с. 302]. Однако к счастью этот опасный для науки откат на столетия назад не характерен для Л. М. Ляшенко. Он несколько иначе (и вполне справедливо) трактует знаменитую реакционную триаду как определенный тормоз общественного развития, при этом имея в виду ее как «систему» «временную, наиболее подходящую к ситуации 1830–1840-х годов», трактуя ее как «незатейливую, неоднозначную, во многом утопичную»; при этом изменение в порядке слов этой триады могло привести, по его мнению, и к революционным выводам. При этом, по словам историка, «после появления триады Уварова казенный патриотизм вошел в моду, дурость и циничный расчет, всегда идущие рука об руку, расцвели пышным цветом» [8, с. 311-317, 417].

Наиболее спорными и неоднозначными, с нашей точки зрения, у данного автора оказались сюжеты, связанные с крестьянским вопросом, занимавшим особое место во внутренней политике обоих императоров. Приведем типичную для этого автора сентенцию про Александра I, который при вступлении на престол «вообще не знал, что в России существует закон, позволяющий продавать крестьян как скот, разлучая мужей, жен и детей. Позже он запретил публиковать объявления о продаже крестьян (хотя сама продажа по-прежнему отнюдь не воспрещалась), торговать ими на ярмарках, ссылая в Сибирь за незначительные проступки. Александр прекратил массовые пожалования казенных крестьян в частные руки, но только в Центральной России. На окраинах империи практика пожалований продолжа-

лась...». В другом месте работы автор отмечал, что в послевоенные годы правления Александра «помещикам оказались возвращены права продавать крестьян поодиночке... и ссылать без суда и следствия в Сибирь». К тому же автор упоминал и проекты «отмены крепостного права, прежде одобренные императором», которые «так и не стали реальными законами» [8, с. 73, 251].

Здесь много серьезных неточностей. Вообще специального закона, разрешавшего продажу людей с разлучением семейств, не было (иное дело – реальная практика), не было и некоего возвращения этого права помещикам, не было издано при Александре закона о запрете ссылать в Сибирь (но существовал, по нашему мнению, своеобразный мораторий в реализации указа 1760 г. на эту тему до 1822 г.), частные пожалования, в основном, прекратились (за незначительным исключением), но в отношении западных земель сохранилась практика аренд, а это нечто иное. Не очень ясно при этом, что это были за проекты отмены крепостного права, одобренные монархом. Известно, что проект графа А. А. Аракчеева 1818 г. был составлен по предложению Александра, а проект Н. И. Тургенева примерно того же времени, о котором известно было положительное мнение монарха, вообще не предусматривал освобождения крестьян, а лишь был направлен на ограничение крепостничества. Более точных сведений на сей счет нет, хотя известно, что Александр предлагал некоторым лицам из своего окружения составлять подобные проекты [2, т. 1, с. 122-131, 167-176, 209-247; т. 2, с. 21-35, 210-215]. Согласитель, это не одно и то же.

Подобные пассажи заметны и для николаевского времени. Так, автор упоминал закон 1847 г. «о праве крестьян, приписанных к имениям, продававшихся на публичных торгах, выкупаться на волю с землей». Но во втором издании Свода законов его не оказалось. По мнению автора, его украла бюрократия, как и в случае с указом 1827 г. об обязательном наделении владельческих крестьян 4,5 дес. пахотной земли [8, с. 303]. Если второй факт, действительно, известен, то судьба первого указа была иной. На самом деле, после издания указа 1847 г. он встретил серьезную оппозицию консервативного дворянства и после специального обсуждения в верхах империи был фактически отменен, что и привело к его отсутствию во втором издании Свода законов [1, с. 315, 321; 12, с. 96, 200-215, 221, 225, 229]. Отметим, что мы пишем здесь только о тех фактах, которые упоминал автор книги.

Завершая краткий анализ книги Л. М. Ляшенко, отметим, что, с нашей точки зрения, автору следовало бы заниматься хорошо известными ему фактами и примерами, прежде всего, из личной жизни изучаемых им монархов, опуская конкретные сюжеты, в которых ему не хватает исследовательского опыта. Тем не менее, новая работа Л. М. Ляшенко явно превосходит «на порядок» всякого рода лекции «на тему», к сожалению имеющие место в разного рода средствах массовой информации последнего времени.

Список источников и литературы

1. Вискочков, Л. В. (2018). *Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века*. М.: Академический проект. 999 с.
2. Долгих, А. Н. (2006). *Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв.* В 2 т. Липецк: ЛГПУ. Т. 1 - 311 с.; т. 2 - 359 с.
3. Долгих, А. Н. (2018). *О попытке зондажа дворянского общественного мнения по крестьянскому вопросу Николаем I в 1840-е гг.* // Манускрипт. № 7 (93). С. 31-34.
4. Долгих, А. Н. (2022). *«Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историографические очерки*. Липецк: ЛГПУ. 478 с.

5. Долгих, А. Н. (2018). «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII - первой четверти XIX в. *Историографические очерки*: В 2 т. Липецк: ЛГПУ, Т. 1. - 354 с.; Т. 2. - 358 с.
6. Ильин, А. Ю., Канищев, В. В. (2023). К проблеме изучения крестьянского вопроса в России в XVIII – первой половине XIX в. // *Гуманитарные исследования Центральной России*. № 3 (28). С. 16-21.
7. Ляшенко, Л. М. (2014). *Александр I: Самодержавный республиканец*. М.: Молодая гвардия. 347 с.
8. Ляшенко, Л. М. (2023). *Два брата на российском престоле*. М.: Вече, 2023. 496 с.
9. Ляшенко, Л. М. (2013). *Декабристы: Новый Взгляд*. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. 240 с.
10. Ляшенко, Л. М. (2013). *Николай I. Случайный император*. М.: АСТ-Пресс-Книга, 2013. 224 с.
11. Минаков, А. Ю. (2023). Характерные черты русского консерватизма // *Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения «Поминайте наставников ваших» (Евр. 13:7), посвященные году педагога и наставника: Материалы XIX Международного форума (г. Липецк, 14-15 декабря 2023 г.) / Под ред. И. А. Шевченко, Н. А. Фроловой (отв. редактор). Липецк: ЛГПУ. С. 301-303.*
12. Ружицкая, И. В. (2015). *Законодательная деятельность в царствование императора Николая I*. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 360 с.

References

1. Vyskochkov, L. V. (2018). *Nikolaj I i ego jepoha. Oчерki istorii Rossii vtoroj chetverti XIX veka* [Nicholas I and his era. Essays on the history of Russia in the second quarter of the 19th century.]. Moskva, Akademicheskij proekt Publ. (in Russian).
2. Dolgih, A. N. (2006). *Krest'janskij vopros vo vnutrennej politike rossijskogo samodержavija v konce XVIII – pervoj chetverti XIX vv.* [The peasant question in the internal politics of the Russian autocracy at the end of the 18th - first quarter of the 19th centuries]. V 2 t. Lipeck, LGPU Publ. (in Russian).
3. Dolgih, A. N. (2018). *O popytke zondazha dvorjanskogo obshhestvennogo mnenija po kre-st'janskomu voprosu Nikolaem I v 1840-e gg.* [About an attempt to probe noble public opinion on the peasant issue by Nicholas I in the 1840s.] in *Manuskript*, 7 (93). (in Russian).
4. Dolgih, A. N. (2022). «*Porohovoj pogreb pod gosudarstvom*»: *puti reshenija krest'jansko-go voprosa v Rossii v jepohu pravlenija Nikolaja I. Istoriograficheskie oчерki* [“The powder magazine under the state”: ways to solve the peasant question in Russia during the reign of Nicholas I. Historiographical essays.]. Lipeck, LGPU Publ. (in Russian).
5. Dolgih, A. N. (2018). «*Uvizhu l', o druz'ja, narod neugnetennyj...*»: *Rossijskoe dvorjan-stvo i krest'janskij vopros v XVIII - pervoj chetverti XIX v. Istoriograficheskie oчерki*. [“Will I see, oh friends, an unoppressed people...”: Russian nobility and the peasant question in the 18th - first quarter of the 19th centuries. Historiographical essays]. Lipeck, LGPU Publ. (in Russian).
6. Il'in A. Ju., Kanishhev V. V. (2023). *K probleme izuchenija krest'janskogo voprosa v Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v.* [On the problem of studying the peasant question in Russia in the 18th – first half of the 19th centuries] in *Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii*, 3 (28), (in Russian).
7. Ljashenko, L. M. (2014). *Aleksandr I: Samoderzhavnyj respublikanec* [Alexander I: Autocratic Republican.]. Moskva, Molodaja gvardija Publ. (in Russian).
8. Ljashenko, L. M. (2023). *Dva brata na rossijskom prestole* [Two brothers on the Russian throne]. Moskva, Veche Publ. (in Russian).

9. Ljashenko, L. M. (2013). *Dekabristy: Novyj Vzgljad* [Decembrists: New Look]. Moskva Publ., AST-Press Kniga. (in Russian).
10. Ljashenko, L. M. (2013). *Nikolaj I. Sluchajnyj imperator* [Nicholas I. Accidental Emperor]. Moskva, AST-Press-Kniga Publ. (in Russian).
11. Minakov, A. Ju. (2023). *Harakternye cherty russkogo konservatizma* [Characteristic features of Russian conservatism] in *Zadonskie Svja-to-Tihonovskie obrazovatel'nye chtenija «Pominajte nastavnikov vashih»* (Evr. 13:7), *po-svjashhennye godu pedagoga i nastavnika: Materialy XIX Mezhdunarodnogo foruma (Lipeck, 14-15 dekabnja 2023 g.) / Pod red. I. A. Shevchenko, N. A. Frolovoj*. Lipeck, LGPU Publ. (in Russian).
12. Ruzhickaja, I. V. (2015). *Zakonodatel'naja dejatel'nost' v carstvovanie imperatora Nikolaja I* [Legislative activity during the reign of Emperor Nicholay I]. Moskva-Sankt-Peterburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-147-152>
УДК 94(470)

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОО «АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»

Ю. В. Селезнёв

*Воронежский государственный университет
Университетская пл., д. 1, Воронеж, 394018, Россия*

Для цитирования: Селезнёв Ю. В. (2024). Обзор деятельности МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды» // История: факты и символы. № 1 (38). С. 147-152
doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-147-152

Статья поступила: 20.12.2023

Статья принята в печать: 27.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

© Селезнёв Ю., 2024

OVERVIEW OF THE ACTIVITIES OF ASSOCIATION OF RESEARCHERS GOLDEN HORDE

Yury Seleznev

*Voronezh State University
Universitetskaya sq., 1, Voronezh, 394018, Russia*

For citation: Seleznev Yu. (2024). Review of the activities of the MOO "Association of Researchers of the Golden Horde" in History: facts and symbols, 1 (38), 20-31
doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-147-152

Received: 20.12.2023

Revised: 27.02.2024

Published: 15.03.2024

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

© Seleznev Yu., 2024

Международная общественная организация «Ассоциация исследователей Золотой Орды» берет начало своей деятельности 19 ноября 2020 г., когда состоялось учредительное заседание. С момента формирования организации основной задачей Ассоциации обозначено проведение обширных исследований, связанных с историей Золотой Орды и государств, возникших после ее распада. Это включает в себя археологические, исторические и культурологические исследования с целью расширения знаний об этом

периоде и регионе. Основой обзора являются свидетельства о деятельности отдельных клубов Ассоциации исследователей Золотой Орды.

Ассоциация стремится поддерживать исследования в области Золотой Орды и постзолотоордынских государств, предоставляя организационную и информационную поддержку ученым и специалистам, работающим в этой области.

Кроме того, уделяется внимание распространению полученных знаний среди широкой публики. Это может включать в себя организацию выставок, конференций, публикации научных работ и создание образовательных программ. Сообщество призвано способствовать профессиональному росту и развитию специалистов в области ордыведения. Это может включать в себя организацию мастер-классов, семинаров и обмен опытом между исследователями.

Ассоциация выполняет роль координатора и руководителя в развитии исследований, связанных с историей Золотой Орды и постордынских государств. Это может включать в себя организацию исследовательских программ, выделение средств на исследовательские проекты и содействие сотрудничеству между учеными и институтами.

Важной задачей является собрать усилия и ресурсы для более глубокого и всеобъемлющего изучения и понимания исторического наследия Золотой Орды и ее влияния на постордынские государства.

Учредители (ученые Татарстана, Москвы, Санкт-Петербурга, Крыма и зарубежья) продолжили развитие структуры Ассоциации и с января 2021 г. начала разворачиваться деятельность региональных клубов.

На данный момент действуют пять дискуссионных клубов («мозговых центров»).

В первую очередь необходимо отметить деятельность Московского дискуссионного клуба при Ассоциации исследователей Золотой Орды. Дискуссионный клуб к настоящему времени вышел на режим ежемесячных заседаний.

В течение 2021-2022 гг. в ходе работы клуба было прочитано более 15 докладов и проведено 5 презентаций новых книг. Представленные материалы являются анализом впервые вводимых в научный оборот или удачной попыткой по-новому взглянуть на информацию хорошо известные источники новой научной интерпретацией событий. Современные информационно-коммуникативные технологии позволяют принимать участие в работе клуба и представителям иных городов [1, с. 294-297; 2, с. 728-734]. Таким образом, содержательно работа клуба представляет собой концентрацию на преимущественно научном осмыслении истории Орды и постордынских государств. Это не удивительно. Поскольку ядром клуба являются сотрудники институтов АН РФ, а душой заседаний и гарантией высокого научного качества обсуждения докладов являлся член-корреспондент АН РФ Вадим Винцерович Трепавлов, который на учредительном собрании Ассоциации был избран ее председателем. То есть, Московский клуб фактически осуществлял свою деятельность при активном участии руководителя всей Ассоциации. К сожалению, 31 марта 2023 г. Вадим Винцерович скончался.

На Казанский дискуссионный клуб, которому было присвоено имя М.Г. Сафаргалиева, легло бремя организационных мероприятий. Сразу же после учреждения сообщества Координационный Совет Ассоциации возглавил руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. к.и.н. Ильнур Мидхатович Миргалеев.

Кроме того, было принято решение считать официальным печатным органом Ассоциации научный периодический журнал «Золотоордынское обозрение» (на страницах журнала публикуются научные статьи, источники (наследие), рецензии, обзоры, краткие сообщения (хроника, рецензии)). Периодичность журнала составляет четыре выпуска в год, а своевременность выхода диктует сложные координационные усилия для формирования отдельных выпусков, их рецензирования и публикации. Высокий научный уровень журнала

признан в различных базах данных, ранжирующих научные издания (как правило, в позиционировании качественного статуса журнала применяют следующие критерии: уровень авторитетности авторов, уникальность и качество их статей, уровень рецензирующей организации и организации-учредителя).

Официальным Общим собранием членом Ассоциации был признан Международный Золотоордынский Форум, который регулярно объединяет более 100 ученых-исследователей со всего мира. Было принято решение, что Форум будет собираться в г. Казань раз в три года (ранее проводился раз в два года). Вполне закономерно, что бремя проведения научного собрания также легло на «Центра исследований Золотой Орды». И уже в рамках деятельности Ассоциации 14–16 декабря 2022 г. на базе Института истории им. Ш.Марджани АН РТ был проведен VII Международный Золотоордынский Форум «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России». В работе Форума приняли участие более 80-ти ученых из России, Турции, Израиля, Сербии, Белоруссии, Чехии и Казахстана.

На базе центра проводятся и иные научные мероприятия: конференции, семинары, обсуждения диссертаций. Участники Казанского клуба МОО Ассоциация исследователей Золотой Орды принимают активное участие в научных мероприятиях в России и за рубежом [3, с. 291-293].

Петербургский дискуссионный клуб при Ассоциации исследователей Золотой Орды осуществлял деятельность в рамках совместных научных мероприятий. Так при участии исследователей, занимающихся историей Золотой Орды, 31 марта 2021 г. в Зеленом зале Института восточных рукописей РАН состоялась очередная ежегодная 12-я конференция «Путешествия на Восток-2019/2020 гг.», организованная отделами Центральной и Южной Азии и Отделом Дальнего Востока ИВР РАН. В апреле 2022 г. на юрфаке НИУ ВШЭ — СПб прошло совместное заседание Клуба Ассоциации ЗО и Историко-правового клуба (СНО). В октябре 2022 г. при участии Клуба был организован тематический круглый стол на Петербургском историческом форуме в СПбГУ «Современные проблемы изучения Монгольской империи и ее места в истории». А в ноябре 2022 г. при участии клуба в рамках Первого Петербургского конгресса исследователей международных отношений была организована секция «Монгольская экспансия на Запад, 1219-1260 гг.».

В 2021 г. защитил докторскую диссертацию по истории с темой «Антропология властной коммуникации в российской политике фронтальной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII — начале XX в.» руководитель клуба Роман Юлианович Почекаев, что можно также занести в актив деятельности научного сообщества.

Санкт-Петербургский клуб Ассоциации намерен расширить перспективу сотрудничества между другими клубами и принимать у себя ученых из состава российских клубов в городе на Неве.

Крымский дискуссионный клуб, который функционирует в рамках Ассоциации исследователей Золотой Орды под руководством Эмиля Сейдалиева, организует интересные и познавательные мероприятия в области изучения истории Крымского ханства и смежных тем. К примеру, важным событием клуба была лекция, состоявшаяся 29 апреля 2021 г. в Крымском инженерно-педагогическом университете имени Февзи Якубова. Лекция на тему "Монетное дело в Крымском ханстве" была проведена А. В. Якушечкиным, который рассказал о нумизматике, ее роли как историческом источнике и методах работы с монетами.

Кроме того, важным научным событием стала конференция «TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время, которая проводится при непосредственном участии Ассоциации и лично руководителя Крымского клуба

Сейдалиева Эмиля Исаевича. Первая состоялась в Симферополе 7-8 декабря 2022 г. [6, 128 с.]. Вторая 10-12 октября 2023 г.

В июле 2022 г. в рамках работы совместной Старокрымской археологической экспедиции Института археологии Крыма РАН, Крымского инженерно-педагогического университета и Государственного Эрмитажа при поддержке МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды» для студентов-практикантов был проведен семинар на тему «Денежное обращение в Крыму в эпоху Золотой Орды».

Подобные мероприятия показывают важность вспомогательных исторических дисциплин для понимания истории Крымского ханства и поднимают интересные вопросы для обсуждения в дискуссионном клубе. Просветительская деятельность играет важную роль в содействии изучению и популяризации исторических тем и научных дисциплин.

Особенностью мероприятий, осуществленных в ходе работы Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» стал их научно-просветительский и образовательный характер. Это одно из важных направлений, отмеченных в Уставе «Ассоциации исследователей Золотой Орды».

Итогом деятельности клуба в 2021 г. стала инициатива проведения конкурса научных рецензий (исходя из постулата о том, что рецензия – одна из важнейших форм научной дискуссии) [4, с. 241–246; 5, с. 286-290]. Важно отметить, что форма рецензии и её смысл – подробный разбор научных открытий и оценка их значимости – на данный момент соблюдается в одном из десяти случаев. В 2022 г. рамках ежегодных отчетных процедур деятельность Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» оказалась включена в информационное поле департамента координации деятельности научных организаций по основным проектам и мероприятиям, реализуемым в 2022 г. подведомственными Минобрнауки России научными и образовательными организациями, по изучению материального и нематериального наследия, обобщению и популяризации научных данных по народам алтайской языковой семьи.

Клуб выступил инициатором и активным участником научных конференций, что свидетельствует о расширении им организационных функций. Также наметилась и была осуществлена координация деятельности отдельных клубов Ассоциации исследователей Золотой Орды: Московский, Санкт-Петербургский, Казанский и Воронежский клубы и их представители осуществили участие в организации совместных мероприятий различного направления.

Различные мероприятия Ассоциации исследователей Золотой Орды свидетельствуют о наличии активного интереса к исследованиям в области истории Золотой Орды и постордынских государств. Несмотря на некоторые трудности в организации встреч, Ассоциация обладает значительным потенциалом для осуществления исследований и обмена знаниями. Можно надеяться, что совместные усилия позволят преодолеть возникающие преграды, чтобы добиться еще больших успехов в изучении и популяризации истории Золотой Орды и кочевниковедения.

Список источников и литературы

1. Беляков, А. В., Тимохин, Д. М. (2023). *Обзор деятельности московского дискуссионного клуба международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2022-2023 гг.* // Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Золотоордынского Форума, посвященного 1100-летию принятия Ислама народами Волжской Булгарии. Казань: Фэн. С. 294-297.

2. Беляков, А. В., Тимохин, Д. М. (2022). *Обзор деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды»* // Золотоордынское обозрение. Т. 10, № 3. С. 728–734.

3. Галимов, Т. Р., Гиниятуллина, Л. С. (2023). *Обзор деятельности Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды»: достигнутые результаты и перспективы* // Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Золотоордынского Форума, посвященного 1100-летию принятия Ислама народами Волжской Булгарии. Казань, С. 291-293.

4. Селезнев, Ю. В. (2022). *Обзор деятельности Воронежского клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды»* // Золотоордынское обозрение. Т. 10. № 1. С. 241-246.

5. Селезнёв, Ю. В. (2023). *Очерк деятельности Воронежского клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2022 г.* // Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Золотоордынского Форума, посвященного 1100-летию принятия Ислама народами Волжской Булгарии. Казань, С. 286-290.

6. TERRA TATARICA (2022): Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 7-8 декабря 2022 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». 128 с.

References

1. Belyakov, A. V., Timokhin, D. M. (2023). *Obzor deyatel'nosti moskovskogo diskussionnogo kluba mezhdunarodnoy obshchestvennoy organizatsii «Assotsiatsiya issledovateley Zolotoy Ordyy» v 2022-2023 gg.* [Review of the activities of the Moscow discussion club of the international public organization "Association of Researchers of the Golden Horde" in 2022-2023] in *Zolotoordynskoye naslediye. Materialy VII Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma, posvyashchennogo 1100-letiyu prinyatiya Islama narodami Volzhskoy Bulgarii.* Kazan', Fen. (in Russian).

2. Belyakov, A. V., Timokhin, D. M. (2022). *Obzor deyatel'nosti Moskovskogo diskussionnogo kluba Mezhdunarodnoy obshchestvennoy organizatsii «Assotsiatsiya issledovateley Zolotoy Ordyy»* [Overview of the activities of the Moscow discussion club of the International public organization "Association of researchers of the Golden Horde"] in *Zolotoordynskoye obozreniye*, 10, 3. (in Russian).

3. Galimov, T. R., Giniyatullina, L. S. (2023). *Obzor deyatel'nosti Mezhdunarodnoy obshchestvennoy organizatsii «Assotsiatsiya issledovateley Zolotoy Ordyy»: dostignutyie rezul'taty i perspektivy* [Review of the activities of the International Public Organization "Association of Researchers of the Golden Horde": achieved results and prospects] in *Zolotoordynskoye naslediye. Materialy VII Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma, posvyashchennogo 1100-letiyu prinyatiya Islama narodami Volzhskoy Bulgarii.* Kazan', Fen. (in Russian).

4. Seleznev, Yu. V. (2022). *Obzor deyatel'nosti Voronezhskogo kluba Mezhdunarodnoy obshchestvennoy organizatsii «Assotsiatsiya issledovateley Zolotoy Ordyy»* [Review of the activities of the Voronezh Club of the International Public Organization "Association of Researchers of the Golden Horde"] in *Zolotoordynskoye obozreniye*, 10, 1. (In Russian)

5. Seleznev, Yu. V. (2023). *Ocherk deyatel'nosti Voronezhskogo kluba Mezhdunarodnoy obshchestvennoy organizatsii «Assotsiatsiya issledovateley Zolotoy Ordyy» v 2022 g.* [Essay on the activities of the Voronezh Club of the International Public Organization "Association of Researchers of the Golden Horde" in 2022] in *Zolotoordynskoye naslediye. Materialy VII Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma, posvyashchennogo 1100-letiyu prinyatiya Islama narodami Volzhskoy Bulgarii.* Kazan', Fen (in Russian).

6. TERRA TATARICA: *Krym i tyurkskiy mir v epokhu Srednevekov'ya i v Novoye vremya* (2022) [Crimea and the Turkic world in the Middle Ages and Modern times] (Simferopol', 7-8 dekabrya 2022 g.). Materialy nauchnoy konferentsii / отв. red. E. I. Seydaliyev. Simferopol', IT «ARIAL». (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Станислав Александрович, аспирант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец, Россия
volkov.stas88@yandex.ru

Долгих Аркадий Наумович, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4883-1095>
adonli@mail.ru

Ипатов Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, доцент Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5320-140X>
molot.tora@mail.ru

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1224-1341>
igory5@yandex.ru

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Курской академии государственной и муниципальной службы, Курск, Россия
kudlanov777@mail.ru

Кудрявцев Александр Абакарович, доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0597-3982>
info@ncfu.ru

Майоров Анатолий Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой «Орловского государственного аграрного университета им. Н. В. Парахина, Орёл, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4758-7553>
aamajorov@mail.ru

Маторина Ирина Владимировна, аспирант Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0090-5518>
mirw5@yandex.ru

Махрачев Георгий Сергеевич, младший научный сотрудник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8279-243X>
mahrachova@mail.ru

Махрачева Яна Васильевна, младший научный сотрудник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8634-110X>
nika36323@yandex.ru

Меркулов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9957-3065>
aleksandrmerkulov@mail.ru

Пальчикова Александра Сергеевна, аспирант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец, Россия
palchikova1994@mail.ru

Подвальнов Евгений Дмитриевич, аспирант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец, Россия
<https://orcid.org/0009-0009-7434-3763>
evgeny.podvalnov@yandex.ru

Пуневский Ярослав Викторович, аспирант Государственного университета просвещения, Москва, Россия
moskva221090an@gmail.com

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тамбовского государственного технического университета, Тамбов, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0882-4592>
d_safonov@mail.ru

Селезнёв Юрий Васильевич, руководитель Воронежского клуба МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды», доктор исторических наук, заведующий кафедрой Воронежского государственного университета
<https://orcid.org/0000-0002-8224-445X>
orda1359@mail.ru

Тарасов Марк Олегович, аспирант Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
mrsobolev90@rambler.ru

Тропин Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец, Россия
tropin2003@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stanislav A. Volkov, graduate student of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
volkov.stas88@yandex.ru

Arkady N. Dolgikh, Doctor of Historical Sciences, Professor of Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-4883-1095>
adonli@mail.ru

Alexey M. Ipatov, Candidate of Historical Sciences Zhukovsky and Gagarina, senior researcher at the Air Force Academy, Associate Professor, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5320-140X>
molot.tora@mail.ru

Igor V. Kryuchkov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1224-1341>
igory5@yandex.ru

Konstantin B. Kudlanov, Candidate of Historical Sciences, senior lecturer at the Kursk Academy of State and Municipal Administration, Kursk, Russia
kudlanov777@mail.ru

Alexander A. Kudryavtsev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0597-3982>
info@ncfu.ru

Anatoly A. Mayorov, Doctor of Historical Sciences, head of the department of Parakhin Oryol State Agrarian University, Orel, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4758-7553>
aamajorov@mail.ru

Irina V. Matorina, graduate student of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0090-5518>
mirw5@yandex.ru

Georgy S. Makhachev, junior researcher of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8279-243X>
mahrachova@mail.ru

Yana V. Makhacheva, junior researcher of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8634-110X>
nika36323@yandex.ru

Alexander N. Merkulov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9957-3065>
aleksandrmerkulov@mail.ru

Alexandra S. Palchikova, graduate student of Yelets State University. I.A. Bunina, Yelets, Russia
palchikova1994@mail.ru

Evgeniy D. Podvalnov, graduate student of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
<https://orcid.org/0009-0009-7434-3763>
evgeny.podvalnov@yandex.ru

Yaroslav V. Punevsky, graduate student of the State University of Education, Moscow, Russia
moskva221090an@gmail.com

Dmitry A. Safonov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher at Tambov State Technical University, Tambov, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0882-4592>
d_safonov@mail.ru

Yuri V. Seleznev, head of the Voronezh club of the Association of Researchers of the Golden Horde, Doctor of Historical Sciences, head of the department of Voronezh State University
<https://orcid.org/0000-0002-8224-445X>.
orda1359@mail.ru

Mark O. Tarasov, graduate student of Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia
mrsobolev90@rambler.ru

Nikolai A. Tropin, doctor of isirical anuks, professor of BuninYelets State University, Yelets, Russia
tropin2003@list.ru

Scientific journal

**HISTORY:
FACTS AND SYMBOLS**

Научное издание

**ИСТОРИЯ:
ФАКТЫ И СИМВОЛЫ**

№ 1 (38) / 2024

*Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 14.03.2024
Дата выхода в свет 15.03.2024
Бумага 78,5 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 9
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: [http:// hisfas.elpub.ru/jour](http://hisfas.elpub.ru/jour)

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1